

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2017 • Т.8 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл № ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Юрист
издательская
группа

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гамаи-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Редакционная коллегия выпуска

В.Я. Белокреницкий

С.И. Лунев

В.Г. Ледяев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Александр Жевит, проф., Федеральный
университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро,
Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., академик РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва,
Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуашиэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаплеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутлов, д.и.н., проф., МГУ имени

М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №28

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,

д. 26/55, стр. 7

Тел.: +7(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,0

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная

Подписано в печать 15.08.2017

Выход из печати: 11.09.2017

ISSN – 2221-3279

ISSN (online) – 2412-4990

© Воскресенский А.Д., 2017

© Сравнительная политика, 2017

© Издательская группа «Юрист», 2017

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2017 • Vol.8 № 3

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Editorial Board of the Issue

Viacheslav Ya. Belokrenitsky

Sergey I. Lunev

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Member, Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.28 since 2010

Subscription Centre:
+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamiyskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 21,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 15 August 2017
Printed: 11 September 2017
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Voskressenski A.D., 2017
© Comparative Politics, 2017
© Publishing Group "Yurist", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

- А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, И.Ю. Окунев.** К читателям журнала
- СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ**
- Н.И. Бубнова.** «Мозговые центры» как актор современной политики
- А.И. Подберезкин, М.В. Харкевич.** Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности
- Andrew Korybko, Hamsa Haddad.** The Revolution in Russia's Mideast Strategy
- Т.В. Вербицкая.** Военная дипломатия и политика России в Сирии
- СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА**
- С.М. Труш.** Отношения КНР и США в экономической сфере: двусторонние связи и многосторонние экономические проекты
- Ф.Д. Соловей.** Политика администрации Дж. Буша-мл. и первой администрации Б. Обамы в отношении Российской Федерации и стран СНГ (2001–2012 гг.): сравнительный анализ
- Д.В. Кочегарова, А.В. Новиков.** Конфликт политических интересов России и США в республиках Средней Азии
- Э.Ю. Петров, М.С. Семерков.** Геополитические риски влияния Китая на страны Центральной Азии
- МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ**
- В.С. Лапин.** Соревновательный авторитарный режим: тактика оппозиционных акторов
- СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА**
- А.В. Виноградов.** Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века
- К.А. Ананьина.** Стратегия Индии по налаживанию внешнеэкономических связей в области ядерной энергетики: компаративный анализ подходов кабинетов М. Сингха и Н. Модии
- НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ**
- География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. Коллективная монография. – М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – 400 с.

CONTENTS

- 5** **Alexei D. Voskressenski, Ekaterina V. Koldunova, Igor Yu. Okunev.** A Word to a Reader
- COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS**
- 8** **Natalia I. Bubnova.** Think Tanks as an Actor of Contemporary Politics
- 20** **Alexei I. Podberezkin, Maxim V. Kharkevich.** Long-Term Forecasting of International Relations as Strategic Planning of National Security Policy
- 38** **Andrew Korybko, Hamsa Haddad.** The Revolution in Russia's Mideast Strategy
- 45** **Tat'iana V. Verbitskaia.** Military Diplomacy and Russia's Policy in Syria
- COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS**
- 52** **Sergei M. Trough.** China-USA Economic Relations: Bilateral Ties and Multilateral Economic Projects
- 72** **Fedor D. Solovey.** Policy of George W. Bush Administration and Barak Obama First Administration towards the Russian Federation and Other States of the CIS (2001-2012): A Comparative Analysis
- 96** **Darya V. Kochegarova, Andrey V. Novikov.** Clash of Political Interests of Russia and the USA in Central Asian Republics
- 114** **Eduard Yu. Petrov, Mikhail S. Semercov.** The Geopolitical Risks of China's Influence on Central Asian Countries
- DISCUSSION**
- 120** **Vladislav S. Lapin.** Competitive Authoritarian Regime: Tactics of Opposition Actors
- COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES**
- 131** **Andrei V. Vinogradov.** Political Challenges for China at the Beginning of the 21st Century
- 146** **Kristina A. Ananina.** India's Civil Nuclear Cooperation Strategy: Comparing Approaches of Manmohan Singh and Narendra Modi's Cabinets
- ON THE BOOKSHELF**
- 162** **Geography of the World Economy: Traditions, Present, Perspectives / Ed. by V.A. Kolosov, N.A. Sluka.** Moscow-Smolensk: Ojkumena, 2016. 400 p. (in Russian)

СОДЕРЖАНИЕ

Окунев И.Ю. Столицы в зеркале критической геополитики / И.Ю. Окунев. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России – М.: Аспект-Пресс, 2016. – 208 с.

Natalia Bazhanova: A Radiant Life

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Совместная конференция МГИМО и Национального университета государственной службы Венгрии

XVI-й Диалог Шангри-Ла

ПАРТНЕРЫ

INDECO

Национальный комитет по исследованию БРИКС

Мосты

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

CONTENTS

163 Okunev I.Yu. Capital Cities in a Critical Geopolitics Mirror. Moscow: Aspekt-Press, 2016. 208 p. (in Russian)

163 Natalia Bazhanova: A Radiant Life

ACADEME

164 Joint Conference of MGIMO University and National University of Public Service of Hungary

164 XVI Shangri-La Dialogue

PARTNERS

165 INDECO

165 National Committee for BRICS Research

166 Bridges

167 GUIDE FOR THE AUTHORS

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-5-7>

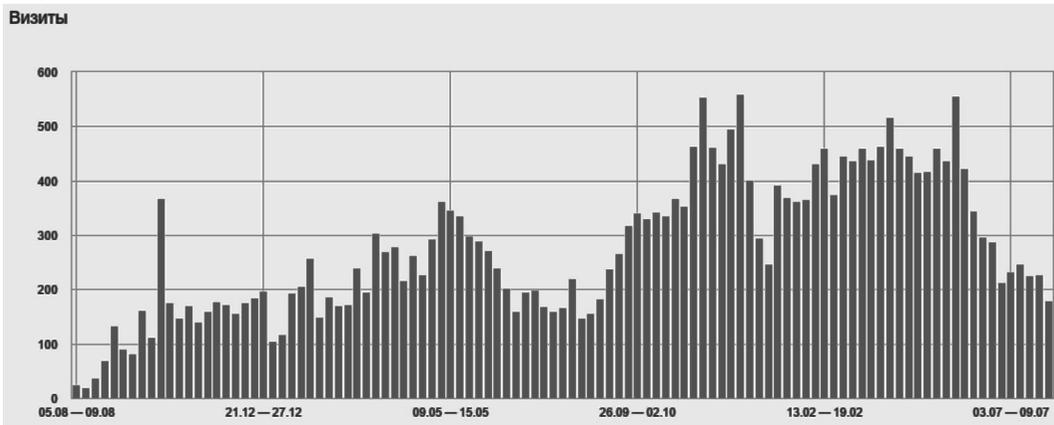
А.Д. Воскресенский, Е.В. Колдунова, И.Ю. Окунев

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели журнала «Сравнительная политика»,

два года назад был запущен новый двуязычный сайт нашего издания. Хотели бы поделиться с Вами некоторой статистикой о его работе.

За два года более 16 тысяч посетителей сайта журнала просмотрели более 106 тысяч страниц, проведя в среднем около трех минут на сайте.

Сайт просматривали жители 121 страны мира. Две трети просмотров приходится на Россию. Далее идут Украина (1622), США (1190), Казахстан (701), Великобритания (681), Беларусь (438), Германия (349),

Канада (294), Китай (292) и Италия (288). Журнал читают на всех континентах, включая такие страны как Пуэрто-Рико, Бутан, Джибути и Маврикий.

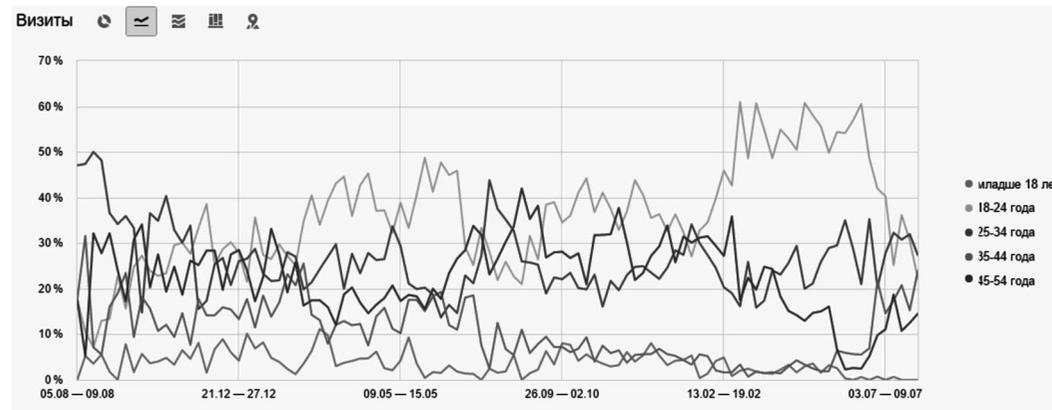
В России журнал читается в 83 из 85 регионов. Наибольшее количество посетителей из Москвы, Санкт-Петербурга, Екате-

ринбурга, Саратова, Уфы, Ростова-на-Дону, Новосибирска и Владивостока.

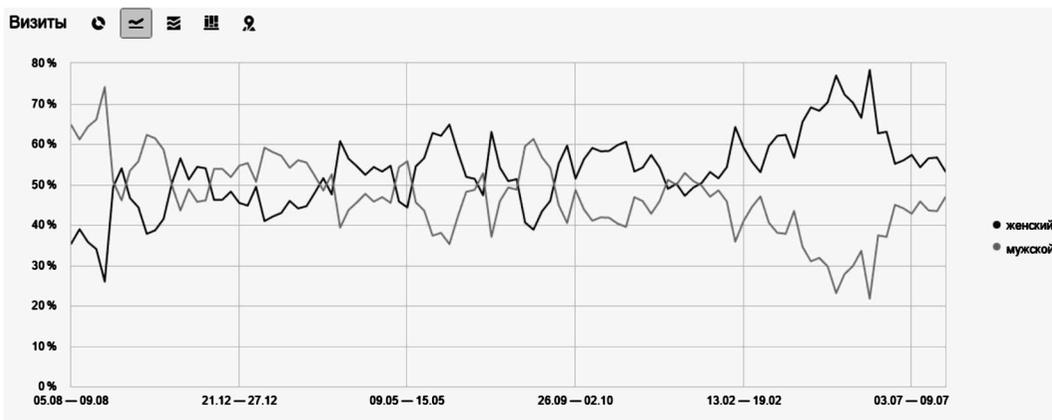
Хотя традиционно основная возрастная категория читателей была «45-54 лет» (около четверти всех заходов), в последнее вре-

мя стремительно растет категория «18-24 года», что говорит, что журналом все чаще пользуются студенты и аспиранты.

Раньше журнал читали примерно поровну и мужчины, и женщины, в последние

полгода доля женской аудитории где-то на 5-10 % стабильно выше.

Наконец, приведем статистику системы Киберленинка. На год участия в ней нашего журнала, нас просмотрели более 53 тысяч

читателей, которые скачали отдельные статьи или выпуски почти 12 тысяч раз.

ПОСЕТИТЕЛИ САЙТА

Россия	11 927	Узбекистан	145	Швеция	64	Таджикистан	34
Украина	1 000	Болгария	130	Южная Корея	62	Дания	30
США	938	Нидерланды	129	Армения	57	Литва	30
Великобритания	576	Киргизия	111	Япония	55	Тайвань	29
Казахстан	399	Румыния	103	Испания	54	Норвегия	28
Канада	263	Франция	101	Чехия	50	Словакия	27
Италия	235	Латвия	93	Ирландия	46	Израиль	25
Беларусь	231	Бельгия	90	Молдова	42	Финляндия	23
Германия	230	Турция	90	Грузия	39	Бразилия	22
Австралия	202	Польша	73	Сингапур	38	Греция	22
Китай	183	Азербайджан	65	Австрия	36	Монголия	21
Швейцария	164	Венгрия	64	Индонезия	36	Новая Зеландия	21
Индия	148					Пакистан	19

Все приведенные цифры убедительно показывают, что публикация в журнале «Сравнительная политика» – это путь к широкой международной аудитории и профессиональному цитированию.

Вы всегда можете ознакомиться с актуальной статистикой о нашем издании по адресу: <https://metrika.yandex.ru/dashboard?group=week&period=year&id=31760731>

С уважением,

А.Д. Воскресенский, *главный редактор*,
Е.В. Колдунова, *заместитель главного редактора*,
И.Ю. Окунев, *ответственный секретарь онлайн-версии*

A Word to a Reader

Alexei D. Voskressenski, *Founding Editor-in-Chief*,
Ekaterina V. Koldunova, *Deputy Editor-in-Chief*,
Igor Yu. Okunev, *Executive Secretary (online version)*

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» КАК АКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Наталья Игоревна Бубнова

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 октября 2016 <i>Принята к печати:</i> 15 мая 2017</p>	<p>Аннотация: По мере бурного роста количества экспертно-аналитических организаций в различных регионах мира, их влияние на мировую политику также увеличивается. Эти «мозговые центры», включая занимающиеся международной проблематикой научно-исследовательские институты РФ, изучают важнейшие политические, социальные, экономические проблемы, представляют свои идеи и рекомендации государственным органам соответствующих стран и международным организациям, содействуют международному диалогу в поиске решений наиболее насущных вопросов, стоящих перед мировым сообществом. Репутация и эффективность экспертно-аналитических организаций зависит от их способности обеспечить профессиональную честность, объективность и всесторонний подход при проведении исследований, концентрировать усилия на насущной повестке дня мировой политики. Действенность их работы также повышается за счет целенаправленного продвижения результатов их исследований, изданий актуальных и востребованных публикаций, проведения резонансных конференций и семинаров с участием ведущих экспертов и политиков, осуществления инновационной деятельности в Интернете и социальных сетях.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., ведущий научный сотрудник, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН e-mail: NatalialBubnova@gmail.com</p>	<p><i>Исследование выполнено при поддержке Российского государственного научного фонда, проект «Пути взаимодействия дипломатии и науки в деле повышения эффективности внешней политики и дипломатической деятельности России»: №14-01-00324</i></p>
<p>Ключевые слова: «мозговые центры», экспертно-аналитические организации, научно-исследовательские институты, импакт, международные отношения</p>	

Think tanks – «мозговые центры», или «фабрики мысли», – экспертно-аналитические организации, занимающиеся исследованиями общественно-политических проблем и представляющие независимые оценки и рекомендации – впервые появились в Соединенных Штатах в начале XX века. За более чем сто лет своей истории они распространились в 182 странах на всех континентах, с общим числом до семи-восьми тысяч. Они бывают государственными или частными, функционирующими при политических партиях, коммерческих корпорациях или независимыми, работающими на деньги специально созданных фондов – так называемых «эндау-

ментов». В зарубежных социологических исследованиях к категории «мозговых центров» обычно относят и российские научно-исследовательские институты, несмотря на имеющиеся между теми и другими кардинальные различия¹, о которых еще пойдет речь ниже.

Джеймс Макгэйн, руководитель программы Университета Пенсильвании, со-

¹ См. Фененко А. Почему в Америке не любят публиковать российских авторов // Международные процессы. – 2016. – № 1. – С. 172-180. [Fenenko, A. Pochemu v Amerike ne lubiat publikovat' rossiiskikh avtorov (Why in America They Don't Like to Publish Russian Authors) // *Mezhdunarodnye Protssesy (International Processes)*, 2016, No. 1, pp. 172-180.]

ставляющей наиболее авторитетные рейтинги «мозговых центров» в мире (*The Global Go-To Think Tanks Index*), отмечает, что «аналитические центры в демократических странах уже давно играют ведущую роль в формировании политики, предлагая экспертные оценки самых разных ситуаций – от борьбы с глобальным экономическим кризисом до анализа боевых действий»². В демократических странах «мозговые центры» иногда даже называют «пятой властью», наряду со свободно функционирующими средствами массовой информации, традиционно рассматриваемыми как «четвертая власть». Их значение еще более возросло с появлением в начале тысячелетия экспертно-аналитических организаций, позиционирующих себя как «глобальные» – с постоянно функционирующими и взаимодействующими центрами в различных странах. Формируется мировое сообщество «мозговых центров», наводящих мосты между странами и сталкивающихся зачастую с не меньшими барьерами при реализации сотрудничества, чем правительства и коммерческие организации.

Свобода как базисная ценность науки

В России экспертно-аналитические центры стали появляться с начала 1990-х. Среди них были как филиалы западных организаций, так и созданные в России и активно работавшие Либеральная Миссия, Левада-Центр, ПИР-Центр, Горбачев-Центр, Сахаровский центр и другие. Хотя в сравнении с «классическими» think tank'ами российские научно-исследовательские институты имеют ряд принципиальных отличий – о которых ещё будет сказано ниже – в них по-прежнему – несмотря на бюрократическое поглощение государством Академии наук и сверхскудное финансирование³ – сохранились умные головы и на-

учные школы. На сегодняшний день Россия занимает восьмое место в мире по количеству экспертно-аналитических организаций, включая и научно-исследовательские институты. В этом списке она уступила в 2014 г. одну позицию Аргентине, в том числе и в связи с ужесточением условий работы в России, что привело к закрытию ряда российских организаций, филиалов ведущих немецких центров, Фонда Форда и др. На протяжении последних нескольких лет экспертно-аналитические организации в нашей стране во все возрастающей степени подвергаются давлению со стороны государства – начиная с принятого в конце 2012 г. закона о некоммерческих организациях и реформы российской Академии наук и заканчивая законом 2015 г. о нежелательных иностранных организациях, «доведением до закрытия» созданного Дмитрием Зиминым Фондом «Династия», включением в список «иностранных агентов» светлого «Мемориала», занимающегося историческими исследованиями и помощью жертвам репрессий. Нужны ли «вертикали власти» экспертно-аналитические организации, или же с точки зрения власти предрержащих было бы лучше, если бы эта сфера была целиком подконтрольна государству? Если судить по последним решениям, слишком многие считают, что без независимых мнений и оценок можно обойтись. Однако в действительности эффективную политику и качественное управление нельзя выстроить без обратной связи, без объективной, не искаженной информации о состоянии дел в стране и мире. Свобода не просто лучше, чем несвобода. Объективность и свобода – единственный смысл и условие существования науки. Взгляд на мир через замочную скважину – не лучшая призма для проведения политического анализа. Не говоря уже о том, что правительство безусловно заинтересовано, чтобы российские экспертно-аналитические организации, в том числе научно-исследовательские ин-

² Белянинов К. Мозговые центры РФ остались на периферии // Коммерсантъ, 21 января 2013. [Belianinov, K. Mozgovye tsentry RF ostalis' na periferii (Russia's Think Tanks Have Remained on the Periphery) // *Kommersant*, 21 January 2013.]

³ См. интервью с Полетаевым А.В.: «Академическая жизнь: игра по неудобным правилам», Центр политического анализа, 10 апреля 2016.

[Filippov, A.; Kostylev, P. Akademicheskaya zhizn': igra po neudobnym pravilam (Academic Life: Game According to Inconvenient Rules) – Tsentr politicheskogo analiza (Center for Political Analysis). 10 April 2016.]

ституты, занимали достойные места в международных рейтингах и чтобы российская точка зрения доходила за рубежом до лиц, принимающих решения, и экспертного сообщества других стран.

Подозрения государственных чиновников обусловлены тем, что экспертно-аналитические организации имеют самые различные источники финансирования: от «эндаумента» – специально созданного целевого капитала, – до частных пожертвований, российских и зарубежных грантов, коммерческих заказов и, наконец, ассигнований из государственного бюджета. Цинично и по сути неверно полагать, что тот, кто платит, тот и заказывает музыку. Работа с использованием частного финансирования – равно как и по заказу государственных структур – не должна означать нарушения принципа независимости оценок «мозгового центра» и его научных сотрудников. Это непереносимое требование, альфа и омега профессионального сообщества, закрепленное многими международными решениями, в том числе и коммюнике первого Саммита европейских экспертно-аналитических организаций, проходившего в Риме в ноябре 2012 г. Участники Саммита, среди которых была и автор данного материала, договорились выработать общую хартию европейских think tank'ов, одним из положений которой должно было стать обеспечение научной объективности экспертно-аналитических организаций. Конечно, на практике данное требование не всегда выдерживается, особенно в том случае, если речь идет о «мозговом центре», аффилированным с государством или же с политической партией. Да, экспертно-аналитические организации могут сталкиваться с проблемами, обусловленными стремлением учесть предпочтения финансирующих организаций, приводящим к мелкотемью, идеологизации или излишней специализации в осуществляемой деятельности. Но любое проявление ангажированности считается нарушением профессиональной этики и неизбежным образом отражается на репутации организации. Экспертно-аналитические центры, дорожащие своей репутацией, как правило, воздерживаются от получения финансирования от

органов, сотрудничество с которыми может быть сочтено предосудительным и вызвать сомнения в их профессиональной независимости.

Что такое *импакт* или способы достижения и измерения эффективности деятельности

Важной составляющей деятельности зарубежных «мозговых центров» – в отличие от занимающихся общественно-политическими вопросами научно-исследовательских институтов – является их большая нацеленность на практическую применимость результатов исследований. Можно сказать, что они наводят мосты между наукой и практикой. Для них разработка миссии – это отнюдь не только слова. Миссия определяет стратегию организации. От того, насколько реальная деятельность организации соответствует заявленной миссии, и насколько то, что делается, совпадает с декларируемым как вовне, так внутри самой организации, зависит её успех, т. е. импакт – реальное воздействие на общественно-политическую жизнь.

Эффективность деятельности рассчитывается как через цитируемость в печатных и электронных СМИ (здесь важен переход из количества в качество), место в рейтингах, отзывы коллег и авторитетных политических и общественных деятелей, число и востребованность издаваемых книг и статей, тиражи публикуемых периодических журналов, количество и качество проведенных мероприятий, количество посетителей корпоративного вебсайта и число фолловеров в *Twitter* и *Facebook*, так и через то, какие идеи были воплощены в жизнь. Установка на практическую применимость результатов исследований существует параллельно с требованием профессиональной честности, объективности каждого из сотрудников экспертно-аналитической организации, научной обоснованности и глубины исследований, и эти два критерия – находясь в диалектическом взаимодействии – в идеале взаимно подпитывают друг друга, усиливая влияние организации.

Целевой аудиторией «мозговых центров» являются как экспертное сообщество,

так и лица, принимающие участие в формировании политического курса, а также широкая общественность как собственной страны, так и государств, входящих в регионы, которыми в научном плане занимается данный конкретный центр. Причем через расширение аудитории – в соответствии с принятыми практиками демократического общества – достигается усиление влияния на политиков и принимаемые ими решения. Сотрудники «мозговых центров» проводят исследования, участвуют в семинарах, круглых столах, встречаются с другими экспертами, преподавателями университетов, а также с членами правительства, государственными чиновниками, журналистами, дипломатами, публикуют книги, доклады, статьи, комментарии в научных журналах, СМИ, социальных сетях. В отличие от публикационной деятельности российских научно-исследовательских институтов, в выпускаемых «мозговыми центрами» изданиях, как и в ходе организуемых ими мероприятий не делается упор на «научность» языка и «крупные жанры». Наоборот, предпочтение во все возрастающей степени отдается коротким докладам, брифингам и комментариям, применение современных методологий исследований сочетается с живым стилем, яркой формой изложения, использованием презентационных форматов, графических материалов и иллюстраций. Исследователи зарубежных экспертно-аналитических организаций в полной мере освоили Твиттер и Фейсбук. Например, Августин Этчебарне, директор по научным исследованиям организации «Свобода и прогресс» – «мозгового центра» Аргентины, обогнавшей Россию, как говорилось выше, по количеству think tank'ов, имеет 33 000 тысячи фолловеров в Твиттере. От публикаций требуется убедительность, логичная и доходчивая организация материала, практикуются «врезки» в верстку наиболее значимых цитат, разбивка текста на части для более удобного чтения, «завлекательные» заголовки и подзаголовки и т.д.

Обеспечение действенности работы экспертно-аналитической организации также достигается за счет продвижения – направления, которое весьма слабо развито в России.

Здесь нет мелочей, хотя главным является результат. Рассылка печатных «листовок»-анонсов и электронных пресс-релизов с выжимками из публикаций и гиперссылками, подготовка информационных бюллетеней, распространение материалов на внутренних и внешних семинарах, в учебных заведениях, участие в книжных выставках, организация пресс-конференций и брифингов, повышение узнаваемости бренда за счет корпоративных брошюр, листовок, единообразно используемого логотипа, профессионально сделанных визиток, бланков, баннеров, стендов, растяжек, табличек на дверях и на трибунах – всё это помогает ведущим зарубежным «мозговым центрам» повышать ответственность своей работы. Они также активно используют современные коммуникационные инструменты, не ограничиваясь только лишь ежедневным обновлением веб-сайта: размещают в Интернете материалы с проведенных мероприятий (презентации, аудио- и – при наличии бюджета – видеозаписи и стенограммы выступлений) и сведения о выпущенных книгах и статьях (а при возможности и полные версии всех публикаций), осуществляют электронную рассылку, ведут деятельность в социальных сетях, организуют Twitter-конференции, видеоконференции, вебинары, электронные опросы, работают с интерактивными базами контактов и базами «управления знаниями» и др.

Интенсивность и эффективность работы, измеряемые как в целом, так и «на душу научного населения», приносят своего рода «драйв» в деятельность «мозговых центров». Выстроены и отлажены все внутренние процедуры, публикации подготавливаются к печати в минимальные сроки и издаются и распространяются многотысячными тиражами, которые, как горячие пирожки, «подхватываются» и отправляются по адресам партнерской почтовой службой, отработан порядок подготовки мероприятий, где каждый сотрудник «встроен» в общий процесс и знает, что делать. Зарубежные экспертно-аналитические организации работают в условиях, когда они вынуждены конкурировать за внимание не только друг с другом, но и во все возрастающей степени с консалтинговыми фирмами, юридическими контора-

ми, лоббистскими организациями – где, как правило, больше бюджет и выше зарплаты – а соответственно и возможность нанимать более квалифицированных административных работников. Чтобы быть лучше конкурентов, «мозговые центры» вынуждены постоянно развиваться, сравнивать себя с другими (так называемый *benchmarking*) и идти на шаг впереди остальных, отслеживая и внедряя лучшие методики работы.

Цифровые технологии применяются не только в продвижении, но также и в исследованиях, и в менеджменте экспертно-аналитических организаций. Анализ принятых в лучших «мозговых центрах» эффективных процедур научного и производственного (аналитического, коммуникационного, информационного, издательского) процессов, к сожалению, выходит за рамки данной публикации, а этот опыт – при правильной оптимизации внутренних процессов – мог бы оказаться весьма полезен для российских экспертно-аналитических и научно-исследовательских организаций, работающих в сфере общественно-политической проблематики. Сочетание российских мозгов с эффективными мировыми практиками, как показывает опыт работы как в коммерческой, так и в некоммерческой сфере, способно давать результаты, зачастую превосходящие мировой уровень.

Поскольку в США имеется более давняя традиция независимых экспертных оценок, а также укорененная практика частной и корпоративной финансовой поддержки некоммерческих организаций, американские экспертно-аналитические организации имеют более прочное положение по сравнению с аналогичными европейскими центрами. Европейские «мозговые центры» чаще, чем американские, вынуждены заниматься краткосрочными проектами «на заказ» – без выстраивания стратегической перспективы. Помимо этого, за океаном дополнительное влияние экспертно-аналитических организаций на реальную политику обеспечивается за счет широко распространенной практики «вращающихся дверей» (*revolving doors*): перехода ведущих специалистов из «мозговых центров» в правительственный аппарат и обратно в науку. Согласно социально-

конструктивистскому подходу, «государство и экспертные сообщества в процессе постоянной коммуникации взаимно формируют (конституируют) идентичности друг друга, что хорошо отражается в концепте политико-академического комплекса как общего пространства, связывающего воедино государственных служащих (чиновников) и их коллег из научных сфер»⁴.

Хотя в европейских странах подобное зачастую вызывает подозрения в коррупции, в США это рассматривается как еще один путь взаимодействия «мозговых центров» и внешнеполитических ведомств. Трое из пяти помощников государственных секретарей были приглашены на данный пост из аналитических центров⁵. На должность госсекретаря из научных кругов пришли Генри Киссинджер, Мадлен Олбрайт, Кондолиза Райс. Заместитель государственного секретаря США по вопросам контроля над вооружениями Роуз Геттемюллер была директором Московского Центра Карнеги, а до того работала в Фонде Карнеги за Международный Мир в Вашингтоне. Пока представитель одной из двух основных партий в США находится у власти, многие ведущие сторонники другой партии работают в «мозговых центрах». Когда же их кандидат одерживает победу на выборах в Белый дом, они или она приводит с собой «команду» однопартийцев, и некоторые из тех, кто работал аналитиками, получают посты в правительственных учреждениях. Так Джимми Картер после избрания на пост президента в 1976 г. пригласил на работу в администрацию многих сотрудников Брукингского Института и Совета по международным отношениям. А через четыре года Рональд Рейган, придя в Белый дом, привлек на государственные должности более полутора сотен экспертов

⁴ Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. – 2015. – С. 10. [Makarychev, A.S. Gosudarstva, ekspertnye soobshchestva i rezhimy znaniia-vlasti (States, Expert Communities, and Regimes of Knowledge-Power) // *Politicheskaiia Nauka*, 2015, p. 10.]

⁵ Singer, Peter W. Washington's Think Tanks: Factories to Call Our Own // *Washingtonian*, August 2010. P. 46.

из Фонда Херитедж, Гуверовского Института, Американского института предпринимательства.

А в России хотя и нет устоявшейся практики обновления аппарата Министерства иностранных дел за счет притока сотрудников экспертно-аналитических организаций, но тем не менее двое из пятерых министров иностранных дел новой России пришли на внешнеполитический пост из Института мировой экономики и международных отношений.

Сотрудников «мозговых центров» в зарубежных странах, реже в России, приглашают в официальные или неформальные консультативные советы при правительственных органах.

Так в США в период первой мировой войны президент Вудро Вильсон пригласил секретаря Фонда Карнеги Джеймса Скотта возглавить Совместный комитет по нейтралитету государственного департамента и флота. Комитет «занимался всеми основными вопросами, связанными с американским нейтралитетом, включая продажу оружия воюющим сторонам, помехи нейтральной торговле, использование подводных лодок и мин, разграничение военных зон, определение контрабанды и строительство кораблей для любой из сторон»⁶. Старший научный сотрудник Фонда Карнеги Уильям Дёрч являлся директором проекта в комиссии по миротворческим операциям ООН, сыгравшей важную роль в повышении эффективности этих операций. Роуз Геттемюллер по приглашению МИД'а РФ в течение ряда лет была членом консультативного совета по ядерным вопросам российского внешнеполитического ведомства – единственной иностранкой в этом органе. Майкл Макфол, который был американским послом в Москве, в течение 15 лет работал в Фонде Карнеги, а затем в 2009 г. перешел в Совет национальной безопасности в качестве старшего директора по России и Евразии, став фактически автором политики «перезагрузки».

⁶ Numberger, Ralph D. James Brown Scott, Peace Through Justice. Georgetown University, 1975. p. 241.

Правые и наоборот: конкуренция с продолжением

В число ведущих независимых «мозговых центров» – то есть не относящихся к государству или к каким-либо политическим партиям – входят глобальные «мозговые центры»: Брукингский институт (США), лидирующий в общем списке экспертно-аналитических организаций мира по рейтингу Пенсильванского университета, и Фонд Карнеги за Международный Мир (США), делящий в этом рейтинге вторую-третью позицию с британским Чатем Хаусом и имеющий центр в Москве; Фонд Фридриха Эберта (ФРГ) и Фонд Конрада Аденауэра (ФРГ); Центр стратегических и международных исследований (США), занимающий первое место рейтинга в категории исследований по проблемам обороны и национальной безопасности; Стокгольмский институт исследований проблем мира (Швеция) Международный институт стратегических исследований (Великобритания), изучающий проблемы ядерной безопасности и контроля над вооружениями. Помимо них среди ведущих мировых центров также числятся некоторые экспертные центры, аффилированные с государством: Американский институт мира; Исследовательский Центр Вудро Вильсона. Из всего количества «мозговых центров» во всех странах мира, более половины работают при университетах. Среди «мозговых центров» Европы более значительная часть, чем в США, связаны с государством или политическими партиями, а в Восточной Европе таких большинство.

В соответствии с данными проведенного в США в конце 1990-х исследования, в шести американских общенациональных газетах: «*New York Times*», «*Washington Post*», «*Wall Street Journal*», «*Christian Science Monitor*», «*Washington Times*» и «*USA Today*», за период с 1991 по 1996 гг. экспертно-аналитические институты консервативной ориентации упоминаются в четыре раза чаще, чем организации либерального направления⁷, причем даже независимо от того, представитель какой из двух основных американских пар-

⁷ Interest Group Politics, Cigler, Allan J., Loomis, Burdett A., eds. Washington, D.C., CQ Press, 1998.

тий находится у власти: Республиканской, которая в большей степени опирается на поддержку правых, или Демократической. По результатам опроса 1997 г., в котором участвовали 110 сотрудников аппарата Конгресса и Вашингтонских журналистов, наибольшее число опрошенных указали в качестве самой влиятельной из американских экспертно-аналитических организаций Фонд Херитедж⁸. Некоторые российские эксперты расценивают результаты этих двух исследований как свидетельство некоего характерного для США постоянного тренда. А в журнале *International Economy*, напротив, было написано, что, «как будто бы СМИ цитировали ученых из либеральных мозговых центров, пока в 2000 г. не был избран консервативный президент (Джордж Буш-младший – прим. автора). В этот момент они, может быть, призадумались, что надо бы узнать, что говорят другие парни»⁹.

Однако представляется, что подобные «победные» результаты консерваторов являлись отражением ситуации, существовавшей в стране именно в тот период, когда после 1994 г. большинство в Конгрессе получили республиканцы и именно представители консервативных «мозговых центров» стали наиболее часто приглашаться для выступления на слушаниях в Конгрессе. Кроме того, Фонд Херитедж – по сравнению с другими «мозговыми центрами» – на протяжении многих лет тратил значительно большую, по сравнению со своими либеральными конкурентами, часть своего бюджета – около 20% – на работу со СМИ¹⁰. Однако в упоминавшихся выше рейтингах последних восьми лет, составляемых Университетом Пенсильвании¹¹ на основе опросов пред-

ставителей самого экспертного сообщества с участием как американских, так и международных специалистов, первые строчки, как уже говорилось, устойчиво занимают отнюдь не консервативные «мозговые центры». А по другому рейтингу, оценивающему эффективность американских «мозговых центров», наиболее часто в расчете «на душу научного населения» публикуются и цитируются в СМИ сотрудники отнюдь не относящегося к «правым» организациям Института Като: заметим, что сопоставимые показатели были в течение пяти лет, с 2008 по 2012 гг., и у Московского Центра Карнеги (будучи российским подразделением Фонда Карнеги, он не «фиксировался на радаре» рейтинга).

Первый век с участием мозговых центров: больше, чем история

Мозговые центры возникли в начале XX века в США, и они были вовлечены в бурный политический процесс прошедшего столетия. Они сыграли немалую роль в поисках путей урегулирования после Первой мировой войны. Президент Фонда Карнеги Элиу Рут входил в американскую делегацию на Версальских переговорах об условиях завершения войны, и по его инициативе в американские предложения была включена идея учредить – параллельно с Лигой наций – постоянный международный суд, воплотившаяся в создание Международного суда в Гааге. В 1920-е годы директором Фонда Николасом Батлером были предприняты две параллельные кампании в Вашингтоне и Париже: в печати, законодательных органах, экспертном сообществе с целью убедить французское правительство выступить с инициативой договора об отказе от войны в качестве инструмента политики, а президента Калвина Кулиджа – поддержать данную идею. Результатом этих усилий стало подписание в 1929 г. Пакта Бриана-Келлога (названного по имени министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога) – за что Батлер

⁸ Rich, Andrew. Perceptions of Think Tanks among Congressional Staff and Washington-based Journalists. A report to Burson Masteller Worldwide, December 1997.

⁹ Trimbath, Susanne. Think Tanks: Who's Hot and Who's Not. // *The International Economy*, Summer 2005. P. 42.

¹⁰ Abelson, Donald E. A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy. McGill-Queen's University Press. P. 156; Annual Report 2009. Heritage Foundation. P. 34.

¹¹ 2015 Global Go To Think Tank Index Report. Think Tanks and Civil Societies Program,

University of Pennsylvania, January 20, 2016. Mode of access: <http://gotothinktank.com/2015-global-go-to-think-tank-index-report/>

был впоследствии награжден Нобелевской премией мира. В соответствии с договором, к которому вскоре присоединился и СССР, страны-участницы обязались отказаться от военных действий друг против друга. Хотя это и не положило конец войнам и даже не привело к прекращению военных приготовлений, данный договор тем не менее послужил развитию международного права, а для СССР также стал шагом к преодолению международной изоляции страны.

Директор отдела экономики и истории Фонда Карнеги Джеймс Шотвелл в 1945 г. возглавлял делегацию неправительственных советников на Конференции в Сан-Франциско, где разрабатывался Устав ООН. Он выступил инициатором ряда поправок в первоначальный проект Устава ООН, в частности поправки, касающейся создания постоянной Комиссии ООН по правам человека.

Инициативы Фонда Карнеги содействовали ликвидации режима апартеида в Южной Африке. В 1980-е годы Фонд Карнеги в течение восьми лет проводил регулярные встречи в Вашингтоне с участием представителей различных сил Южной Африки: государственных ведомств, общественных и религиозных движений, профсоюзов и бизнеса, а также лидеров освободительного движения в изгнании. В результате там была выработана договоренность о мирном демонтаже режима и отмене расовой сегрегации в этой стране.

А в 1994 г. во время самой острой фазы противостояния США и Северной Кореи, грозившего перерастанием в военный конфликт, Фондом Карнеги был организован визит в Пхеньян американской правительственной делегации, а затем бывшего президента США Джимми Картера, что заложило основу Рамочного соглашения, позволившего сделать первый значительный шаг в налаживании двусторонних отношений и урегулировании северокорейской ядерной проблемы.

Основанный в 2001 г. Центр глобального развития, директор которого Нэнси Бёрдсалл разделяла существовавшее у многих убеждение, что международные банки, выдвигающие жесткие требования к развивающимся странам, должны сформулировать не

менее амбициозные критерии по улучшению политики богатых стран в отношении развивающихся стран, разработала предложение для Нигерии, позволившее ей стать первой из развивающихся стран, которая выкупила обратно свои долговые обязательства у Парижского клуба. В результате Нигерия получила свой первый суверенный долговой рейтинг и вернулась в качестве игрока на международный финансовый рынок.

Когда Греция в 2003 г. стала председателем в Европейском союзе, греческое правительство заказало Институту по миграционной политике (МПИ) разработку иммиграционной стратегии, которая обеспечила бы лидерство Греции в данной области. После успешного завершения этого проекта с аналогичными просьбами к МПИ в период своего председательства в ЕС обращались и некоторые другие европейские страны. По сообщениям СМИ, представители руководства Фонда Карнеги сыграли значительную роль в процессе урегулирования взаимоотношений США с правительством Ирана, приведшем к достижению договоренности по иранской ядерной проблеме.

В конце 1980-х при Министерстве иностранных дел России был создан Научно-экспертный совет, в рамках которого видные научные сотрудники из ведущих советских, а затем российских научно-исследовательских институтов взаимодействовали с дипломатами в выработке новых внешнеполитических подходов, принимали участие в подготовке договоров в области ограничения и сокращения вооружений, таких как СНВ-1.

А при согласовании нового Договора СНВ «площадкой для планирования новых стадий контроля над вооружениями» являлся Московский Центр Карнеги – по словам его директора в 2006–2008 гг. Роуз Геттемюллер¹².

Минские соглашения тоже готовились «по второму треку»: с активным участием представителей экспертно-аналитических организаций, в том числе, с российской стороны – ведущих сотрудников Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН.

¹² Adesnik, David. 100 Years of Impact. Carnegie Endowment for International Peace, 2011. P. 85.

ИМЭМО сыграл значительную роль и в проработке путей активизации российской политики в отношении соседних стран на Востоке. «Со времен директорства Е.М. Примакова в Институте активно занимались изучением Азиатско-Тихоокеанского региона. ...Продолжались исследования проблемы развития системы международных связей в АТР, роль и место в них России, нахождения путей для повышения этой роли в регионе и решения субрегиональных проблем, поднятия уровня российского Дальнего Востока»¹³. Уделялось серьезное внимание изучению отношений с Японией и Республикой Корея. Соответствующие разработки и рекомендации оказались наиболее востребованными в период обострения отношений с Западом.

Фонд Карнеги стоял за разработкой принятого в 2012 г. «Ядерного кода поведения», включающего рекомендации государствам и негосударственным игрокам, регламентирующие экспортную политику по продаже ядерных генераторов. В отсутствие согласованных мер возрождение интереса к использованию ядерной энергии могло привести к обвалу, поскольку экспортеры не всегда учитывали, обладают ли их потенциальные клиенты навыками управления соответствующими технологиями. Результатом двух лет интенсивных переговоров, в которых участвовали правительственные делегации (России, Китая), коммерческие компании (Дженерал Электрик, Хитачи), правительства (Россия, Китай) и делегации Канады и Франции, включавшие представителей государства и частного сектора стал документ, который в дальнейшем был подписан десятью из одиннадцати мировых экспортеров.

В 2016 г. – в период чрезвычайного

обострения напряженности в отношениях России с Западом – Корпорация Карнеги в Нью-Йорке решила выделить 3 млн долларов на исследования России. По результатам проведенного конкурса деньги – по миллиону каждому – достались Колумбийскому университету, Университету Висконсина в Мэдисоне и Университету Индианы.

Самые известные из политологических изданий XX века также связаны с деятельностью «мозговых центров». Опубликованная в 1944 г. Фондом Карнеги книга Рафаэля Лемкина «Правление оси в оккупированной Европе» впервые ввела в научный оборот понятие «геноцид», заложившего юридическую основу для суда нацистских преступников за совершенные преступления против человечности. Книга «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы была написана на основе лекции, которую его пригласили прочесть в Центре Джона М. Олина по исследованию теории и практики демократии при Университете Чикаго. Автором получившего большой резонанс политического трактата «Столкновение цивилизаций» был директор Центра по международным делам при Гарвардском университете Сэмьюэл Хантингтон. Стокгольмский институт исследований проблем мира (Швеция) выпускает авторитетный «Ежегодник СИПРИ», посвященный вопросам вооружений, разоружения и международной безопасности. Международный институт стратегических исследований (Великобритания) издает ежегодник *Military Balance*, включающий сведения о вооруженных силах различных стран, а также авторитетный военно-политический журнал *Survival*.

Московский Центр Карнеги на протяжении почти десяти лет ежегодно выпускал – по объемному тому в год – коллективные монографии ведущих российских экспертов, посвященные злободневным проблемам вооружений и разоружения: «Ядерное оружие после холодной войны», «У ядерного порога. Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения», «Противодействие биотерроризму», «Космос: оружие, дипломатия, безопасность», «Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры», «Ядерная перезагрузка: сокра-

¹³ Черкасов П. ИМЭМО. Очерк истории. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии наук, – М.: Весь мир, 2016. – С. 838. [Cherkasov, P. IMEMO. Ocherk istorii (Essay on IMEMO History). Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Ves Mir Publishers, 2016. P. 838.]

щение и нераспространение вооружений», «Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество?» Эти публикации, вышедшие на русском и английском языках, доносили российскую точку зрения до американского и международного экспертного сообщества. Книга по ПРО была включена в список обязательной литературы американской Воздушно-космической академии, а многие другие издания Центра Карнеги вошли в учебные планы университетов по всему миру.

Экспертно-аналитические организации правого толка, в первую очередь американские, сыграли свою роль и в годы «холодной войны», в частности, в разработке рейгановской Стратегической оборонной инициативы – печально известной стратегии «Звездных войн», и впоследствии в обосновании концепции однополярного мира. В Соединенных Штатах «мозговые центры» так называемых неоконсерваторов представлены в первую очередь Корпорацией РЭНД, Фондом Херитедж, Институтом американского предпринимательства. Президент Буш-младший отдавал предпочтительные советы «мозговому центру» Проект за новый американский век (PNAC), активно продвигавшего идею американской гегемонии для поддержания глобального мира и стабильности. PNAC также выступал в пользу идеи превентивных ударов. С его подачи в официальные документы Белого дома была включена концепция «смены режима», приведшая к американскому вторжению в Ираке, Афганистане, Ливии¹⁴.

В 2015 г. в связи с обсуждением в США острого вопроса поставлять или нет так

называемое летальное оружие на Украину в американских внутривластных дебатах «схлестнулись» ведущие «мозговые центры». С одной стороны, тремя авторитетными экспертно-аналитическими организациями: Брукингским Институтом, Атлантическим советом и Чикагским советом по глобальным делам, был подготовлен доклад с обоснованием требования немедленно начать обеспечивать Украину летальным оружием. С другой стороны, Фонд Карнеги, а также деятели ряда других «мозговых центров»: директор Института Арнесона по проблемам практической политики Шон Кэй, профессор международных дел в Школе управления имени Джона Кеннеди при Гарвардском университете Стивен Мартин Уолт – выступили резко против, считая, что это не поможет завершить конфликт, а напротив, приведет к эскалации насилия. Учитывая, что большинство как в Конгрессе, так и в государственном аппарате США занимают позицию в пользу поставок вооружений на Украину, голос экспертно-аналитических центров, выступающих против, не дает сорваться резьбе хрупкого баланса.

Относительные неудачи или временные лаги в практической реализации предложений экспертно-аналитических организаций зачастую тоже не означают «незачет» этим организациям. Так, например, благая идея Московского Центра Карнеги о создании единого Евро-Атлантического пространства безопасности от Лиссабона до Владивостока – с включением тех государств постсоветского пространства, которые остались за пределами европейских структур безопасности после распада СССР – была «услышана» в высоких эшелонах власти и обсуждалась на международных форумах. Из-за обострения отношений в связи с украинским кризисом эта инициатива не была реализована, но вызванные ею дискуссии сохраняют свой потенциал, который может быть востребован в будущем, когда ситуация улучшится. То же самое можно сказать и в отношении сформулированной экспертами Московского Центра Карнеги идеи совместной или сопряженной российско-американской системы ПРО. Хотя она возможно и не была вполне реалистичной, но сформулирован-

¹⁴ Чесноков С. Роль негосударственных «мозговых центров» в процессе принятия решений военно-политическим руководством США в области обороны и безопасности // Зарубежное военное обозрение. – 2007. – №5. – С. 2-6. [Chesnokov, S. Rol' negosudarstvennykh «mozgovykh tsentrov» v protsesse priniatiia reshenii voenno-politicheskim rukovodstvo SShA v oblasti oborony i bezopasnosti (The Role of Non-State “Think Tanks” in the U.S. Leadership’s Decision-Making Process in the Defense and Security Fields) // *Zarubezhnoe voennoe obozrenie (Foreign Military Review)*, 2007, № 5, pp. 2-6.]

ные в ходе ее обсуждения предложения повлияли на корректировку американской программы ЕвроПРО¹⁵, произошедшую в 2009 и 2013 гг. с учетом российской позиции.

Не только достижение конкретных практических результатов или влияние на общественное мнение, но и создание площадки для дискуссии с участием различных точек зрения, обеспечение возможности коммуникаций для представителей конфликтующих сторон может быть миссией мозгового центра и само по себе считаться успехом деятельности. Если организация строит мосты, значит это кому-то нужно. А размышляя в контексте необходимости решения злободневных мировых проблем, – это так же неизбежно, как и глобализация.

Таким образом, функция мозговых центров в современную эпоху – изучать важнейшие международные проблемы и разрабатывать предложения по поводу возможных путей их решения, содействовать открытому и откровенному диалогу различных стран и культур, искать пути преодоления межнациональных противоречий, помогать развитию международного права и укреплению его институтов, продвигать методы мирного разрешения международных разногласий. И в этом значительном деле важна не только их безусловная независимая и научно обоснованная позиция, честный, объективный и всесторонний подход, но и умение доносить свои идеи, работать на результат, двигаться вперед, развиваться, использовать как традиционные, так и самые современные методологии, средства коммуникации, создавать новые площадки и форматы для диалога.

Литература:

Академическая жизнь: игра по неудобным правилам», Центр политического анализа, 10 апреля 2016.

¹⁵ Арбатов А., Дворкин В. Наша цель – влиять на американское экспертное сообщество // Независимая газета, 12 марта 2014. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2014-03-12/2_usa.html [Arbatov, A., Dvorkin, V. Nasha tsel' – vliiat' na amerikanskoe ekspertnoe soobshchestvo (Our Goal Is to Influence the American Expert Community) // *Nezavisimaia Gazeta*, 12 March 2014. Mode of access: http://www.ng.ru/politics/2014-03-12/2_usa.html]

Арбатов А., Дворкин В. Наша цель – влиять на американское экспертное сообщество // Независимая газета, 12 марта 2014. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2014-03-12/2_usa.html

Белянинов К. Мозговые центры РФ остались на периферии // Коммерсантъ, 21 января 2013.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века. – М., 2002. – 352 с.

Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. – 2015. – С. 10.

Фененко А. Почему в Америке не любят публиковать российских авторов // Международные процессы. – 2016. – № 1. – С. 172-180.

Черкасов П. ИМЭМО. Очерк истории. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии наук, – М.: Весь мир, 2016. – 870 с.

Чесноков С. Роль негосударственных «мозговых центров» в процессе принятия решений военно-политическим руководством США в области обороны и безопасности // Зарубежное военное обозрение. – 2007. – №5. – С. 2-6.

2015 Global Go To Think Tank Index Report. Think Tanks and Civil Societies Program, University of Pennsylvania, January 20, 2016. Mode of access: <http://gotothinktank.com/2015-global-go-to-think-tank-index-report/>

Abelson, Donald E. A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy. McGill-Queen's University Press. 368 p.

Adesnik, David. 100 Years of Impact. Carnegie Endowment for International Peace, 2011. 127 p.

Cigler, Allan J., Loomis, Burdett A., eds. Interest Group Politics, Washington, D.C., CQ Press, 1998.

Interest Group Politics, Cigler, Allan J., Loomis, Burdett A., eds. Washington, D.C., CQ Press, 1998.

Nurnberger, Ralph D. James Brown Scott, Peace Through Justice. Georgetown University, 1975. p. 241.

Rich, Andrew. Perceptions of Think Tanks among Congressional Staff and Washington-based Journalists. A report to Burson Masteller Worldwide, December 1997.

Singer, Peter W. Washington's Think Tanks: Factories to Call Our Own // *Washingtonian*, August 2010.

Trimbath, Susanne. Think Tanks: Who's Hot and Who's Not // *The International Economy*, Summer 2005.

References:

2015 Global Go To Think Tank Index Report. Think Tanks and Civil Societies Program, University of Pennsylvania, January 20, 2016. Mode of access: <http://gotothinktank.com/2015-global-go-to-think-tank-index-report/>

Abelson, Donald E. A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy. McGill-Queen's University Press. 368 p.

Adesnik, David. 100 Years of Impact. Carnegie Endowment for International Peace, 2011. 127 p.

Arbatov, A., Dvorkin, V. Nasha tsel' – vliiat' na amerikanskoe ekspertnoe soobshchestvo (Our Goal Is to Influence the American Expert Community) // *Nezavisimaia Gazeta*, 12 March 2014. Mode of access: http://www.ng.ru/politics/2014-03-12/2_usa.html

Belianinov, K. Mozgovye tsentry RF ostalis' na periferii (Russia's Think Tanks Have Remained on the Periphery) // *Kommersant*, 21 January 2013.

Cherkasov, P. IMEMO. Ocherk istorii (Essay on IMEMO History). Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Ves Mir Publishers, 2016. 870 p.

Chesnokov, S. Rol' negosudarstvennykh «mozgovykh tse ntrov» v protsesse priniatiia reshenii voenno-politicheskim rukovodstvo SShA v oblasti oborony i bezopasnosti (The Role of Non-State “Think Tanks” in the U.S. Leadership’s Decision-Making Process in the Defense and Security Fields) // *Zarubezhnoe voennoe obozrenie (Foreign Military Review)*, 2007, № 5, pp. 2-6.

Cigler, Allan J., Loomis, Burdett A., eds. Interest Group Politics, Washington, D.C., CQ Press, 1998.

Fenenko, A. Pochemu v Amerike ne liubiat publikovat' rossiiskikh avtorov (Why in America They Don't Like to Publish Russian Authors) // *Mezhdunarodnye Protsessy (International Processes)*, 2016, No. 1, pp. 172-180.

Filippov, A.; Kostylev, P. Akademicheskaya zhizn': igra po neudobnym pravilam (Academic Life: Game According to Inconvenient Rules) – Tsentr politicheskogo analiza (Center for Political Analysis). 10 April 2016.

Interest Group Politics, Cigler, Allan J., Loomis, Burdett A., eds. Washington, D.C., CQ Press, 1998.

Kissinger, Henry. Nuzhna li Amerike vneshniaia politika? K diplomatii XXI veka. (Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the XXI Century). Moscow, 2002. 352 p.

Makarychev, A.S. Gosudarstva, ekspertnye soobshchestva i rezhimy znaniia-vlasti (States, Expert Communities, and Regimes of Knowledge-Power) // *Politicheskaya Nauka*, 2015, p. 10.

Nurnberger, Ralph D. James Brown Scott, Peace Through Justice. Georgetown University, 1975. p. 241.

Rich, Andrew. Perceptions of Think Tanks among Congressional Staff and Washington-based Journalists. A report to Burson Masteller Worldwide, December 1997.

Singer, Peter W. Washington’s Think Tanks: Factories to Call Our Own // *Washingtonian*, August 2010.

Trimbath, Susanne. Think Tanks: Who’s Hot and Who’s Not // *The International Economy*, Summer 2005.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-8-19>

THINK TANKS AS AN ACTOR OF CONTEMPORARY POLITICS

Natalia I. Bubnova

*Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">14 October 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">15 May 2017</p>	<p>Abstract:As think tanks continue to grow exponentially in number worldwide, their influence on world politics has also been increasing. These think tanks, including Russia’s policy-oriented scientific research institutes, study a wide range of pressing political, social and economic issues, present their ideas and recommendations to national governments and international institutions, and promote international dialogue to foster solutions to world’s most burning problems. For think tanks to remain trustworthy and influential, they need to maintain their integrity, independence of judgement, in-depth scholarship, and a sharpened focus on real-world outcomes. Their impact will also depend on their efficiency in promoting their findings through an active publications campaign, first-rate conferences and seminars, skillful outreach programs, innovative Internet activities, and cutting-edge social networking. With the assistance of think tanks, the world politics will be better informed and thus more enlightened, future-oriented, resourceful, and better equipped to find solutions to ongoing conflicts, build international cooperation, and avoid crises in the future.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The article is prepared with support of Russian Humanitarian Science Foundation, Project “Interaction between Diplomacy and Science for more Effective Russian Foreign Policy and Diplomacy”: No. 14-01-00324</p>
<p>About the author:</p> <p>Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: NataliaBubnova@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>think tanks, scientific research institutes, impact, international relations</p>	

Для цитирования: Бубнова Н.И. «Мозговые центры» как актор современной политики // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 8-19.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-8-19

For citation: Bubnova, Natalia I. «Mozgovye tsentry» kak aktor sovremennoi politiki (Think Tanks as an Actor of Contemporary Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 8-19.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-8-19

ДОЛГОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Алексей Иванович Подберёзкин

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

Максим Владимирович Харкевич

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 4 декабря 2016 <i>Принята к печати:</i> 1 июня 2017</p>	<p>Аннотация: В современных условиях трансформации и хаотизации системы международных отношений снижение прогнозируемости ее развития необходимо компенсировать за счет усиления нормативного содержания такого прогнозирования, что на деле является планированием. Кризис, углубляющийся в международных отношениях в последние годы, позволяет сделать пессимистический вывод о наиболее вероятном и опасном сценарии развития международных отношений – «усилении военно-силового противоборства между основными локальными человеческими цивилизациями» и представляемыми ими военно-политическими коалициями и центрами силы. При этом следует учитывать, что эффективным инструментом реализации такого противоборства является система военных и гражданских инструментов, используемых для оказания комплексного многофакторного и многоаспектного воздействия на объект. В результате такого давления между отдельными его инструментами возникает синергетический эффект взаимного усиления, что позволяет экономить ресурсы влияния. Сегодня наиболее ярким примером такого комплексного влияния может служить политика новой публичной дипломатии. Для реализации подобных комплексных подходов к отстаиванию своих национальных интересов необходимо реформировать систему обеспечения национальной безопасности с целью включения в нее не только традиционных силовых органов, но и организации бизнеса и гражданского общества, а также для повышения координации отдельных ее частей. Однако реализовать такую реформу невозможно без национальной идеологии, которая формирует нормативные приоритеты национального развития и национальной безопасности.</p> <p><i>Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» №14-18-02973</i></p>
<p>Об авторах: <i>Подберёзкин А.И.</i>, д.полит.н., профессор, Кафедра отечественной и всемирной истории, МГИМО МИД России e-mail: podberezkin@gmail.com <i>Харкевич М.В.</i>, к.полит.н., доцент, Кафедра мировых политических процессов, МГИМО МИД России e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: военные конфликты, локальные человеческие цивилизации, человеческий капитал, стратегия национальной безопасности, стратегический прогноз, стратегическое планирование</p>	

Современное состояние методологии прогнозирования и планирования национальной и международной безопасности в России

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время научной теории обеспечения международной, региональной

и национальной безопасности в современной российской политологии не существует, если, конечно, не считать в качестве такой теории внешнеполитические инициативы, рассчитанные на привлечение внимания общественности: создание «всеобъемлющей» системы международной и европейской безопасности, «безъядерного мира» и целого

ряда международно-правовых инструментов, «гарантирующих» безопасность и т.д.

Следует также отметить, что существуют отдельные, нередко противоречивые и даже взаимно исключаящие, положения, которые были разработаны в связи с необходимостью принятия ряда законов и указов в последние годы, которые не заменяют отсутствия общей теории и сколько-нибудь единого подхода экспертного сообщества. Этому явлению есть свои объяснения. Прежде всего связанные с резким снижением политического запроса и общего уровня качества научных исследований в современной России, которые постепенно уступили место содержательного анализа пропагандистскому обеспечению деятельности правящих элит. Как справедливо заметила политолог Т. Шаклеина, «в XXI веке ... произошло не только сокращение масштабов фундаментальных систематических исследований..., но и серьезное снижение качества исследований»¹.

Существует и целый комплекс других объективных и субъективных причин, объясняющих кризис в области исследований проблем безопасности в России. Политика в области безопасности, как предмет исследования и системного анализа, представляет собой одну из наиболее сложных областей знаний в силу целого ряда объективных причин, связанных прежде всего с субъективностью и иррациональностью, свойственной политике вообще, а также с доступностью и достоверностью информации, которая изначально, по определению, не может быть ни абсолютно доступна, ни даже приблизительно достоверна. Достаточно привести известный исторический пример, вызывающий и сегодня множество споров, о том, знал ли И.В. Сталин о конкретном сроке и плане нападения Германии на СССР. Не смотря на огромное количество имеющихся документов, мы и сегодня не можем с уверенностью ответить на этот вопрос.

¹ Шаклеина Т.А. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А.Шаклеиной. – М.: Аспект Пресс, 2014. – с. 9 [Shakleina, T.A. Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii (Introduction to Applied Analysis of International Situations). Moscow: Aspekt Press, 2014. P. 9]

Кроме объективных и признаваемых трудностей при изучении политики безопасности, однако, возникают многочисленные трудности теоретического, методологического и методического порядка, с одной стороны, и субъективных подходов, с другой². Причем, как показывает исторический опыт, в вопросах безопасности, особенно военного и политического искусства, субъективно и иррациональные факторы не только имеют важное значение, но значение это в XXI веке только усиливается³. При этом определенный прогресс в изучении вопросов безопасности, сделанный после нескольких десятилетий кризиса, в самые последние годы в России (который выражается в том числе в подготовке и публикации большого количества документов, – от законов РФ «О стратегическом планировании» и «О безопасности», различных редакций Стратегии национальной безопасности России, Военной доктрины, Концепции внешней политики и пр. до постановлений Правительства РФ и соответствующего аппарата), – отнюдь не компенсирует того огромного отставания в исследованиях на эту тему, которое произошло в последние 25–30 лет в российской на-

² См. подробнее в работе: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. – 796 с. [Strategicheskoe prognozirovaniye i planirovaniye vneshnei i oboronnoi politiki: monografiya (Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Vol. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniya vneshnei i oboronnoi politiki (Theoretical Foundations of Analysis Systems, Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO University, 2015. 796 p.]

³ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполеца. – М.: МГИМО-Университет, 2014. [Nekotoryye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiya. (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation: a Monograph). Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO-University Press, 2014.]

уке⁴. Вымывание целых научных школ и исчезновение научных направлений сказалось непосредственно на качестве принимаемых военно-политических решений, включая такие важнейшие области как долгосрочное планирование программ вооружений и военной техники (ВВСТ), подготовка личного состава ВС РФ и определение внешнеполитических приоритетов⁵.

Вопросы национальной и международной безопасности сохраняют свою актуальность сегодня. В международных отношениях не только сохраняется угроза войны между ведущими государствами, но и произошло фактическое увеличение численности войн и военных конфликтов после окончания холодной войны, усиление масштабов и интенсивности военного противоборства. Более того, такое развитие международной обстановки привело к появлению целого ряда философских, политологических и социологических работ, в которых обосновываются неизбежность, объективная полезность и даже необходимость войн и вооруженных конфликтов, среди которых наиболее заметными в начале века стали работы известного историка из Стэнфордского университета Яна Морриса «Война! Для чего она нужна?», в которой он, например, прямо признавал, что «наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам»⁶

и работы известного военного теоретика Р. Грина⁷.

Подобная точка зрения имеет право на существование в силу вполне определенных объективных причин, связанных не только с усилением враждебности и военной конфликтности в последние два десятилетия, но и с неудачами по созданию сколько-нибудь эффективных систем международной, региональной или национальной безопасности, которые привели в конечном счете к формированию единственной системы безопасности «для себя» (НАТО), но «против всех».

Представляется, что важнейшим условием комплексного анализа международной и национальной безопасности является сочетание нормативного и эмпирического подходов. Т.е. необходим нормативный политический анализ, основанный на теоретических знаниях и выверенных методологических и методических подходах – без него огромное количество факторов, влияющих на политику безопасности, будет представлять собой простое нагромождение и перечисление противоречивых тенденций.

Нормативный подход незаменим при активном планировании мер по обеспечению национальной безопасности. Большой частью экспертного сообщества, как правило, признается существенное отставание в теоретических и методологических разработках в этой области. Именно в этой области в последние десятилетия образовалась огромная брешь, которая стала следствием общего кризиса российской науки, прекращения важнейших исследований и развала целых научных школ, существовавших в СССР не только в АН СССР, но и в Генеральном Штабе, МИДе и других ведомствах и организациях⁸.

⁴ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. [Strategicheskoe prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberезkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016.]

⁵ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. – М.: Кучково поле, 2016. – 832 с. [Popov, I.M.; Khamzatov, M.M. Voina budushchego: kontseptual'nye osnovy i prakti-cheskie vyvody (The War of the Future: a Conceptual Framework and Practical Conclusions). Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 832 p.]

⁶ Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизаций – от приматов до роботов / Пер. с англ. Т.О.Новиковой. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 11. [Morris, I. War! What Is it Good For?: Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. Macmillan, 2014. P. 11.]

⁷ Грин Р. 33 стратегии войны / Пер. с англ. Е.Я.Мигуновой. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 896 с. [Grin, R. 33 strategii voyny (33 War Strategies). Moscow: RIPOL klassik, 2016. 896 p.]

⁸ Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Казанцев А.А., др. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад – М.: МГИМО-Университет, 2014. – с. 12-15. [Podberезkin A.I., Borishpolets K.P., Kazantsev A.A. Prognozirovaniye mezhdunarodnoi

Эмпирический политический анализ базируется на опыте, здравом смысле и интуиции⁹. К сожалению, и в этой области произошли серьезные негативные изменения, связанные прежде всего с потерей уровня экспертизы, сокращением аналитиков и исследователей в подразделениях и институтах государства, занимающихся практической работой. Всё это привело к тому, что один из ведущих экспертов в области безопасности генерал А.И. Владимиров был вынужден заявить, что «...при всем изобилии военной беллетристики... мы не имеем полной и стройной теории войны как научной теории...»¹⁰.

И первый, и второй подход не противоречат друг другу, а взаимно дополняют и уточняют результаты исследования в области безопасности.

Методология системного анализа политики безопасности составляет наименее изученную область в политических исследованиях. Прежде всего потому, что вопросы безопасности государства в СССР прежде занимались профессионалы – политики и ученые – от отношения, знаний и возможностей которых зависело в конечном счете представления политической элиты и общества в тот или иной период времени. Как правило, численность таких политиков и экспертов была ничтожно мала и сводилась к нескольким десяткам человек, сконцентрированных вокруг высшего руководства

situatsii: ugrozy bezopasnosti i voennaia politika Rossii (Prediction of International Situation: Threats to the Security and Military Policy of Russia). Moscow: MGIMO-University, 2014. Pp. 12-15.]

⁹ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 8. [Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaia ekspertiza (Analysis of the International Situation and Political Expertise). Moscow: Aspekt Press, 2015. P. 8.]

¹⁰ Владимиров А.И. Основы общей теории войны: монография. В 2 частях. Ч.1. Основы теории войны – М.: Синергия, 2013. – с. 148. [Vladimirov, A.I. Osnovy obshchei teorii voyny: monografiia. V 2 chastiakh. Ch.1. Osnovy teorii voyny (The General Theory of War: a Monograph. In 2 Parts. Part1. The Fundamental Theory of War). Moscow: Sinergiia, 2013. P. 148.]

страны, даже – точнее – вокруг одного руководителя.

Причем чем сложнее становилась обстановка в области безопасности (что требовало, казалось бы, привлечения большего числа экспертов), тем уже становился круг людей, которые реально занимались этой проблематикой в интересах высшего политического руководства страны. Так, в СССР по мере нарастания напряженности в мире в 30-е годы XX века, проходила концентрация власти от ЦК до Государственного комитета обороны (ГКО) и Ставки Верховного Главнокомандующего.

Формирование общественно-политической потребности в системном анализе политики безопасности в начале XXI в.

В конце XX века в МО произошли качественные изменения, связанные с исчезновением главного конкурента западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) и центру силы – ОВД и СССР. Это сильно повлияло на процесс осмысления новых международно-политических реалий в области безопасности и привело к появлению многочисленных концепций – от «конца цивилизаций» до «цивилизационного противоборства». Этот «интеллектуальный взрыв», надо признать, мало затронул российскую область науки безопасности, где существовало состояние протрации и фактически полного игнорирования необходимости исследований, связанное прежде всего с отсутствием «социального заказа» со стороны правительства и общества, которые были искренне уверены, что западная ЛЧЦ подскажет России необходимые шаги в этой области. Слабые попытки противодействовать этому тренду со стороны прежних экспертов, как правило, оставались незамеченными.¹¹

¹¹ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – с. 19-60. [Strategicheskoe prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberzkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. Pp. 19-60.]

Но и это далеко не всё. С конца XX века ситуация в области анализа МО и ВПО стала быстро меняться в направлении усложнения еще и потому, что количество субъектов международной политики (государств, союзов, коалиций и пр.) резко возросло. Более того, к ним стали добавляться новые факторы – международные и иные акторы, – участвующие в международной политике, а также усилились многочисленные мировые и региональные тенденции. Как справедливо заметил Т. Шаклеина, «... международные отношения – это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов, а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих ...»¹².

В итоге вместо одной, достаточно узкой, группы факторов, – субъектов МО и военно-политической обстановки (ВПО), – формирующих политику безопасности, появились, как минимум еще три новых, прежде не выступавших активно, – глобальные тенденции развития, транснациональные акторы и институты развития человеческого капитала¹³.

Таким образом появилась объективная потребность у новых субъектов исследовать политику безопасности, с одной стороны, а у прежних субъектов МО – анализировать и прогнозировать развитие международной и военно-политической обстановки¹⁴, – что

также требовалось и для стратегического планирования в области развития ВВСТ¹⁵. Это, в свою очередь, потребовало создания уже не только научных концепций, но и политических документов по стратегическому прогнозированию и планированию в конце XX века не только в России, но и в других ведущих странах мира¹⁶, среди которых необходимо выделить принятие в 90-е годы XX века первой редакции Концепции национальной безопасности, Военной доктрины, Морской доктрины, а позже – федеральных законов «О безопасности», «Об обороне», «О стратегическом планировании», которые легли в основу целой системы стратегических документов, утверждаемых указами Президента Российской Федерации¹⁷. Прежде всего речь идет о Стратегии национальной безопасности России (в редакции 31 декабря 2015 года), Концепции внешней политики, Военной доктрине и др.¹⁸. Проблема безопасности на-

С. 455-560. [Podberezkin, A.I., Kharkevich, M.V. *Mir i voina v XXI veke: opyt dolgosrochnogo prognozirovaniia razvitiia mezhdunarodnykh otnoshenii* (War and Peace in the XXI Century: the Experience of Long-Term Forecasting of International Relations). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp. 455-560.]

¹² Шаклеина Т.А. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: Аспект Пресс, 2014. – С. 14. [Shakleina, T.A. *Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii* (Introduction to Applied Analysis of International Situations). Moscow: Aspekt Press, 2014. P. 14.]

¹³ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 343-394. [Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. Pp. 343-394.]

¹⁴ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. –

¹⁵ Леонтьев С.К., Губинский А.М. Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. – М.: МГУ, 2014. – С. 23-27. [Leont'ev, S.K., Gubinskii, A.M. *Tekhnologicheskoe prognozirovanie i planirovanie: rossiiskii i zarubezhnyi opyt, perspektivy dlia otechestvennogo oboronno-promyshlennogo kompleksa* (Technology of Foresight and Planning: Russian and Foreign Experience, the Prospects for the Domestic Military-Industrial Complex). Moscow: MGU, 2014. Pp. 23-27.]

¹⁶ National Security Strategy. Washington: GPO, February 2015.

¹⁷ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016. – 86 с. [Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016. 86 p.]

¹⁸ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-

ций и обществ – только начали заниматься в XXI веке. Тем более, что новые условия существования многочисленных субъектов и акторов МО в XXI веке радикально изменили характер их отношений и существо политики безопасности.

За рубежом, вместе с тем, в этой области в самые последние годы были сделаны наиболее прорывные достижения, которые отражают прежде всего потребности обеспечения безопасности наций и государств в новых условиях. На Западе, а также в Китае, Индии, ряде других государств мира были разработаны многочисленные методики анализа международной, военно-политической и стратегической обстановки, а также стратегические прогнозы и перспективные оценки. Некоторые из них обладают высокой верификабельностью и практически значимы, что подтверждает качество этих исследований и официальных документов¹⁹.

Существенные изменения в научном и информационном аппарате исследований, которые произошли в последние десятилетия во многом благодаря революции в области информатики и связи, позволили сегодня обрабатывать огромные массивы информации, анализировать и прогнозировать развитие сотен тысяч и даже миллионов факторов и переменных. Политическое и военное искусство, которое прежде игнорировало научное знание, стало опираться на его достижения.

Основные положения системного анализа политики безопасности

Принципиальная разница в теоретических и методологических подходах, сложившихся до конца XX века и подходах настоящего времени, заключается в переходе от историко-описательного, эмпирического подхода и нормативно-теоретическому. Можно спорить о достоверности и правиль-

ности тех или иных теоретических подходов и методов, избранных критериев и т.д., но в конечном счете современный подход отличается от традиционно-исторического (описательного) подхода практическими, даже прагматическими потребностями, вытекающими из необходимости стратегического прогнозирования и планирования, ставших абсолютно востребованными в XXI веке.

Основные положения методологии системного анализа состояния и стратегического прогноза будущей безопасности государств, наций и обществ, а также отдельных акторов основываются, на следующих принципиальных положениях, сформулированных в разных работах 2013–2016 гг.²⁰

1. В основе любого политического процесса в XXI в., включая процессы, связанные с обеспечением национальной и международной безопасности, **лежит стремление всех акторов МО, объединенных в разных ЛЧЦ, сохранить и продвинуть свои системы ценностей и обеспечить национальные интересы (потребности).** Особенно откровенно и настойчиво это реализуется в политике западной ЛЧЦ, которую в настоящее время формулируют и реализуют США и их ближайшие союзники в рамках широкой военно-политической коалиции. Это открыто признается и подтверждается политической практикой и многочисленными примерами²¹.

Университет, 2016. – с. 338. [Podberezkin, A.I. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke (Russian National Security Strategy in the XXI century). Moscow: MGIMO-University, 2016. P. 338.]

¹⁹ Strategic Trends Program / Global Strategic Trends – Out to 2045. Lnd., Ministry of Defense, 2015.

²⁰ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 743 с. [Strategicheskoe prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. 743 p.]

²¹ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. – с. 51-312. [Strategicheskoe prognozirovaniye i planirovaniye vneshnei i oboronnoi politiki: monografiya (Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Vol. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniia vneshnei i oboronnoi politiki

В XXI в. основными субъектами МО стали локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ) и прежде всего их страны-лидеры: США, Китай, Россия, Индия. Поэтому основной приоритет в обеспечении безопасности принадлежит обеспечению безопасности национальной идентичности ЛЧЦ, нации и государства, а также безопасности интересов этих ЛЧЦ. Это означает, что методология анализа современной МО и ВПО должна основываться прежде всего на анализе систем ценностей и интересов ЛЧЦ и их военно-политических коалиций, союзов и двусторонних партнеров.

2. Система международных отношений находится либо в состоянии самоорганизации, либо в состоянии хаоса. Способность к самоорганизации системы международных отношений позволяет прогнозировать ее долгосрочное развитие, т.к. в основе самоорганизации находятся объективные закономерности. Напротив, если система пребывает в хаотическом состоянии, предсказать ее развитие даже в краткосрочный период принципиально невозможно.

Для определения состояния системы международных отношений необходимо выявить показатели четырех ее параметров: уровня разнообразия элементов, уровня взаимосвязи элементов, уровня взаимозависимости элементов и скорости распространения норм в системе. Если показатели всех четырех критериев находятся в своих медианных значениях, система пребывает в состоянии самоорганизации. Если показатели всех четырех критериев находятся в своих экстремальных значениях, в системе начинается хаос. Полный хаос и идеальная упорядоченность – это экстремальные точки, в которых система оказывается редко. Чаще всего она располагается между ними, в направлении хаоса или порядка.

3. Современная система международных отношений находится в состоянии практически полного хаоса и поэтому не прогнозируема.

Разнообразие акторов международных отношений постоянно растет за счет

неправительственных международных организаций, транснациональных компаний, распределенных интернет-сообществ и т.д. Взаимосвязь между ними обеспечивает Интернет, доступ к которому распространяется по всей планете. Взаимозависимость возникает благодаря общим глобальным угрозам и интеграционным проектам, которые имеют уже не только региональную, но и трансрегиональную природу. Единственно, что пока сдерживает систему от максимальных показателей всех четырех параметров – это укрепление цивилизационной динамики, которая препятствует быстрому распространению норм по миру. Нормы сложно преодолевают цивилизационные границы.

Окончание холодной войны, распад СССР, возникновение ИГИЛ, резкое охлаждение отношений между Россией и Западом, мировые экономические кризисы 1998 г. и 2008 г. застали исследователей международных отношений врасплох, делая их обычными комментаторами происходящих событий. Непредсказуемость развития системы международных отношений связана с ее сложностью. Это стохастическая система, состоящая из множества волевых, взаимосвязанных и взаимозависимых акторов, действующих на различных уровнях, без достаточной информации о себе и своих конкурентах в условиях дефицита времени. В результате предсказать, как будет вести себя каждый конкретный элемент системы международных отношений или что станет с самой системой в среднесрочной и тем более в долгосрочной перспективе невозможно.

4. Долгосрочное прогнозирование международных отношений рассматривается как стратегическое планирование. Несмотря на то, что спрогнозировать развитие международных отношений невозможно, необходимо принимать конкретные решения и предпринимать действия здесь и сейчас. Государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития международных отношений, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов. Поэтому прогноз должен быть максимально детальным и конкретным, он ложится в основу детального плана действий и мероприятий.

(Theoretical Foundations of Analysis Systems, Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2015. P. 51-312.]

Данное допущение противоречит здравому смыслу, но не логике развития человеческой цивилизации. Здравый смысл требует разделять прогноз и план, но на практике они оказываются неразделимыми, если речь, конечно, идет о реальных сложных, адаптивных общественных системах, а не о прогнозировании развития абстрактной системы или схемы.

Проявлением перехода прогнозирования в планирование является феномен виртуализации международных отношений. Искажение действительности в политике – невольное или сознательное – происходило и прежде, но в XXI веке оно приобрело другое качество: изначально прогнозируется, планируется и создается заведомо ложная, «виртуальная» реальность, под которую позже, с помощью самых разных средств, подгоняется действительность. Так, в начале 1990-х годов в Европе создавалась ложная, «виртуальная» реальность «Югославия-агрессор», которую потом превратили в подлинную, реальную международную обстановку, по отношению к которой применили военную силу.

Стратегия национальной безопасности должна изначально включать в себя в качестве единых интегрированных частей анализ, стратегический прогноз и планирование, что далеко не всегда находило место на практике. Так, Стратегия национальной безопасности России в последних двух редакциях (2009 и 2015 гг.) фактически не исходит из потребностей стратегического прогноза и планирования²², хотя это требование и сформулировано прямо в ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»²³.

5. Глобализация постепенно сменяется регионализацией в форме утверждения локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ). Усиление региональной

²² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. [Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy” № 683 of December 31, 2015]

²³ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». ФЗ № 2014 г. [Federal Law “On the Strategic Planning in the Russian Federation”. Federal Law № 2014].

цивилизационной динамики является ответом на глобализацию. Формируются локальные человеческие цивилизации вокруг государств, играющих роль регионального лидера. Россия является центром для евразийской цивилизации, США – для западной цивилизации, Китай – для азиатской цивилизации, в Латинской Америке – Бразилия, в Европе – Германия. В исламской цивилизации лидер пока не определен.

6. Очередная война между великими державами за лидерство неизбежна, она будет носить межцивилизационный характер. Взаимное ядерное уничтожение между великими державами уже не гарантировано. Ядерное сдерживание ослабевает из-за развития кибер оружия, глобального ПРО, но главное – из-за распространения практики сетецентрической войны, благодаря которой можно сменить политическую элиту практически в любом государстве, сохранив при этом его население, армию, инфраструктуру и экономику.

В связи с этим необходимо:

- переоценить внешнеполитические приоритеты с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего с точки зрения возможных союзников и партнеров;
- пересмотреть структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов – идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;

- пересмотреть планы оборонного строительства с учетом специфики навязываемой системной сетецентрической войны.

Но, прежде всего, необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария международной обстановки уже говорит о начале против России сетецентрической войны и требует сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромные последствия для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невозполнимым ресурсом.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

7. Любой прогноз строится в рамках субъективной картины мира (либо разработчика сценария, либо его заказчика).

В сфере стратегического долгосрочного планирования исследователи также пользуются той картиной мира, которая доминирует в их сознании. Так как сфера планирования включает в себя не только технологический и экономический компоненты, но и политический, на процесс долгосрочного планирования влияние могут оказывать и философская, и религиозная картины мира. Политика, в конце концов, – это практическое выражение морали, того, что человек, общество и государство желают иметь или того, чем они желают быть.

Формируемый стратегический долгосрочный прогноз, таким образом, должен быть непротиворечивым в рамках картины мира его создателя или адресата. Проблема заключается в том, что состояние мира через 30 или 50 лет может противоречить любой существующей сегодня картине мира. Можно ли представить мир, основным источником энергии в котором служит солнце, а не углеводороды; мир без традиционных ценностей семьи и брака; мир без четкой гендерной дифференциации; мир без ядерного оружия; мир, в котором солдатами будут роботы и т.д.

Поэтому долгосрочное прогнозирование должно предполагать постоянную проблематизацию априорных допущений плана с тем, чтобы эти допущения можно было менять вслед за меняющейся реальностью. Если допущения останутся константой в постоянно меняющемся мире, то любое планирование на их основе обречено на провал.

Для предупреждения возможных неприятных сюрпризов предлагается три инструмента: указатели, формирующие действия и хеджирующие действия. Указателями слу-

жат некоторые показатели состояния критических и уязвимых допущений, которые необходимо постоянно мониторить. Указатели являются событиями или пороговыми значениями состояний, которые в случае обнаружения при мониторинге будут указывать на то, что уязвимое допущение провалилось и требуется изменение или исправление первоначального плана.

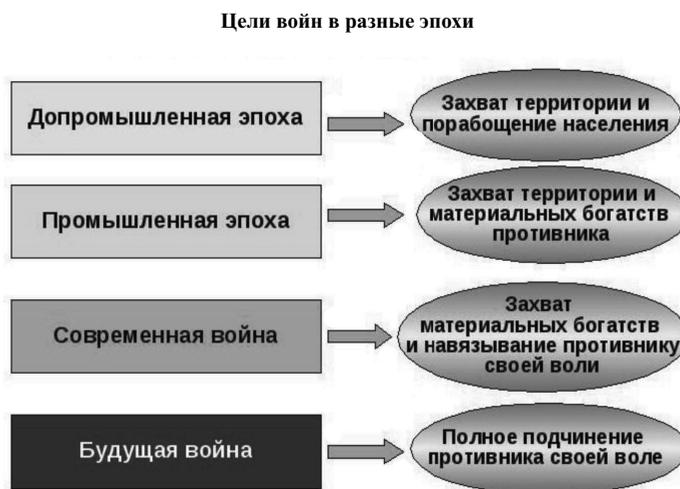
Системными указующими являются выделенные выше четыре параметра системы: уровень разнообразия элементов, взаимосвязи элементов, взаимозависимости элементов и скорости распространения норм в системе.

Формирующие действия необходимы для поддержания допущений, для обеспечения контроля над будущим настолько это возможно. Формирующие действия призваны обеспечить реализацию допущений в интересах планировщика.

Хеджирующие действия позволяют подготовиться к ситуации, когда критически важные, но уязвимые допущения, все же, провалились, несмотря на все формирующие действия, направленные на их поддержку. Хеджирующие действия определяются путем проигрывания сценария, в котором критические допущения провалились. Такой гипотетический сценарий позволит увидеть, что можно будет сделать в этом случае.

Нельзя надеяться, что удастся выявить все причины, почему план может провалиться или подготовить план, который будет способен выдержать любые изменения контекста. Существует бесчисленное количество событий, которые могут нарушить даже самый лучший план. Основная задача долгосрочного прогнозирования состоит в том, чтобы отслеживать возможные нарушения допущений, сделанных в прогнозе и быть готовым к реагированию на них.

8. Существует достаточно строгая логика и вертикально-выстроенная последовательность в развитии отдельных сценариев (отношений ЛЧЦ, МО, ВПО, стратегической обстановки (СО), войн и конфликтов), которая является концептуальной основой для анализа и прогноза системы безопасности. Она требует исследования этой проблемы изначально «сверху–вниз» –

Picture 1. War Objectives in Human History

от общего к частному, – хотя и признает неизбежное влияние частного на формирование более общей системы, особенно если речь идет о тех областях, где субъективный фактор играет решающее значение²⁴. В XXI веке ВПО в мире (и, как следствие, СО, характер войн и конфликтов) формируется в результате развития МО, а та, в свою очередь, формируется прежде всего, под влиянием развития отношений между ЛЧЦ, т.е. «сверху–вниз»²⁵.

Вместе с тем, изменения в характере войн и военных конфликтов, т.е. изменения

²⁴ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 111-128. [Podberezkin, A.I., Kharkevich, M.V. Mir i voina v XXI veke: opyt dolgosrochnogo prognozirovaniia razvitiia mezhdunarodnykh otnoshenii (War and Peace in the XXI Century: the Experience of Long-Term Forecasting of International Relations). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp. 111-128.]

²⁵ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО-Университет, 2014. [Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiia (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation: a Monograph). Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO University Press, 2014.]

на самых «нижних этажах» этой пирамиды, безусловно, влияют не только на формирование ВПО и МО, но и на отношения между ЛЧЦ. В частности, бескомпромиссный характер будущих войн неизбежно требует и ведет к обострению МО и отношений между ЛЧЦ. Это видно на схеме, описывающей различный характер войн в истории человечества²⁶ (см. Рис. 1).

Субъективные факторы, прежде всего развитие человеческого капитала и его институтов, в XXI веке усиливают влияние личности, в т.ч. нередко и неадекватное и иррациональное, на развитие МО и отношения между ЛЧЦ²⁷. В ноябре 2016 года,

²⁶ Попов И.М. Доклад «Война – это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства». 2014. Апрель. – М.: МГИМО-Университет, 2014. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/> [Popov, I.M. Doklad «Voina – eto mir: nevoennye aspekty obespecheniia bezopasnosti gosudarstva (War is Peace: the Non-Military Aspects of Security). April, MGIMO-University, 2014. Mode of access: <http://eurasian-defence.ru/>]

²⁷ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016. – с. 11-13. [Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security

например, на исходе своего президентства, Б. Обама признал, что вооруженное нападение на Ливию в 2011 году было ошибкой, которая принесла масштабные негативные международные последствия.

Концепция системной безопасности как инструмент обеспечения национальных интересов

Требование «национальной идеи», «эффективной стратегии», «хорошего управления» и т.п. сводятся в конечном счете к требованию иметь научно обоснованную общенациональную концепцию безопасности и развития, которая в ясной и короткой форме и доступной парадигме могла бы сформулировать основную цель национального развития и вытекающие из нее представления о безопасности в условиях нарастающего противоборства между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ). На это противоборство обратили внимание в начале 90-х годов прошлого века сразу несколько исследователей, наиболее известными из которых были А. Тойнби и С. Хантингтон²⁸. Причем реализовывать эту концепцию безопасности и стратегию развития придется наверняка в условиях кризиса и жестких ресурсных ограничений, что делает требования к повышению ее эффективности еще более жесткими.

Иными словами резкое обострение МО и ВПО во втором десятилетии XXI века особенно остро поставило вопрос перед руководством страны не только о немедленных тактических действиях по нейтрализации этих угроз (санкций, действий на Украине, в Сирии, киберугрозах и т.д.), но и выстраивании общенациональной стратегии безопасности и развития на стратегическую перспективу в неблагоприятных и даже

враждебных внешних условиях²⁹. Ни попытки сформулировать стратегию национальной безопасности России (Указ 683 от 31 декабря 2015 г.), ни предложения стратегии социально-экономического развития (март 2008 г.) этой задаче не соответствовали.

Решать эту задачу предстоит, видимо, тем же структурам, которые уже пытались ее решать прежде в имеющихся институтах государства и на той же материальной и информационно-аналитической основе, что уже ставит под сомнение возможность такого эффективного решения.

Если говорить о законодательной и нормативной основе, то в ней, как оказывается, нет места для долгосрочной стратегии самого высокого уровня, в которой, прежде всего, формируется национальное целеполагание, т.е. цели развития и основные требования к безопасности³⁰. Коротко и не бесспорно они описаны в двух последних редакциях Стратегии национальной безопасности России (2009 и 2015 года), в которых подчеркивается, что они являются «базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты»³¹, но где сами интересы и приоритеты изложены противоречиво и вызывают серьезные возражения (Ст. 30 Стратегии).

Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016. P. 11-13.]

²⁸ Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 288 с. [Toynbee, A.; Huntington, S. Vyzovy i otvety. Kak gibnut tsivilizatsii (Challenges and Responses. As Civilizations Die). Moscow: ООО «TD Algorithm», 2016. 288 p.]

²⁹ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016. – С. 9-11. [Projekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016. Pp. 9-11.]

³⁰ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-Университет, 2016 [Podberezkin, A.I. Strategia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke (Russian National Security Strategy in the XXI century). Moscow: MGIMO-University, 2016].

³¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. [Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy” № 683 of December 31, 2015]

Прежде всего, если говорить о законодательной основе, то, с одной стороны она была создана в 2000–2016 годы посредством принятия ФЗ, указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, но как *система* для правового обеспечения развития и безопасности нации она так и не сложилась, ориентируясь прежде всего только на институты государства (да и то далеко не все), игнорируя:

- институты нации;
- общества;
- человеческого капитала и личности.

Более того эта система не включает вообще в качестве приоритета целей *развития*, хотя именно здесь и формируется главный приоритет безопасности. Если, например, Министерство экономического развития изначально планирует (как в октябре 2016 г.) темпы роста ВВП России на 20 лет в 2 раза ниже общемировых, то это и есть главная угроза безопасности.

В этой связи особенно важное значение приобретает проблема формирования новых и развития существующих национальных и общественных институтов, укрепляющих институциональное доверие к власти, науке, вере и образованию, прежде всего с точки зрения определения целей национального развития.

Рабочая концепция формирования системы безопасности России в новых международных условиях должна, на взгляд авторов, исходить из следующих принципиальных посылок:

Во-первых, опережающего количественного и качественного роста национального человеческого капитала (НЧК) России как главного фактора развития относительно наиболее динамично развивающихся стран-представителей отдельных ЛЧЦ. Прежде всего США, КНР и Индии³². В настоящее время известен единственный способ опережающего социально-политического, экономического и технологического развития наций и государств – опережающие

темпы развития человеческого капитала и его институтов, которые могут дать синергетический, качественный эффект, компенсирующий существующее отставание России по важнейшим показателям национальной и государственной мощи.

Во-вторых, безопасность России, включая её военную составляющую, во многом определяется темпами опережающего развития институтов НЧК в социальной, научно-технической, экономической и иных областях. Именно такие институты в настоящее время определяют в решающей мере уже не только темпы развития экономики, общества и нации, но и военную безопасность государства. Качество личного состава и военного управления, способность в максимальной степени использовать возможности оружия, определяется качеством человеческого капитала и его институтов в Вооруженных Силах. Боевая эффективность также в возрастающей степени зависит от качества НЧК и его институтов в армии и в оборонно-промышленном комплексе³³.

В-третьих, рассматривать институты развития НЧК в XXI веке в качестве решающих средств обеспечения национальной безопасности, значение которых в текущем столетии будет постоянно расти. Более того, наблюдается тенденция, когда институты развития НЧК используются в качестве основного силового средства политики, вытесняя традиционные средства, включая военные, либо превращая такие средства в систему комбинированных силовых средств влияния. Этот вывод, в частности, находит свое прямое выражение в современной базовой стратегии западной ЛЧЦ, которая получила свое название «политика новой публичной дипломатии», а на самом деле стала новым вариантом политики силы – по-

³² Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т.1-3. – М.: МГИМО-Университет, 2011-2013 гг. [Podberезkin, A.I. Natsional'nyi chelovecheskii kapital (National Human Capital). In 3 vol. Vol. 1-3. Moscow: MGIMO-University Press, 2011-2013].

³³ Информационно-аналитическая система стратегического планирования угроз национальной безопасности: аналитич. Доклад / П.М. Шмелёв, А.И. Подберезкин (и др.). – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 5-7. [Informatsionno-analiticheskaiia sistema strategicheskogo planirovaniia ugrozam natsional'noi bezopasnosti: analitich (The Information-Analytical System of Strategic Planning of National Security Threats). Ed. by P.M. Shmelev, A.I. Podberезkin. Moscow: MGIMO-University, 2014. Pp. 5-7.].

Picture 2. New Public Diplomacy

литика «силового принуждения» (the power to coerce). Ее эволюцию можно продемонстрировать на *Рис. 2*.

Соответственно у такой политики качественно меняется и набор силовых средств, с помощью которых планируется достичь сформулированных целей. В самом общем виде эту эволюцию можно изобразить в *Таб. 1*.

Таблица 1

Публичная дипломатия в XX и XXI веке

Публичная дипломатия в XX веке	Публичная дипломатия в XXI веке
<i>Главные цели</i>	
Дестабилизации внутриполитической ситуации в социалистических странах	Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики
Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ	Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах
Формирование оппозиции внутри социалистического блока	Смена политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ
<i>Основные ресурсы</i>	
Государственные средства внешней политики. СМИ к специальным средствам	Масштабное использование государственных частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальные средства не только разведсообществ, но и других министерств (обороны, финансов и др.) и ведомств.

Публичная дипломатия в XX веке	Публичная дипломатия в XXI веке
Поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах	Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в т.ч. вооруженную борьбу
<i>Стратегия</i>	
Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТО	Сетевая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ

Table 1. Public Diplomacy in XX and XXI century

Примечательно, что если с точки зрения обеспечения национальной безопасности степень доверия национальным институтам превратилась в решающий фактор в результате политики западной ЛЧЦ по дестабилизации противников и созданию обстановки хаоса, то в то же самое время зарубежные и российские исследователи обнаруживают достаточно резкое падение доверия к институтам государственной власти, о чем еще в начале 1990-х годов писал С. Хантингтон³⁴. Как

³⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд.-во АСТ, 2016. – 571 с. [Huntington, S. Stolkновение tsivilizatsii (The Clash of Civilizations). Moscow: AST, 2016. 571 p.]

отмечает коллектив международных исследователей, измерение уровня доверия в постсоветской России, одного из индикаторов запасов социального капитала в национальной экономике, является очень важной научной задачей. В ходе опроса «Сравнительные исследования доверия в различных странах в период глобализации» обнаружены, в частности, следующие закономерности:

- уровень доверия всем институтам власти и управления не велик;
- уровень доверия отдельным властным институтам имеет тенденцию быть обратно пропорциональным степени близости этой власти к рядовому гражданину;
- меньше всего россияне доверяют тем институтам власти, которые больше всего соответствуют демократической модели (Думе и, особенно, негосударственным организациям);
- уровень доверия социальным институтам выше у людей с более низким человеческим капиталом³⁵.

Эти выводы имеют прямое отношение к формированию политики безопасности в стране, которая сегодня зависит исключительно от государственных институтов и органов, а, значит, также стремительно теряет доверие. При этом человеческий капитал и его составная часть – научные знания, опыт, навыки – занимают особое место среди всех национальных ресурсов, но пока еще не стали высшим приоритетом безопасности российской ЛЧЦ, нации и государства. В этом заключается главная проблема обеспечения эффективного развития нации и обеспечение её безопасности.

В XXI веке человеческий капитал окончательно превратился в главную цель и сред-

ство развития человеческого общества и, естественно, любой нации или ЛЧЦ. В конечном счете, к середине XXI века победителем станет та ЛЧЦ или нация, которая сможет обеспечить максимально высокое качество НЧК и самореализацию личности, наиболее эффективные институты развития НЧК, включая военные.

При этом роль ЛЧЦ, системы ее ценностей, наследия, интересов в XXI веке стремительно возрастает, а национально-государственная общность, выступая альтернативой глобализации, все больше расширяется до цивилизационной. Это видно не только на примере неожиданно быстрой духовно-интеллектуальной интеграции стран ЕС, но и мусульман, латиноамериканцев и других цивилизаций. НЧК становится в возрастающей мере не абстрактно-глобальным, а принадлежащим локальной цивилизации, ориентированным на ее систему ценностей.

Из сравнения ЛЧЦ по человеческому потенциалу (национальному человеческому капиталу) видно, что вперед выходят те ЛЧЦ страны, где уровень душевого ВВП на образование, культуру и здоровье выше. Но эти же показатели являются решающими и в военной области, где они определяют качество личного состава и вооружений.

Стратегический прогноз для ЛЧЦ и будущего сценария развития МО во многом предопределяется темпами развития НЧК в разных центрах силы. Особенно в таких, как китайский, индийский, бразильский и индонезийский, где его темпы могут привести к радикальным изменениям в МО и появлению принципиально новых парадигм развития.

Формирование будущих сценариев МО после 2021 года зависит от того, какая из ЛЧЦ и в каких масштабах сможет реализовать свой коалиционный потенциал³⁶. Этот результат будет зависеть не только от того, какая нация идентифицирует себя в наибольшей степени с той или иной ЛЧЦ, но и

³⁵ Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). – 2009. – №1. – С. 20. [Sasaki, M.; Davydenko, V.A.; Latov, Iu.V.; Romashkin, G.S.; Latova, N.V. Problemy i paradoksy analiza institutsional'nogo doveriia kak elementa sotsial'nogo kapitала sovremennoi Rossii (Problems and Paradoxes in the Analysis of Institutional Trust as an Element of the Social Capital of Modern Russia) // *Journal of Institutional Studies*, 2009, No. 1, p. 20.]

³⁶ Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 91-98. [Podberезkin, A.I. Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu (The Third World War against Russia: an Introduction to the Concept). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp. 91-98.]

от многих частных условий. Далекое не всегда, например, союзник является усилением коалиции. История знает немало примеров того, когда близкая по многим критериям нация или государство становилась ненужным и даже вредным членом альянса. Иными словами, коалиционный потенциал можно оценивать не только и даже не столько по цивилизационным признакам, сколько по политической выгоде. Так, Грузия, Молдавия или Украина могут стать сомнительным дополнением к коалиции западной ЛЧЦ. Также как таким сомнительным приобретением для ЕС и НАТО стала Румыния.

Коалиционный потенциал может быть увеличен и не только на цивилизационной, но и на межцивилизационной основе. Не случайно, например, интерес к ТС проявили не только бывшие советские республики, но и Вьетнам, Новая Зеландия, Израиль, Египет и Индия. Поэтому нельзя ставить знак равенства между цивилизационным и коалиционным потенциалами, хотя надо признать, их содержание в XXI веке все больше сближается. В любом случае, как показывает практика, в основе устойчивого военно-политического союза должно лежать единое цивилизационное ядро. Тем не менее, вполне возможны ситуативные коалиции государств различных ЛЧЦ, если для них существует угроза со стороны общего врага.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать, что огромный коалиционный потенциал западной ЛЧЦ должен встретить в перспективе после 2021 года вполне адекватную реакцию со стороны других ЛЧЦ. Например, ШОС и другие межцивилизационные объединения могут получить свое политическое, и даже военное наполнение по мере усиления экономического веса, входящих в них стран и нарастания военно-силового давления со стороны западной ЛЧЦ. В итоге может сложиться коалиция, в которую будут входить государства, объединенные на основе системы ценностей западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиция, объединяющая несколько ЛЧЦ, с другой. Например – российская, китайская, индийская, бразильская.

Сравнение и сопоставление различных потенциалов ЛЧЦ требует некоего общего

знаменателя, интегрирующего основные показатели с тем, чтобы была возможность, как минимум, экстраполяции соотношения потенциалов ЛЧЦ в стратегической перспективе. Это теоретически можно сделать, попытавшись предоставить различные «веса», придающие разные значения для тех или иных потенциалов. Прежде всего, с точки зрения его возможных военно-политических последствий.

Таким образом, долгосрочное прогнозирование трансформации системы международных отношений необходимо воспринимать не только как эмпирическое исследование, но и как нормативное исследование, составляющее теоретическую основу стратегического планирования внешней и международной политики. Усиление нормативной составляющей в прогнозировании трансформации системы международных отношений призвано в некоторой мере компенсировать хаотизацию, а следовательно и непрогнозируемость этой системы, которую мы наблюдаем сегодня. При этом следует учитывать, что эффективный инструмент реализации такого прогнозирования-планирования является система военных и гражданских инструментов, используемых для оказания комплексного многофакторного и многоаспектного воздействия на объект. В результате такого давления между отдельными его инструментами возникает синергетический эффект взаимного усиления, что позволяет экономить ресурсы влияния. Сегодня наиболее ярким примером такого комплексного влияния может служить политика новой публичной дипломатии. Для реализации подобных комплексных подходов к отстаиванию своих национальных интересов необходимо реформировать систему обеспечения национальной безопасности с целью включения в нее не только традиционных силовых органов, но и организации бизнеса и гражданского общества, а также для повышения координации между отдельными ее частями. Однако реализовать такую реформу невозможно без национальной идеологии, которая формирует нормативные приоритеты национального развития и национальной безопасности.

Литература:

Боришполец К.П. Методы политических исследований. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010.

Владимиров А.И. Основы общей теории войны: монография. В 2 частях. Ч.1. Основы теории войны. – М.: Синергия, 2013.

Грин Р. 33 стратегии войны / Пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 896 с.

Информационно-аналитическая система стратегического планирования угроз национальной безопасности: аналитич. доклад / П.М. Шмелёв, А.И.Подберёзкин (и др.). – М.: МГИМО-Университет, 2014.

Леонтьев С.К., Губинский А.М. Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. – М.: МГУ, 2014.

Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизаций – от приматов до роботов / Пер. с англ. Т.О.Новиковой. – М.: Кучково поле, 2016.

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т.1-3. – М.: МГИМО-Университет, 2011-2013 гг.

Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-Университет, 2016.

Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С.91-98.

Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Казанцев А.А., др. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015.

Попов И.М. Доклад «Война – это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства. 2014. Апрель. – М.: МГИМО-Университет, 2014. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/>

Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. – М.: Кучково поле, 2016. – 832 с.

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др. МГИМО-Университет, 2016.

Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашикин з.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). – 2009. – № 1.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики.

Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / Под ред. А.И. Подберёз-

кина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 743 с.

Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 288 с.

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». ФЗ № 2014 г.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд.-во АСТ, 2016. – 571 с.

Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015.

Шаклейна Т.А. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклейной. – М.: Аспект Пресс, 2014.

Strategic Trends Program / Global Strategic Trends – Out to 2045. Lnd., Ministry of Defense, 2015.

References:

Borishpolets, K.P. Metody politicheskikh issledovaniy (Methods of Political Studies). Moscow: Aspekt Press, 2010.

Federal Law “On the Strategic Planning in the Russian Federation”. Federal Law № 2014.

Grin, R. 33 strategii voyny (33 War Strategies). Moscow: RIPOL klassik, 2016. 896 p.

Huntington, S. Stolknoenie tsivilizatsii (The Clash of Civilizations). Moscow: AST, 2016. 571 p.

Informatsionno-analiticheskaya sistema strategicheskogo planirovaniia ugrozam natsional'noi bezopasnosti: analitich (The Information-Analytical System of Strategic Planning of National Security Threats). Ed. by P.M. Shmelev, A.I.Podberезkin. Moscow: MGIMO-University, 2014.

Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza (Analysis of the International Situation and Political Expertise). Moscow: Aspekt Press, 2015.

Leont'ev, S.K.; Gubinskiy, A.M. Tekhnologicheskoe prognozirovanie i planirovanie: rossiiskii i zarubezhnyi opyt, perspektivy dlia otechestvennogo oboronno-promyshlennogo kompleksa (Technology of Foresight and Planning: Russian and Foreign Experience, the Prospects for the Domestic Military-Industrial Complex). Moscow: MGU, 2014.

Morris, I. War! what is it Good For?: Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. Macmillan, 2014.

Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiia. (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation: a Monograph). Ed. by A.I. Podberезkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO-University Press, 2014.

Podberезkin A.I., Borishpolets K.P., Kazantsev A.A. Prognozirovanie mezhdunarodnoi situatsii: ugrozy bezopasnosti i voennai politika Rossii (Prediction of International Situation: Threats to the Security and Military Policy of Russia). Moscow: MGIMO-University, 2014.

Podberезkin, A.I. Natsional'nyi chelovecheskii kapital (National Human Capital). In 3 vol. Vol. 1-3. Moscow: MGIMO-University Press, 2011-2013.

Podberезkin, A.I. Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossii v XXI veke (Russian National Security Strategy in the XXI century). Moscow: MGIMO-University, 2016.

Podberezkin, A.I. Tret'ia mirovaia voina protiv Rossii: vvedenie v kontseptsiiu (The Third World War against Russia: an Introduction to the Concept). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp.91-98.

Podberezkin, A.I., Kharkevich, M.V. Mir i voina v XXI veke: opyt dolgosrochnogo prognozirovaniia razvitiia mezhdunarodnykh otoshenii (War and Peace in the XXI Century: the Experience of Long-Term Forecasting of International Relations). Moscow: MGIMO-University, 2015.

Popov, I.M. Doklad «Voina – eto mir: nevoennye aspekty obespecheniia bezopasnosti gosudarstva (War is Peace: the Non-Military Aspects of Security). April, MGIMO-University, 2014. Mode of access: <http://eurasian-defence.ru>

Popov, I.M.; Khamzatov, M.M. Voina budushchego: kontseptual'nye osnovy i prakticheskie vyvody (The War of the Future: a Conceptual Framework and Practical Conclusions). Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 832 p.

Presidential Decree “On the Russian Federation National Security Strategy” № 683 of December 31, 2015.

Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami (The Project of a Long-Term Russian National Security Strategy and Methodological Comments). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2016.

Sasaki, M.; Davydenko, V.A.; Latov, Iu.V.; Romashkin, G.S.; Latova, N.V. Problemy i paradoksy analiza institutsional'nogo doveriia kak elementa sotsial'nogo kapitala sovremennoi Rossii

(Problems and Paradoxes in the Analysis of Institutional Trust as an Element of the Social Capital of Modern Russia) // *Journal of Institutional Studies*, 2009, No. 1.

Shakleina, T.A. Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii (Introduction to Applied Analysis of International Situations). Moscow: Aspekt Press, 2014.

Strategic Trends Program / Global Strategic Trends – Out to 2045. Lnd., Ministry of Defense, 2015.

Strategicheskoe prognozirovanie i planirovanie vneshnei i oboronnoi politiki: monografiia (Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Vol. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniia vneshnei i oboronnoi politiki (Theoretical Foundations of Analysis Systems, Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy). Ed. by A.I. Podberezkin. Moscow: MGIMO-University, 2015.

Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otoshenii (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. 743 p.

Toynbee, A.; Huntington, S. Vyzovy i otvety. Kak gibnut tsivilizatsii (Challenges and Responses. As Civilizations Die). Moscow: OOO «TD Algoritm», 2016. 288 p.

Vladimirov, A.I. Osnovy obshchei teorii voiny: monografiia. V 2 chastiakh. Ch.1. Osnovy teorii voiny (The General Theory of War: a Monograph. In 2 Parts. Part1. The Fundamental Theory of War). Moscow: Sinergiia, 2013.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37>

LONG-TERM FORECASTING OF INTERNATIONAL RELATIONS AS STRATEGIC PLANNING OF NATIONAL SECURITY POLICY

Alexei I. Podberezkin

MGIMO University, Moscow, Russia

Maxim V. Kharkevich

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> <p style="text-align: right;">4 December 2016</p> <i>Accepted:</i> <p style="text-align: right;">1 June 2017</p></p>	<p>Abstract: The contemporary transformation and chaos in international relations reduce its predictability, which must be compensated by strengthening the normative content of its analysis that is in fact strategic planning. The deepening of international relations in recent years allows one to make a pessimistic conclusion about the most likely and dangerous scenario for the development of international relations - «the strengthening of military power struggles among the major local human civilizations» and they represent a military-political coalitions and power centers. It should be noted that an effective tool for the implementation of this confrontation is the system of military and civilian instruments used to provide comprehensive multi-factor and multi-dimensional effect on an object. Today, the most striking example of such an integrated influence policy is the new public diplomacy. For implementation of such an integrated approach Russia needs to reform the system of national security to include in it not only the traditional enforcement agencies, but also the organizations of business and civil society, as well as to improve coordination between its individual parts. However, the implementation of such a reform is impossible without national ideology that forms the regulatory priorities of national development and national security.</p>
<p>About the authors: <i>Alexei I. Podberezkin,</i> Dr. of History, Professor, Russian and World History Department, MGIMO University e-mail: podberezkin@gmail.com <i>Maxim V. Kharkevich,</i> Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University e-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru</p>	<p><i>Acknowledgements: The article is prepared with support of Russian Science Foundation: Project No. 14-18-02973</i></p>
<p>Key words: military conflicts, local human civilization, human capital, National Security Strategy, strategic outlook, strategic planning</p>	

Для цитирования: Подберезкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности // *Сравнительная политика.* – 2017. – № 3. – С. 20-37.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37

For citation: Podberezkin, Alexei I.; Kharkevich, Maxim V. Dolgosrochnoe prognozirovanie Mezhdunarodnykh Otnoshenii kak Strategicheskoe planirovanie politiki Natsionalnoi bezopasnosti (Long-Term Forecasting of International Relations as Strategic Planning of National Security Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 20-37.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37

THE REVOLUTION IN RUSSIA'S MIDEAST STRATEGY

Andrew Korybko

*News Agency "Sputnik", People's Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

Hamsa Haddad

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 13 February 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 11 July 2017</p>	<p>Abstract: The article analyzes the guiding imperatives behind Russia's grand strategy in the Mideast, including both its domestic decision-making institutional idiosyncrasies and the wider geopolitical considerations at play. It discusses the evolution of Russian strategy after the so-called "Arab Spring" events and into the present day, taking care to individually analyze Moscow's most important bilateral relationships. The review begins by addressing Russia's anti-terrorist intervention in Syria, before progressing to some words about the two competing foreign policy factions present in the Ministry of Foreign Affairs. After outlining the key differences between the Liberal and Military-Security camps, the work then broadly explains how their rivalry figures into the formulation of Russia's overall grand strategy in the Mideast. Following that, it logically proceeds to examine the other bilateral relationships that are of significance to Moscow, beginning with Turkey, Iraq, and Israel, and ending with Saudi Arabia and Iran. The goal of the research is to establish a very general understanding of how Russia's foreign policy is presently practiced in the Mideast, how and why it got to where it is today, and forecast on the prospects for its further development. In doing this, the article relies on empirical observations and references several under-discussed news items that have evaded wider scrutiny. It also makes use of a few academic sources in proving that the geopolitical environment in which Russia conducts its present foreign policy was largely shaped by the US' legacy of Hybrid Wars on the region, which in hindsight created fertile ground for the revolution in Russia's Mideast strategy. In summary, Russia seeks to replace the US as the Mideast countries' most preferred and trusted partner, capitalizing off of Washington's decline in regional influence brought about by the disastrous rise of Daesh and the controversial perceptions over the Iranian nuclear deal in order to fill the strategic void that's been created in America's wake, and as of the end of 2016, Moscow has been wildly successful.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Andrew Korybko,</i> Political Analyst, News Agency "Sputnik", Member of Expert Council, Institute of Strategic Forecasts and Predictions, People's Friendship University of Russia</p> <p>e-mail: korybko.e@my.mgimo.ru</p> <p><i>Hamsa Haddad,</i> MA in Governance and Global Affairs (MGIMO University), Independent Researcher</p> <p>e-mail: haddad.h@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: Russia, Mideast, grand strategy, war on terror, Syria, Turkey, Iraq, Israel, Saudi Arabia, Iran</p>	

Russia's policy towards the Mideast has undergone a total revolution over the past year ever since the commencement of the anti-terrorist intervention in Syria. Prior to that, Moscow relied on its decades-long strategic partnership with Damascus to maintain a presence in the Mideast after the Soviet dissolution, and this policy progressively broadened into strategic cooperation with both Iraq and Iran. Russia's pre-"Arab Spring" Mideast policy hit a high point when all three countries became ostracized by the West to various degrees and thus turned to Russia as their preferred no-strings-attached 'balancer'.

About the "Arab Spring", this was a theater-wide Color Revolution that evolved into a series of Hybrid Wars across several states.¹ Russia's importance in Mideast affairs increased commensurate to the carnage that broke out all across the territory of its Syrian ally, most notably intensifying from 2012 onwards. Russia at that point depended on

¹ Cordesman, Anthony H. Russia and the "Color Revolution": A Russian Military View of a World Destabilized by the US and the West / Centre for Strategic and International Studies, 2014. Mode of access: http://csis.org/files/publication/140529_Russia_Color_Revolution_Full.pdf

its interlocked strategic relationships with Syria and Iran to act as regional springboards for the promotion of Moscow's influence all throughout the Mideast, though it took the anti-terrorist operation in Syria to truly push Russia's presence to a qualitatively new level.

Ever since then, Russia has sought to focus on Syria as the magnetic center of geostrategic gravity in attracting varying degrees of partnership with the rest of the regional states, interestingly using Syria as a platform for strategic collaboration with the Great Powers of Iran, Turkey, and Saudi Arabia, and the medium power entity of Israel.

Syria

Before examining the nature of Russia's relations with each of these actors, it's necessary to elaborate a bit further at length on its anti-terrorist involvement in Syria, as the analytical revelations that this yields are immeasurably valuable in understanding the rest of Russia's Mideast policy and its most likely developments.

Russia's military behavior in the Syrian conflict has been distinctly characterized by a hypersensitivity at being sucked into an inescapable quagmire. Although Moscow handily maintains the military-strategic initiative to resolutely change the situation on the ground, it regularly holds back and fumbles its position due to what can only be ascribed to "Afghan-phobia", or the exaggerated fear of being drawn into a 21st-century repeat of the Afghan scenario.

Russia's reluctance to thoroughly commit the proper air and limited ground forces necessary to protect and expand the war-dreary Syrian Arab Army's tactical gains has resulted in diplomatic embarrassments such as the first failed ceasefire from the springtime and the shady one which was conducted in secrecy in September. Russia has repeatedly reiterated that it has no desire to advance a military solution to the conflict, which is how its diplomats formally excuse the military's failure to decisively shift the political balance through armed means (e.g. holding back in the bombing campaign for Aleppo, et al.).

Elite Divisions

The schizophrenic policy of 'pulling the gun out of the holster and not firing', or to be more direct, intervening but not 'finishing the job' can only be attributed to the ongoing division among Russia's decision makers. Russian foreign policy matters are shadowy and it's near impossible for anyone without any inside knowledge or sources to truly understand who and what forces shape Moscow's decisions, yet it's still possible to proffer educated inferences gleaned from empirical evidence in suggesting relevant explanations. With that qualifying caveat in mind, it appears as though the Russian elite – particularly those responsible for foreign policy matters – is divided into Liberal and Military-Security camps.

The first of the two is overly worried about how Russia's reputation will be affected in the eyes of its 'Western partners' whenever it's criticized for its behavior or victimized by outright propaganda (such as false claims that it "kills civilians").² The Liberal group of foreign policy-influencing elites wants acceptance from the West and to enter into its good graces in order to self-interestedly feast from the carrot of 'sanctions relief', which would allow these individuals to restore their foreign currency revenue streams. Understanding just how much of a game-changer Russia's mission in Syria has been, they were privately hesitant to support it from the very beginning because they knew that it would result in a barrage of criticism that would make their dreams of sanctions relief and renewed partnership with the West ever less likely.

On the other hand, there are the Military-Security elite which – while also cautious about Russia's intervention, albeit for responsible and not self-interested reasons – appreciate the full geostrategic impact of Moscow's moves in Syria. This group of individuals is bolder than their Liberal peers and convinced President Putin of the need to initiate the anti-terrorist operation in the first place. It can be surmised that some of them understand the need for a

² Russia/Syria: War Crimes in Month of Bombing Aleppo / Human Rights Watch, 2016. Mode of access: <https://www.hrw.org/news/2016/12/01/russia/syria-war-crimes-month-bombing-aleppo>

more committed force and operational mandate in Syria, while their other in-clique compatriots have fallen for the Liberals' fearmongering that Russia could somehow get caught in a geostrategic trap if it upped the intensity of its airstrikes and deployed limited ground forces.

Because of the split within the Military-Strategic elite, the Liberal approach in advocating for a (premature) military drawdown and an acceleration of the political solution at all costs (including reputational damage brought about by the 'ceasefires') prevailed and appears to be guiding Russian foreign policy in this specific regard. To reemphasize, it's unclear what conversations are going on in the Kremlin and between which personalities and institutional forces, but it's a safe bet that this dynamic – for better or for worse – will continue to define Russia's foreign policy in Syria and the rest of the Mideast. This will continue until – if it ever happens – President Putin administratively 'purges'/neutralizes one or the other, though for the time being, it looks like the Russian leader values the see-saw approach towards Syria and is happy with receiving and responding to divergent views from the Liberal and Military-Security foreign policy camps.

Grand Strategy

Moving beyond Moscow's strategy in Syria and addressing its revitalized and dynamic interactions with the rest of the Mideast, Russia acts with confidence and quickness whenever a situation doesn't require military means to solve like in Syria. This was proudly on display when Russia immediately reached out to coup-besieged Erdogan and assisted in his vengeful anti-American 'multi-alignment balancing' towards Russia, Iran, and other multipolar countries.³ This episode proved that a masterful interplay between the security/intelligence services and the Ministry of Foreign Affairs is indeed possible and can be skillfully pulled off, which sets the precedent for a more robust and instantly adaptable Russian policy towards the rest of the region. If this trend stays the course,

³ Yildirim, Binali. Turkish PM Yildirim's exclusive op-ed for TASS on relations with Russia / TASS, 2016. Mode of access: <http://tass.com/world/917205>

then Russia's grand strategy in the Mideast would be closer to being actualized.

In essence, Russia wants to replace the US as the Mideast countries' most valuable strategic partner, capitalizing off of the US' spree of clumsy reputational mishaps ever since it initiated its interlinked Hybrid War-'Lead From Behind'⁴ rethink towards regional affairs. The US made a lot of enemies and produced a lot of bad blood during these processes, and no matter the comparative gains that some actors perceive to have made as a result, the inarguable outcome is that the US is no longer as trusted as it used to be by the regional governments and their populations. This in turn creates space for Russia to balance between each pair or group of rivals in a similar manner to how it already does with Armenia and Azerbaijan, India and China, China and Vietnam, and soon with India and Pakistan, too. The strategic challenge that Russia would have in maneuvering through the Mideast if the 'moderate'-led and Western-friendly political establishment remains in power in Iran could be mitigated through a similar balancing approach vis-à-vis the Islamic Republic and Saudi Arabia, which will be addressed at the end of the article.

Turkey

Evaluating all of the Mideast's major players one by one, it's appropriate to begin with Turkey, which has only recently undergone an impressive geopolitical reorientation towards the multipolar world. Long a bastion of the unipolar West due to its inclusion in NATO, Turkey under President Erdogan was inspired to 'diversify' its foreign policy partners after being doubly 'betrayed' – as Ankara sees it – by Washington.

Turkey is accustomed to being the US' junior partner and had no qualms about maximizing this in the direction of its subjectively defined supreme benefit by playing the role of Washington's 'Lead From

⁴ Korybko, Andrew. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach To Regime Change. The People's Friendship University of Russia, 2015. Mode of access: <http://orientalreview.org/wp-content/uploads/2015/08/AK-Hybrid-Wars-updated.pdf>

Behind' partner in the region, especially in the aftermath of the 'Arab Spring' Color Revolutions. However, the US' military and technical support to Kurdish fighters in northern Syria instantly provoked a security dilemma whereby Ankara began to see Washington as an unstated backer of de-facto Kurdish separatism (whether as an independent state or a quasi-independent 'federal' statelet), a scenario which existentially threatens the Turkish state. Motivated by this determinant as well as several others, Turkey rapidly began its rapprochement with Russia over the summer, which the US attempted to cut short by activating its covert Gulenist network in attempting a failed coup against Erdogan.⁵

The Turkish President doesn't forgive the US for this blatant backstabbing, nor for its backing of Kurdish separatism, and the diplomatic aftermath of American government-linked NGOs accusing Ankara of 'human rights' and 'democracy' violations⁶ in the wake of Erdogan's 'purges'/'cleansing' sealed Turkey's multipolar reorientation towards Russia and Iran, though not without obvious situational limits.

Iraq

The Iraqis distrust the US for a similar reason as the Turks do, and it has a lot to do with the US' close relations with the Kurds. The US envisions that this demographic could one day become a 'second geopolitical Israel' in that they'd be a pro-Western 'Spartan' 'state' smack dab in the center of the Mideast and carved out of others' land with foreign (Western) support. Along with this, the US also shimmies between the Sunnis and Shias, with all Iraqis being cognizant by this point of the divisive sectarian power game that the US is playing. Nevertheless, Baghdad still cooperates with the US because Washington formally has the most potential to resolutely fight against the terrorists that it helped spawn, though only when the US thinks that the time is ripe.

⁵ Turkey Coup 2016 / *Tsargrad TV*, 2016. Mode of access: <http://katehon.com/video/turkey-coup-july-2016>

⁶ Turkey / Human Rights Watch, 2016. Mode of access: <https://www.hrw.org/europe/central-asia/turkey>

Iran, while significantly contributing ground troops and coordinating powerful militias, lacks the capability to commit sustained air support to the anti-terrorist cause, and Russia – due to the elite split – doesn't want to do this either and is content with only sharing intelligence information with Iraq. In such a situation, the US is perceived as an invaluable 'ally', no matter if it can't be trusted now or in the long run. Russia, however, enjoys the trust of all three main actors in Iraq, as the Kurds, Sunnis, and Shias know that it has no ulterior motives, and Baghdad values Moscow's support of its territorial integrity. Therefore, the possibility presents itself for Russia to fundamentally change the geopolitical game in Iraq if it were to gather the political will to launch air strikes in the country after receiving the formal invitation to do so, though the paralyzing elite split between the Liberal and the Military-Security camps will probably preclude Moscow from carrying out this bold military move.

Israel

Israel is furious at the US for its unmistakable embrace of Iran over the past year, and this is chiefly due to Tel Aviv and Tehran being hated enemies and having absolutely zero trust. Israel knows that an observable improvement in ties with Russia would get under the US' skin and improve its negotiating position, which explains the very public diplomacy that's been going on between President Putin and Netanyahu and the rumored talk that Russia could possibly revive the failed Israel-Palestinian peace process.⁷ It's also relevant that the Russian and Israel militaries created a mechanism for avoiding in-flight incidents over Syrian airspace, which must have irked the US to no end.

Other than Russia, though, Israel is also 'rebalancing' its relations with the US by moving closer to Saudi Arabia, which ironically plays to both Washington and Moscow's benefit. The

⁷ Baker, Peter; Kershner, Isabel. Russia, Already Reinserting Itself in Middle East, Enters Israeli-Palestinian Fray // *The New York Times*, 2016. Mode of access: <http://www.nytimes.com/2016/09/10/world/middleeast/russia-israel-palestinian-peace-talks.html>

reactionary establishment of an Israeli-Saudi strategic axis under US 'supervision' (owing to the Pentagon's excellent relations with each of its counterparts) is a powerful 'Lead From Behind' balancing actor against US-supported post-sanctions Iran, which in both cases allows the US to simultaneously manage and divide two competing entities along the same lines as its British predecessor did during the zenith of its imperial era. Be that as it may, the Russian factor could severely complicate the US' plans, since Moscow could compete to replace Washington in this complex 'balancing' arrangement.

Saudi Arabia

The mentioning of Saudi Arabia brings the research along to addressing Russia's intentions towards the Kingdom. There was talk of possible weapons sales to the Saudis during the summer of 2015 at the Saint Petersburg International Economic Forum,⁸ though it eventually didn't pan out, especially after Russia's anti-terrorist intervention in Syria threatened to upset Saudi Arabia's regional plans. Nevertheless, the talk of an arms deal is apparently too important to both sides to go away for long, which is why it once again reappeared this May, albeit for a brief time and only known about due to Vladimir Kozhin's comments on the matter.⁹ If anything ever comes out of this, it would likely be the export of Russian defensive systems and counter-terrorism equipment in order to avoid giving a negative impression to Iran, which would understandably see the sale of offensive weaponry as a potentially hostile act.

In this sense, Russia's possible rapprochement with Saudi Arabia would likely follow the model that's being applied towards Pakistan at the moment, in which 'military diplomacy' takes the lead, though manifested by non-intimidating weaponry, with India and Iran's concerns mirroring each other in this example. Therefore, Russia would have to tread delicately,

but if it can successfully manage this high-risk diplomatic outreach, then the upshot would be tremendous and could help retain the all-around strategic balance amidst the ever-changing conditions of the 'New Middle East' that took root after Russia's military operation in Syria and the US' reliance on the Hybrid War-'Lead From Behind' policies.

As optimistic as some Russian strategists might be about this gambit, obvious problems remain in the Russian-Saudi relationship, chief among them both sides' divergence over Syria and Iran. However, Moscow and Riyadh are also pragmatically shrewd in the sense that there are self-interested reasons for each of them to put aside their differences and work with the other. Saudi Arabia, like Israel, is very upset at the US' pro-Iranian tilt as of late, and Russia is keen to attract more non-Western investments into its economy, especially those from the wealthy and cash-flush Kingdom. Moreover, these two countries importantly put aside their lose-lose energy competition with the other (provoked by the US and to Washington's ultimate shale gas benefit) in favor of taking piecemeal steps in the direction of sustainably practical cooperation in this sphere, as evidenced from the late-2016 OPEC deal. The paramount importance that this would have to both states if it ever occurred might incentivize them into cutting secret deals with the other, perhaps seeing Saudi Arabia withdraw its support to Syrian-based terrorist groups in exchange for Russia offering the Kingdom an irresistible arms package in 'balancing' against Iran.

Iran

Finally, the last major Mideast actor to be covered in this research is Iran, which figures prominently in Russia's regional policy and could be described as the trickiest of all of Moscow's partners. On the surface of things, bilateral relations are at their best point in history, which is technically true when one looks at the full-spectrum ties between both sides and the deep level of trust that their individual leaders and institutions proclaim for the one another. If one peels away the public layer and examines the deeper dynamics of this relationship, however, they'll see that bilateral

⁸ Saudi Arabia Mulls Russian Arms Deal / Sputnik News, 2015. Mode of access: <https://sputniknews.com/middleeast/201506201023619862/>

⁹ Russia in Talks With Saudi Arabia on Weapon Deliveries / *Sputnik News*, 2016. Mode of access: <https://sputniknews.com/military/201605191039874611-russia-saudi-arabia-weapons/>

ties are actually on somewhat flimsy footing, despite examples of substantial cooperation such as the nuclear energy partnership and joint anti-terrorist coordination in Syria (especially through the trans-Iranian overflight of Russian bombers and cruise missiles). After months of speculation that there might be some serious problems, or at the very least, misunderstandings, bubbling beneath the surface of the Russian-Iranian relationship, matters came to an ignominious head in late-August after Moscow briefly deployed anti-terrorist bombers to the Hamadan air base in western Iran.

This move was obviously sanctioned by the Ayatollah and his 'conservative' military-security institutional base of support, yet strictly opposed by the 'moderates' who have circled around Rouhani and his political allies. This latter category of elite were furious at what happened and openly made a scandal out of it because they were afraid that the US would reimpose sanctions against their country or delay the lifting of the existing ones. By coordinating with some of their 'conservative' sympathizers, they made such a fuss that Russia left after only a day or so of publicly being there, topped off by a humiliating quip by Defense Minister Deghan that Russians only wanted to "show they are a superpower" and therefore behaved with "a kind of show-off and ungentlemanly [attitude] in this field."¹⁰ Deghan, a powerful representative of the 'conservatives', was called upon to issue such a strongly worded statement in order to present the illusion of elite unity over this decision, though it can be argued that it was the 'moderates' who were behind all of this and that the Ayatollah called upon Deghan to act as 'damage control' before the scandal immediately got too out of hand and was weaponized by the pro-Western global media in order to provoke even deeper divisions in Iran.

The 'moderate'-'conservative' split in Iran's elite interestingly mirrors Russia's own, and Tehran's waffling when it comes to Hamadan is eerily similar to Moscow's own indecisiveness when it comes to the 'ceasefire' and its overall

military commitment to the anti-terrorist mission in Syria. Projecting ahead, it's uncertain what direction Russian-Iranian relations might take in the future, since while there are indeed many benefits that have been harvested from the 'conservatives' military-strategic relations with Russia and the 'moderates' complementary economic and energy partnerships, the observable lack of trust that uncomfortably spilled over during the Hamadan episode proves that serious challenges are taking shape which threaten to offset their future cooperation. The seeds of this unstated discord are likely due to the S-300 controversy (although resolved, the negative sentiments about it are still lingering in Iran), Russia's previous support of UNSC sanctions against Iran's nuclear program, Russia's lack of sustained military resolve in Syria, and perhaps most importantly, the rise of the 'moderates' in Iran and the related US-Iranian rapprochement which has the potential for further upending the geostrategic situation in the already unpredictable Middle East.

References:

Baker, Peter; Kershner, Isabel. Russia, Already Reinserting Itself in Middle East, Enters Israeli-Palestinian Fray // *The New York Times*, 2016. Mode of access: <http://www.nytimes.com/2016/09/10/world/middleeast/russia-israel-palestinian-peace-talks.html>

Cordesman, Anthony H. Russia and the "Color Revolution": A Russian Military View of a World Destabilized by the US and the West / Centre for Strategic and International Studies, 2014. Mode of access: http://csis.org/files/publication/140529_Russia_Color_Revolution_Full.pdf

Korybko, Andrew. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach To Regime Change. The People's Friendship University of Russia, 2015. Mode of access: <http://orientalreview.org/wp-content/uploads/2015/08/AK-Hybrid-Wars-updated.pdf>

Russia in Talks With Saudi Arabia on Weapon Deliveries / *Sputnik News*, 2016. Mode of access: <https://sputniknews.com/military/201605191039874611-russia-saudi-arabia-weapons/>

Russia 'Showed-Off' over Use of Iran Airbase for Syria Strikes / *BBC*, 2016. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-37154043>

Russia/Syria: War Crimes in Month of Bombing Aleppo / Human Rights Watch, 2016. Mode of access: <https://www.hrw.org/news/2016/12/01/russia/syria-war-crimes-month-bombing-aleppo>

Saudi Arabia Mulls Russian Arms Deal / *Sputnik News*, 2015. Mode of access: <https://sputniknews.com/middleeast/201506201023619862/>

Turkey / Human Rights Watch, 2016. Mode of access: <https://www.hrw.org/europe/central-asia/turkey>

Turkey Coup 2016 / Tsargrad TV, 2016. Mode of

¹⁰ Russia 'Showed-Off' over Use of Iran Airbase for Syria Strikes / *BBC*, 2016. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-37154043>

access: <http://katehon.com/video/turkey-coup-july-2016>
Yildirim, Binali. Turkish PM Yildirim's exclusive op-

ed for TASS on relations with Russia / TASS, 2016. Mode
of access: <http://tass.com/world/917205>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-38-44>

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРЕМНЫ В РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Эндрю Корыбко

Информационное агентство «Спутник», РУДН, Москва, Россия

Хамза Хаддад

МГИМО МИД России, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 13 февраля 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 июля 2017</p>	<p>Аннотация: В статье анализируются важнейшие установки, определяющие стратегию России на Ближнем Востоке, включая особенности принятия решений внутри страны на институциональном уровне и более широкие геополитические аспекты. Рассматривается развитие российской стратегии после событий так называемой «Арабской весны» до настоящего времени и отдельно разбираются важнейшие двусторонние связи Москвы. Обзор начинается с анализа проводимой Россией антитеррористической операции в Сирии, затем кратко упоминаются две соперничающие фракции дипломатов в российском Министерстве иностранных дел. Отмечая основные различия между лагерями либералов и силовиков, статья в общих чертах объясняет, как их соперничество вписывается в формирование общей большой стратегии внешнеполитической деятельности России на Ближнем Востоке. Далее последовательно рассматриваются важные для Москвы двусторонние отношения, начиная с Турции, Ирака и Израиля, и заканчивая отношениями с Саудовской Аравией и Ираном. Исследование ставит целью получить общее представление о том, как Россия проводит внешнюю политику на Ближнем Востоке, как и почему эта политика оказалась в своем нынешнем состоянии, и спрогнозировать перспективы ее дальнейшего развития. Статья опирается на эмпирические наблюдения и ссылки на сообщения СМИ, которые не получили достаточного обсуждения и широко не рассматривались. В ней также используются несколько научных источников, доказывающих, что геополитическая обстановка, в которой Россия проводит свою внешнюю политику, по большей части была сформирована наследием США, проводившими гибридные войны в регионе. В ретроспективе становится понятно, что тем самым была создана благодатная почва для революционных перемен в ближневосточной стратегии Москвы. Подводя итог вышесказанному, Россия стремится заменить США в качестве приоритетного и надежного партнера стран Ближнего Востока и заполнить образовавшийся стратегический вакуум, воспользовавшись ослаблением американского влияния в регионе, которые было вызвано подъемом Исламского государства с катастрофическими последствиями, а также спорами вокруг ядерной сделки с Ираном. К концу 2016 г. у России на этом направлении был бешеный успех.</p>
<p>Об авторах: <i>Э. Корыбко</i>, политический обозреватель, информационное агентство «Спутник»; член экспертного совета, Институт стратегических исследований и прогнозов, РУДН e-mail: korybko.e@my.mgimo.ru <i>Х. Хаддад</i>, магистр, МГИМО МИД России, независимый исследователь e-mail: haddad.h@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, большая стратегия, борьба с терроризмом, Сирия, Турция, Ирак, Израиль, Саудовская Аравия, Иран</p>	

Для цитирования: Korybko, Andrew; Haddad, Hamsa. The Revolution in Russia's Mideast Strategy // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 38-44.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-38-44

For citation: Korybko, Andrew; Haddad, Hamsa. The Revolution in Russia's Mideast Strategy // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 38-44.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-38-44

ВОЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ В СИРИИ

Татьяна Владимировна Вербицкая

Уральский государственный юридический университет,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 октября 2016 <i>Принята к печати:</i> 20 мая 2017</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемных вопросов, связанных с изменением современных международных отношений. Установлено, что подобные изменения затронули содержание международных отношений: акторов (появление неправительственных акторов, значение которых все более возрастает), методы (расширены сферы применения военной дипломатии), объекты (изменившийся характер вооруженных конфликтов, как международных, так и немеждународных; переход от преступления международного характера к международным преступлениям осуществляется, не исходя из субъектов, их совершающих, но степени их опасности с точки зрения обеспечения безопасности мира). Определены временные рамки указанных изменений. Исследуются причины изменения характера и содержания международных отношений, как в целом, так и выделенных в них элементов. В отношении военной дипломатии приводятся понятие, содержащее ее существенные признаки, критерии определения эффективности применения данного метода международных отношений. Данные критерии эффективности военной дипломатии применены к действиям России в Сирии в рамках борьбы с международным терроризмом. Анализируются документы, которые составляют основу сотрудничества Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики. Исследование указанных тенденций изменения международных отношений осуществляется на основе изучения принимаемых Российской Федерацией мер по борьбе с международным терроризмом в Сирийской Арабской Республике. Определено, что действия Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике представляют собой модель, на основании которой можно изучить роль и значение неправительственных акторов в мировой политике, особенности применения методов международных отношений к изменившимся реалиям, условия перехода от преступлений международного характера к международным преступлениям.</p>
<p>Об авторе: ассистент, Кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет e-mail: aquitania-17@yandex.com</p>	
<p>Ключевые слова: военная дипломатия, международный терроризм, вооруженный конфликт</p>	

Необходимо отметить, что до настоящего момента применение военной дипломатии для предотвращения, устранения угрозы агрессии было возможно только в рамках взаимоотношений государств. Однако угроза международного терроризма достигла таких масштабов, что стало необходимым совершенствовать средства и методы борьбы против данного негативного явления. Подобные средства, основанные на военной дипломатии, были сформулированы в

рамках применения Российской Федерации авиационных групп в Сирии для борьбы с международным терроризмом, обусловив тем самым необходимость теоретического переосмысления постулатов военной дипломатии на новом уровне – в отношении неправительственных акторов международных отношений, играющих не менее значимую роль, чем государственные акторы.

Прежде всего, обратимся к анализу понятия и содержания военной дипломатии.

С момента окончания холодной войны военная дипломатия стала одной из ключевых тактик антикризисного управления. Использование угрозы применения силы, чтобы побудить противника осуществить определенные действия или отказаться от их совершения, является привлекательной альтернативой для традиционных военных стратегий с учетом международной обстановки, сложившейся после окончания холодной войны¹. Характер современной гибридной войны, нестабильности и конфликтов существенным образом изменились так, что вышли за рамки парадигмы безопасности XX века². Вооруженные конфликты в соответствии с законами и обычаями войны стали аномалией – самыми активными участниками конфликтов становятся неправительственные акторы, не стремящиеся руководствоваться законами и обычаями войны, и которых невозможно обязать соблюдать указанные нормы в силу того, что они не могут быть признаны комбатантами на основании положений Женевского права. Поэтому вооруженные конфликты были замешены спорадической или асимметричной войной, что привело к увеличению количества слабых и несостоятельных государств. Практика современных международных конфликтов показала, что традиционные военные стратегии, такие как уничтожение и взятие измором, больше не являются эффективными в борьбе с уникальными новыми угрозами безопасности мира и человечества, подобными международному терроризму, в том числе, поскольку на протекание данных конфликтов оказывают влияния государства. Нередко борьба с международным терроризмом превращается в арену демонстрации государствами своего военного потенциала. Подобные действия стран не приводят к смягчению остроты указанной угрозы и определяют необходимость вмешательства других государств, стремящихся защитить свой внешней суверенитет от угрозы международного терроризма. Со-

ответственно, применение военной дипломатии является благотворным методом по снижению остроты международных кризисных ситуаций, поскольку предоставляет странам возможности для достижения разумных целей (защиты государственной территории от внешних угроз), одновременно избегая нежелательной военной эскалации. В международных отношениях эскалация вооруженных конфликтов в рамках борьбы с международным терроризмом не позволила устранить указанную угрозу и усугубила кризисные ситуации в мире³.

Военная дипломатия понимается как угроза применения или применение силы, чтобы побудить противника предпринять действия, которые он не желает совершать, и может включать в себя широкий спектр инструментов, начиная от дипломатических санкций и заканчивая военными операциями (например, авиаудары или стратегические бомбардировки)⁴. Военная дипломатия имеет длительную историю существования, как мастерство в ведении переговоров и войны, и использовалась в течение многих столетий. Применение силы или угрозы силой как метод международных отношений, стали необходимым инструментом дипломатии и традиционного искусства управления государством. Длительность существования и устойчивости данного метода предопределяет возможность его использования и в нетрадиционных международных отношениях с участием неправительственных акторов. Данные международные отношения, в отношении которых применение военных мер не привело к разрешению кризисной ситуации, не могут быть квалифицированы и разрешены как международный конфликт по Женевскому праву, что обуславливает необходимость поиска методов международных отношений из показавшего свою устойчивость инструментария, такого, как метод военной дипломатии⁵.

³ Ibid.

⁴ Byman, Daniel; Waxman Matthew C. *The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might*. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 35.

⁵ Lauren, Paul Gordon. *Ultimata and Coercive Diplomacy // International Studies Quarterly*, 1972. PP. 131-165.

¹ Collins, Alan. *Coercive Diplomacy. Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 78.

² Bidt, Carl. *Force and Diplomacy // Survival: Global Politics and Strategy*, 2000. PP. 141-148.

В 2006 году Б. Джентлсон и К. Вайток в книге «Кто «победил» Ливию: дискуссии о дипломатии силы и ее применение в теории и политике»⁶ провели исследование взаимосвязи между военной силой и дипломатией с учетом современных международных реалий. Сосредоточив внимание на изменения в политической ситуации в Ливии, в частности, в отношении международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения, Б. Джентлсон и К. Вайток исследовали роль военной дипломатии США в достижении данных важных изменений. Анализируя три фазы применения США метода военной дипломатии, они выделяют две основные совокупности факторов, способствующих эффективности военной дипломатии: (1) государственную военную стратегию, в рамках которой достигнут баланс между заслуживающим доверия принуждением и квалифицированной дипломатией посредством трех критериев – соразмерности, паритета и взаимного доверия, и (2) нахождение государства, для защиты которого применяется военная дипломатия, в уязвимом состоянии вследствие его внутренних политических и экономических условий, в том числе государственных переворотов или разрушительной роли элит и других ключевых политических деятелей государства. Ученые утверждают, что на успешность применения военной дипломатии влияют как стратегия государства, применяющего военную дипломатию, так и внутренняя политика государства, для защиты которого применяется военная дипломатия, а также состояние экономики обоих государств. Большинство ученых при исследовании успехов или неудач военной дипломатии опираются на модели затрат и выгод, возникших вследствие применения указанного метода международных отношений. Данные модели позволяют прогнозировать результаты применения военной дипломатии путем сравнения ожидаемых затрат и выгод от того или иного действия. В широком смысле, применение военной дипломатии будет успешным, когда ожидаемые выгоды от применения военной дипломатии превышают предполагаемые издержки, связанные с

⁶ Jentleson, Bruce W.; Whytock, Christopher A.. Who “Won” Libya? The Force-Diplomacy Debate and Its Implications for Theory and Policy // *International Security*, 2006. Pp. 47-86.

использованием данного метода. Б. Джентлсон и К. Вайток утверждают, что для достижения указанного баланса, необходимо, чтобы стратегия действий государства, применяющего военную дипломатию, соответствовала требованиям пропорциональности, соразмерности и взаимного доверия государства, использующего военную дипломатию и государства, в защиту которого используется данный метод международных отношений. Пропорциональность предполагает, что стратегия применения военной дипломатии будет успешной, если объем и характер применяемых инструментов будет соответствовать характеру и степени опасности угрозы. Государство, использующее военную дипломатию, может выбирать между тремя различными оборонительными целями: (1) прекратить действие противника, (2) заставить противника воздержаться от совершения действия, и (3) прекратить враждебное поведение противника посредством требования изменений в составе правительства или политического режима государства, в отношении которого применяется указанный метод военной дипломатии. Логика применения военной дипломатии состоит в том, что сила несклонности противника к совершению желаемых действий или отказу от их совершения обратно пропорциональна интенсивности военной дипломатии. Таким образом, чем более активно применяется военная дипломатия, тем выше затраты противника на сохранение прежней стратегии поведения. Поэтому, в зависимости от поставленных целей, государство, использующее военную дипломатию, приводит противника к пропорциональному увеличению расходов, связанных с несоблюдением его требований, а также усиливает для противника преимущества соблюдения требований, вплоть до достижения эквивалентности позиций. Вторым необходимым компонентом стратегии применения военной дипломатии является паритет. Паритет предполагает взаимное понимание связи между положительными стимулами и уступками, которые необходимо совершить для достижения цели государством, применяющим военную дипломатию и государством, в защиту которого применяется дипломатия. В то же время, противник должен верить, что он не сможет достичь поставленных целей без соблюдения требований государства, применя-

ющего военную дипломатию. Взаимное доверие также является необходимым компонентом успешной стратегии применения военной дипломатии. Взаимное доверие достигается тогда, когда государство, применяющее военную дипломатию, успешно приводит противника к пониманию нецелесообразности несоблюдения его требований. Фактическое применение силы, угроз и других принудительных инструментов, таких, как информационное воздействие, должны быть достаточными для того, чтобы увеличить предполагаемые расходы противника, связанные с несоблюдением требований государства, использующего военную дипломатию. Предполагаемые издержки, а также фактические расходы, влияют на расчеты противной стороны. Предполагаемые затраты определяются, исходя из величины опасностей, которые противник предусматривает для достижения целей и вероятности их возникновения.

После поездки в феврале 1998 года в Ирак бывший Генеральный секретарь ООН К. Аннан отметил в своем выступлении перед Советом Безопасности: «Если дипломатия хочет добиться успеха, она должна быть подкреплена и силой, и справедливостью»⁷. Военная дипломатия является воплощением указанной идеи. Как дипломатическая стратегия, так и военная дипломатия являются долгоиграющими средствами государственной политики, которые минимизируют угрозы, ограничивают применение силы, используют убеждение и позитивные стимулы для эффективного разрешения кризисных ситуаций в мире. Использование военной дипломатии для нужд обороны, чтобы остановить и/или не допустить акты военной агрессии все чаще необходимо для борьбы против угроз безопасности мира и страны, таких, как международный терроризм, в связи с растущим числом слабых или несостоятельных государств в международной системе после окончания холодной войны⁸.

⁷ Bratton, Patrick C. When is Coercion Successful? And Why Can't We Agree on It? / Naval War College Review, 2005. PP. 100-120.

⁸ Welzel, Aage Martin. The Art of Combining Force and Diplomacy: A Study of the Balance of Motivation in Coercive Diplomacy / Århus: Institute for Statskundskab, 2003. P. 53.

Вышеизложенное в полной мере отражает политику России в Сирии. Почему применение российской авиационной группы в Сирии может быть охарактеризовано в качестве военной дипломатии?

Во-первых, речь идет о применении силы, военных операций, совершаемых Россией в отношении международных террористов в Сирии; во-вторых, цель подобных действий России заключается в том, чтобы заставить международных террористов прекратить совершение преступных деяний.

Между тем, в данном случае военная дипломатия применяется не в отношении страны, но для защиты другого государства от международного терроризма, что нехарактерно для традиционного понимания военной дипломатии, которая представляет собой воздействие именно на политику государства⁹. В связи с реалиями современных международных отношений, их усложнением, осуществление агрессии, угрозы агрессии со стороны государства маловероятны, однако на сцене мировой политики появляются неправительственные акторы, международные террористы, деятельность которых представляет собой угрозу не только отдельным государствам, но и безопасности мира, что обуславливает перерастание международного терроризма из преступления международного характера в международное преступление, агрессию и угрозу агрессии. Данное видоизменение характера международного терроризма, его перерастание в международный вооруженный конфликт вызвано также политикой государств, оказывающих прямое или косвенное влияние на ход указанного конфликта. Поэтому военная дипломатия по-прежнему остается методом, применяемым к отношениям между государствами (в рамках которых одно государство защищает суверенитет другого государства и собственный суверенитет от внешних угроз посредством военной дипломатии), и объектом воздействия является не другая страна, но международные террористы.

Данная позиция находит документальное подтверждение.

⁹ Lauren, Paul Gordon. Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy. New York: Free Press, 1979. P. 47.

В Соглашении между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики на постоянной основе, подписанном в городе Дамаске 26 августа 2015 года¹⁰, также подчеркивается оборонительный характер нахождения российской авиационной группы на территории Сирии, принимающей меры по защите суверенитета, территориальной целостности и безопасности России и Сирии (Преамбула Соглашения). Более того, правовой статус (привилегии и иммунитеты) командира и личного состава российской авиационной группы, членов их семей, приравнивается к статусу дипломатического персонала (часть 3 статьи 6 Соглашения). Важно подчеркнуть, что в тексте Соглашения не уточняется, что данные привилегии и иммунитеты предоставляются только во время исполнения возложенных на указанных лиц функций в Сирии. В отношении транспортных средств и воздушных судов России делается оговорка, что они пользуются неприкосновенностью, только если они применяются в интересах российской авиационной группы. Приведенные положения Соглашения позволяют утверждать, что оборонительные меры, принимаемые Россией в Сирии, осуществляются посредством дипломатических средств (невоенного характера – дипломатические каналы связи используются для сообщения информации, связанной с выполнением положений Соглашения (например, в соответствии с частью 2 статьи 3, статьей 11 Документа) и военной дипломатии).

¹⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики на постоянной основе, подписанное в городе Дамаске 26 августа 2015 года. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/\\$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement) [The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic, 26 August, 2015]

Стратегия военной дипломатии России в Сирии является взвешенной, сбалансированной.

Во-первых, Россия подготовила надлежащую основу для применения военной дипломатии в Сирии, определив международный терроризм в качестве агрессии (в соответствии с Посланием Президента Российской Федерации от 31.12.2015)¹¹.

Во-вторых, меры, применяемые Россией, в полной мере соответствуют критериям эффективной дипломатии, сформулированным Б. Джентлсоном и К. Вайтоком.

Пропорциональность осуществляемых Россией действий обусловлена их соответствием характеру и степени опасности международного терроризма. Россия ограничивается применением авиационной группы, с настоящего момента постоянно базирующейся в Сирии; использование Россией военной дипломатии в Сирии соответствует характеру и степени опасности международного терроризма, постоянной и насущной угрозы международному миру и внешней угрозы суверенитету и безопасности России. Ранее для борьбы с международным терроризмом применялись военные меры, однако они не достигли желаемого результата по снижению остроты данного негативного явления. Исходя из изложенного, экономические издержки России, связанные с применением военной дипломатии в Сирии, являются оправданными.

Паритет принимаемых мер заключается в том, что Сирия не обладает достаточными ресурсами для самостоятельной борьбы против международного терроризма, предоставляет России возможность не только защиты суверенитета от данной внешней угрозы, и возможность осуществлять разведывательные мероприятия, но и увеличить сферу своего влияния на Ближнем Востоке.

В-третьих, использование военной дипломатии России в Сирии обусловлено взаимным доверием двух стран в рамках их существующих длительное время международных отношений.

¹¹ См. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 (Послание Президента Российской Федерации // Российская газета, 04.12.2015)

Возможность обращения Правительства Сирии к Российской Федерации для борьбы с международным терроризмом существовала с 2010 года в рамках Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о воздушном сообщении, заключенного в Дамаске 11.05.2010¹². В соответствии с частью 4 статьи 14 Соглашения, каждая Договаривающаяся Сторона благожелательно рассматривает любую просьбу другой Договаривающейся Стороны о принятии обоснованных специальных мер безопасности в связи с конкретной угрозой. На основании данной нормы 26 августа 2015 г. в Дамаске было заключено Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики¹³, которое применялось временно.

Эффективность военной дипломатии России в Сирии обеспечивается также ее непрерывным характером в связи с постоянным, не ограниченным по сроку, базированием российской авиационной группы в Сирии.

Таким образом, применение российской авиационной группы в Сирии отражает видоизменившийся характер международных отношений. Во-первых, речь идет о возникновении и развитии нетрадиционных вооруженных

конфликтов (существование которых было не предусмотрено по Женевскому праву), в которых участвуют неправительственные акторы, играющие значимую роль в международных отношениях. Во-вторых, традиционные инструменты (такие, как военная дипломатия) применяются к новым реалиям международных отношений – они используются не в отношении других государств, но в их защиту, при этом объектом воздействия является деятельность негосударственных акторов. В-третьих, переход от преступления международного характера к международному преступлению (в частности, от международного терроризма к агрессии, угрозе агрессии) обусловлен не столько изменением субъектного состава (террористы – государство), сколько характером и степенью опасности противоправного деяния (так, международный терроризм представляет собой угрозу безопасности мира).

Литература:

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 (Послание Президента Российской Федерации // Российская газета, 04.12.2015)

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о воздушном сообщении, заключенном в Дамаске 11.05.2010 // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 7. – С. 78-91.

Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики на постоянной основе, подписанное в городе Дамаске 26 августа 2015 года. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/\\$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/B64C40B4EE591C544325800A004AF251/$File/%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf?OpenElement)

Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 14.01.2016.

Bidt, Carl. Force and Diplomacy / Survival: Global Politics and Strategy, 2000. Pp. 141-148.

Bratton, Patrick C. When is Coercion Successful? And Why Can't We Agree on It? / Naval War College Review, 2005. Pp. 100-120.

Byman, Daniel; Waxman Matthew C. The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might. New York: Cambridge University Press, 2002.

Collins, Alan. Coercive Diplomacy. Contemporary Security Studies. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Jentleson, Bruce W.; Whytock, Christopher A. Who "Won" Libya? The Force-Diplomacy Debate and Its Implications for Theory and Policy // *International Security*, 2006. Pp. 47-86.

¹² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о воздушном сообщении, заключенном в Дамаске 11.05.2010 // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 7. – С. 78-91. [Agreement between Russia and Syria on Air Communication, 11 May 2010 // *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2011, No. 7, Pp. 78-91.]

¹³ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 14.01.2016. [The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic. Mode of access: www.pravo.gov.ru, 14.01.2016.]

Lauren, Paul Gordon. *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy*. New York: Free Press, 1979.

Lauren, Paul Gordon. *Ultimata and Coercive Diplomacy // International Studies Quarterly*, 1972. Pp. 131-165.

Welzel, Aage Martin. *The Art of Combining Force and Diplomacy: A Study of the Balance of Motivation in Coercive Diplomacy* / Århus: Institute for Statskundskab, 2003.

References:

Agreement between Russia and Syria on Air Communication, 11 May 2010 // *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2011, No. 7, pp. 78-91.

The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic, 26 August, 2015

The Agreement between Russia and the Syrian Arab Republic on the Deployment of the Russian Armed Forces Aviation Group on the Territory of the Syrian Arab Republic. Mode of access: www.pravo.gov.ru, 14.01.2016.]

Bidt, Carl. *Force and Diplomacy / Survival: Global Politics and Strategy*, 2000. Pp. 141-148.

Bratton, Patrick C. *When is Coercion Successful? And Why Can't We Agree on It? / Naval War College Review*, 2005. Pp. 100-120.

Byman, Daniel; Waxman Matthew C. *The Dynamics of Coercion: American Foreign Policy and the Limits of Military Might*. New York: Cambridge University Press, 2002.

Collins, Alan. *Coercive Diplomacy*. *Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Jentleson, Bruce W.; Whytock, Christopher A. *Who "Won" Libya? The Force-Diplomacy Debate and Its Implications for Theory and Policy // International Security*, 2006. Pp. 47-86.

Lauren, Paul Gordon. *Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy*. New York: Free Press, 1979.

Lauren, Paul Gordon. *Ultimata and Coercive Diplomacy // International Studies Quarterly*, 1972. Pp. 131-165.

Welzel, Aage Martin. *The Art of Combining Force and Diplomacy: A Study of the Balance of Motivation in Coercive Diplomacy* / Århus: Institute for Statskundskab, 2003.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-45-51>

MILITARY DIPLOMACY AND RUSSIA'S POLICY IN SYRIA

Tat'iana V. Verbitskaia

*Ural State Law University,
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 10 October 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 20 May 2017</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the study of problematic issues of the change of modern international relations system. It was found that such changes have affected the very essence of international relations: actors (the emergence of non-governmental actors, the importance of which is increasing), methods (the scope of military diplomacy has been expanded), objects (the nature of armed conflicts, both international and non-international, has been changed; the concept of international crime is determined by the danger posed to the international community). The author sets time frameworks of the changes, studies the characteristics of international system and its elements. The study focuses on the phenomenon of military diplomacy and criteria of its effectiveness. These criteria for the effectiveness of military diplomacy are applied to the Russia's actions in Syria as part of its fight against international terrorism. The key documents of cooperation between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic are analyzed. The research is focused on Russian measures in its war against terror in Syria. The author posits that Russia's actions in Syria represent a model which reflects the role of non-governmental actors in world politics, the methods used in international affairs and the specifics of international crimes.</p>
<p>About the author: Assistant, Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University</p> <p>e-mail: aquitania-17@yandex.com</p>	
<p>Key words: military diplomacy, international terrorism, military conflict</p>	

Для цитирования: Вербицкая Т.В. Военная дипломатия и политика России в Сирии // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 45-51.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-45-51

For citation: Verbitskaia, Tat'iana V. *Voennaia diplomatiia i politika Rossii v Sirii (Military Diplomacy and Russia's Policy in Syria) // Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 45-51.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-45-51

ОТНОШЕНИЯ КНР И США В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ДВУСТОРОННИЕ СВЯЗИ И МНОГОСТОРОННИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

Сергей Михайлович Труш

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 15 декабря 2016 Принята к печати: 15 мая 2017</p>	<p>Аннотация: Торговые отношения КНР и США продолжают развиваться по нарастающей несмотря на замедление экономического роста в КНР. Новым моментом динамики торговли стало расширение присутствия на внутреннем рынке КНР американских фирм, разместивших свои производства в Китае. Объём китайских инвестиций в США превалирует над инвестициями в обратном направлении. Решения пленума ЦК КПК 2013 года по реформированию экономической модели реализуются трудно, но как тенденция способны существенно стимулировать двустороннее взаимодействие с США.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН e-mail: stroush@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: китайско-американские отношения, инвестиции в КНР, инвестиции в США, рынок облигаций США, ВТО, антидемпинговые расследования, Транстихоокеанское партнёрство, «Один пояс один путь»</p>	

Двусторонние связи: торговля

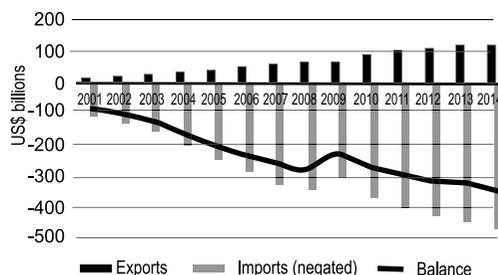
Китайская и американская экономики характеризуются существенной взаимодополняемостью и взаимозависимостью. При этом конкурентное противоборство двух стран и экономик усиливается.

В последние годы двусторонняя торговля КНР и США продолжала расти высокими темпами. В 2015 году товарооборот двух стран составил 598 млрд долларов, при экспорте Китая 482 млрд и импорте в 116 млрд. Профицит внешнеторгового оборота КНР в торговле составил 366 млрд долларов. По сравнению с предшествующим 2014 годом прирост товарооборота составил 16%.

Динамика роста двусторонней торговли КНР и США, начиная с 2006 г. представлена в Графике 1.

График 1

Торговля между США и Китаем, 2006–2014

Graph 1. China-U.S. Trade, 2006-2014. Congressional Research Service RL33536 December 15, 2015. p. 3. Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf>

США на данный момент (данные 2015 г.) являются вторым по значимости партнёром Китая по внешнеторговому то-

варообороту, первым по значимости рынком для китайского экспорта и пятым – по объёму импорта. Для США Китай является вторым партнёром по общему товарообороту, третьим по объёму экспорта и первым по импорту.

В условиях замедления глобального экономического роста последних лет, стабильное наращивание объёмов взаимной торговли США и КНР выступало в качестве определённого драйвера мировой экономики. Эта стабильно позитивная динамика роста объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего эта динамика связана с относительным оживлением экономического роста США. Начиная с 2013 г., прирост ВВП США не опускается ниже отметки в 2%, что благоприятно сказывается как на американском экспорте, так и на импорте.

С другой стороны относительно высокие темпы роста, несмотря на некоторое снижение, начиная с 2014 г. продемонстрировала китайская экономика; в 2015 году реальный прирост ВВП Китая составил 6,9%. Китай продолжал рассматривать США как приоритетное направление своей внешней торговли и принимал ряд специальных мер для поддержания как высоких уровней как экспорта, так и импорта на американском направлении.

Ключевыми позициями американского импорта в последние годы являются гражданская авиация, электротехнические изделия, продукция машиностроения, зерновые, соевые бобы и другая продукция сельского хозяйства, автомобили. Основными предметами китайского экспорта в США является предметы бытовой электроники и электрооборудования, мебель и текстильные изделия, игрушки, спортивные принадлежности, обувь¹.

Характеризуя состояние торговых отношений двух стран, необходимо отметить ряд характерных особенностей этих отношений.

Первое обстоятельство в этой связи – это обоюдный рост приоритетности двусто-

ронней торговли и для КНР, и для США. Ранее считалось, что Китай в большей степени заинтересован в торговых связях с США. Сейчас можно говорить о том, что и для США двусторонние торговые связи с КНР становятся не менее значимыми. Удельный вес КНР во внешней торговле США с каждым годом неуклонно повышается. Так с 2000 до 2014 г. доля КНР в суммарном экспорте США увеличилась в пять раз, с 2,1% до 10,6%, а в импорте с 8,2% до 19,9% соответственно. Это самая большая динамика такого рода по сравнению с другими торговыми партнёрами США². По мнению экспертов, если темпы роста двустороннего китайско-американского товарооборота сохранятся на нынешнем уровне, то КНР обойдёт Канаду – главного торгового партнёра США – уже в ближайшие 3–5 лет³.

Другой особенностью торговых отношений КНР и США последних лет являлось то, что темпы роста американского экспорта в КНР, в начале десятилетия постепенно стремились подтягиваться к темпам роста импорта из КНР. Как тенденция – в случае стабилизации её действия – это бы весьма благотворно сказалось на хронической проблеме внешнеторгового дефицита с КНР. Так согласно американской статистике, в 2013 году китайский экспорт в США вырос на 3,5% в то время как американский экспорт в КНР – на 10,4%.

Вместе с тем эта тенденция не оказалась стойкой. Несмотря на замедление темпов роста китайской экономики в последние два года, и несмотря на то, что объём американского экспорта тоже рос в абсолютных величинах баланс внешней торговли всё же оставался неблагоприятным с точки зрения США. В 2014 г. рост дефицита США в торговле с КНР достиг рекордной отметки в 7,5%⁴. В результате, несмотря на некоторые симптомы смягчения в предыдущие годы, проблема внешнеторгового дефицита США сохраняет свою остроту в двусторонних экономических отношениях.

¹ U.S.-China Trade Facts. Office of the United States Trade Representative. Mode of access: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>

² China-U.S. Trade Issues / Congressional Research Service. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf>

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Ещё одной важной тенденцией динамики торговли США и КНР следует назвать рост значимости внутреннего китайского рынка для американских компаний, перенесших своё производство в КНР. Существует расхожее мнение, что компании США переносят производство в Китай для того чтобы впоследствии произведённый им продукт экспортировался обратно в США. Однако согласно последним доступным данным в 2013 году всего лишь 6% товаров, произведённых американскими компаниями в КНР возвращалась на американский рынок. Львиная доля продукции – около 80% – продавалась в Китае и на других рынках Восточной Азии⁵.

Инвестиционное сотрудничество: встречный поток

Взаимодействие КНР и США в инвестиционной сфере на протяжении последних десятилетий проходило с разнонаправленной динамикой.

Начиная с 1980-х годов прошлого века и вплоть до первого десятилетия века нынешнего Китай привлекал значительный объём американских инвестиций. По наиболее реалистичным оценкам, объём накопленных прямых американских инвестиций в КНР в период 1979–2014 гг. составил около 70 млрд долларов⁶. Финансовый кризис 2008–2009 годов сильно затормозил этот процесс. Китай, на котором кризис отразился в гораздо меньшей степени, после этого оказался способен сам направлять существенные потоки прямых инвестиций в США. Источниками роста финансовых потоков в США стали и рост накоплений частных предпринимателей в КНР, вложения в облигации и ценные бумаги на американском финансовом рынке, заинтересованность крупных госкорпораций и предприятий КНР в приобретении перспективных бизнес-активов в США.

⁵ The Importance of China to the US Economy / US-China Business Council. Mode of access: https://www.uschina.org/sites/default/files/Market_Importance.pdf

⁶ China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States / Congressional Research Service. Pp. 16-17. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf>

Привлекательности китайских инвестиций в США в существенной степени способствовала развитость и широта финансового рынка США, относительная безопасность, низкий риск капиталовложений, надёжные юридические гарантии, развитый рынок труда.

В настоящее время США являются второй по значимости страной, куда направляются китайские прямые инвестиции. Если процесс китайских капиталовложений в США в настоящее время проходит фазу становления и роста, процесс американского инвестирования в Китай находится уже на зрелой фазе своего развития и насыщения рынка. Согласно статистическим данным за 2015 год, объём прямых инвестиций КНР в США составляет около свыше 15 млрд долларов⁷. Можно предположить, что поток китайских инвестиций в США в будущем будет превосходить объём американских инвестиции в Китай.

В отличие от острой критики, раздающейся в США по поводу «чрезмерного» присутствия китайского бизнеса в американской экономике – эта критика наиболее ярко проявилась в позиции избранного нового президента США Д. Трампа – непредвзятый анализ свидетельствует и о многих позитивных моментах такого присутствия. Так по оценкам американских госорганов прямые иностранные инвестиции (в том числе и китайские) в США в настоящий период создают порядка 5,6 млн рабочих мест США, треть из которых – что немаловажно – находятся в производстве. При этом необходимо учесть, что в США уровень оплаты труда занятых на предприятиях с иностранными инвестициями, как правило выше чем у других предприятий⁸.

Если рассматривать китайские инвестиции в США, инвестиции частного капитала и государственных предприятий

⁷ 中国今年对美投资将达到300亿美元. Mode of access: <http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c/2016-09-26/doc-ifxwevmc5492575.shtml>; 中国对美投资有大幅增长潜力. Mode of access: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201610/10/t20161010_16581167.shtml

⁸ Foreign Direct Investment in the United States. P. 7. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/2013fdi_report_-_final_for_web.pdf

располагаются приблизительно в равных долях, частных инвестиций несколько больше. Доля китайских прямых инвестиций остаётся достаточно скромной по сравнению с другими экономическими игроками на американской площадке. Собственно говоря, это справедливо и в обоих направлениях. Общая доля обеих стран не превышает 5% от суммарных инвестиций в стране и в Китае, и в США⁹.

За последнее время на американском рынке инвесторами из КНР был сделан целый ряд знаковых вложений. В мае 2015 года автомобильный концерн *Volvo Motors* находящийся под контролем китайского *Geely Holdings* объявила о планах инвестировать 500 млн долларов в сборочное производство в Южной Каролине. Проектная мощность нового производства составит до 100 000 автомобилей в год. Одной из наиболее резонансных сделок последних лет стала покупка контрольного пакета известной нью-йоркской гостиницы *Worlorf Astoria* китайской *Anbang Insurance Group* в октябре 2014 года. Сумма сделки – 2 млрд долларов¹⁰.

Ранее в 2010 году китайская *Suntech Power Holdings Co*, крупнейший в мире производитель солнечных батарей, открыл производство в Аризоне с численностью рабочих около 100 человек. Однако в марте 2013 компания объявила о своих планах закрыть производство в связи с высокими издержками. Компания посетовала также на высокие тарифы на свою продукцию, наложенными по результатам антидемпинговых расследований по линии ВТО, а также на неблагоприятную конъюнктуру на мировом рынке¹¹.

⁹ Bilateral Investment Treaties: What They Are and Why They Matter / The US-China Business Council. Mode of access: <https://www.uschina.org/reports/bilateral-investment-treaties-what-they-are-and-why-they-matter>

¹⁰ 安邦集团全球招聘活动. Mode of access: http://www.anbanggroup.com/jobs/campus_recruitment_oversea.html; 友财网/ *China Digital Times*. Mode of access: <http://chinadigitaltimes.net/chinese/2016/01/%E5%8F%8B%E8%B4%A2%E7%BD%91%E7%BD%9C%E5%B2%9A%E7%94%B0%E7%BC%9A%E5%B1%80%E4%B8%AD%E5%B1%80%E7%BC%8D%E5%AE%89%E9%82%A6%E5%A4%A7%E8%B5%B7%E5%BA%95/>

¹¹ Suntech Power Holdings Files for Chapter 15 Bankruptcy Protection // *The Wall Street Journal*,

Китайская *Wanxiang Group* – крупный производитель автомобильных комплектующих ещё с 1994 года – имеет дочернее предприятие *Wanxiang America Corporation*, расположенное в Иллинойсе. На протяжении последнего десятилетия этот китайский холдинг приобрёл либо вошёл в управление свыше 20 китайских фирм в этой отрасли и имеет штат сотрудников свыше 5000 человек, что является рекордной цифрой по Америке¹².

Наиболее распространёнными сферами приложения китайских инвестиций в США являются пищевая промышленность, недвижимость и новая энергетика. Что касается таких отраслей как связь, энергетическое машиностроение, высокие технологии и другие, относящиеся к так называемым стратегическим сферам, здесь достаточно мало успешных инвестиционных проектов. Это объясняется имеющимся негативными прецедентами, когда крупные китайские компании, в частности «Хуавэй» (*Huawei*), либо «Чжунсин» (*Zhongxing*) пытались инвестировать в проекты такой «стратегической» сферы» (в данном случае сфера ИТ технологий) и получили отказ американских регуляторов под предлогом угрозы национальной безопасности. Вследствие данного негативного опыта у китайских инвесторов сохраняется осторожность по поводу участия в такого рода проектах.

Важную роль в стимулировании двусторонних инвестиций призвано сыграть двустороннее китайско-американское соглашение или договор об инвестициях (*Bylateral Investment Treaty, BIT*). Договор BIT задумывался сторонами как комплексный системообразующий документ, призванный кодифицировать и поставить на твёрдую юридическую почву такую реальность экономических отношений, которую принято называть «инвестиционным климатом».

24 February, 2014. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304610404579403444220271228>

¹² Job creation seen as key to China's investment in U.S. // *Washington Post*, January 19, 2011. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/01/18/AR2011011806676.html>

Стороны ведут переговоры по этому вопросу с 2008 года, и лишь недавно, по свидетельству китайских источников, переговоры перешли в фазу предметного переговоров по отраслям и конкретным условиям.

Многие аналитики связывают с успехом этих переговоров – если соглашение будет достигнуто и оно будет субстантивным – большие ожидания. В свое время еще Торговый представитель США в администрации Б. Обамы М. Фроман отметил, что соглашение такого рода «предоставляет большие возможности для Китая углубить экономические реформы в стране, усилить в экономике здоровые рыночные начала, создать более справедливые прозрачные правила для американских фирм работающих в КНР»¹³. Вместе с тем о конкретике ведущихся переговоров по ВТ, которые судя по всему ведутся трудно, известно мало.

Важным элементом китайско-американского экономического взаимодействия являются отношения двух государств в валютно-финансовой сфере, присутствие КНР на американском рынке ценных бумаг. Китай является самым крупным иностранным держателем облигаций государственного долга США.

На середину 2016 года Китай являлся владельцем облигаций госдолга США на сумму 1 трлн 180 млрд долларов. Это составляет 27% от общей суммы облигаций, находящихся в распоряжении иностранных кредиторов, или 31% от доли иностранных правительств¹⁴. То обстоятельство, что КНР является держателем солидной порции госдолга США является одним из факторов

стабилизирующих отношения КНР и США. Главным стимулом и мотиватором активного присутствия КНР на рынке ценных бумаг США является его стремление наиболее надёжным образом разместить свободные валютные и финансовые средства. С другой стороны, присутствие китайских активов на американском фондовом рынке благотворно действует на финансовую систему США, смягчает остроту проблемы государственного долга США.

Бремя взаимозависимости: старые и новые трения

На протяжении второго срока администрации Обамы, которая начиная с 2012 года активно взаимодействовала с китайским руководством во главе с Си Цзиньпином, плотное и в целом возрастающее экономические сотрудничество КНР и США происходило на фоне не менее плотной конкуренции и достаточно острых трений, но сотрудничество всё же являлось доминирующей тенденцией. Существующие противоречия не переходили в состояние иррационального противостояния, хотя градус полемики был достаточно высок. В целом позитивное воздействие на двусторонние экономические связи оказал настрой на углубление реформ китайской экономической модели, усилившийся с приходом Си Цзиньпина.

В конце 2013 года состоялся 3-й пленум 18 созыва, на котором была принята программа мер в экономике, направленная на утверждение рыночных начал и принципов в качестве определяющих в будущей экономической модели КНР. Ключевой фразой пленума стали слова о том, что «рынок должен играть ключевую роль» (эта формула отличалась от той, которая господствовала в партийных документах прежде, когда фиксировалась «базисная роль» рынка). Пленум одобрил или наметил свыше 300 конкретных мер, направленных на совершенствование правового регулирования бизнеса, дополнительные гарантии предпринимательской деятельности, большей открытости различных отраслей экономики для деятельности иностранных инвесторов, более жёстких условий функционирования госпредприятий и

¹³ Remarks by Ambassador Michael Froman to AmCham China and the U.S. Chamber of Commerce / USTR, April 27, 2015. Mode of access: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/speechestranscripts/2015/april/remarksambassador-michael>

¹⁴ Major Foreign Holders of U.S. Treasury Securities / Statista.com, August 2016. Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/246420/major-foreign-holders-of-us-treasury-debt/>; China's Holdings of U.S. Treasuries Fall to Lowest Since '13. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-16/china-s-holdings-of-treasuries-fall-to-lowest-level-since-2013>

госкорпораций, их большую открытость для конкуренции с частными компаниями.

Важная часть решений пленума касалась дальнейшей либерализации финансового рынка КНР. Пленум признал целесообразным снижение ограничений на доступ иностранных банков на китайский рынок и санкционировал важный пилотный проект в виде Шанхайской торговой зоны, в рамках которой действовали бы эти меры либерализации. Иностранным фирмам отныне формально разрешено, например, вырабатывать и публиковать рейтинги ценных бумаг местных правительств, выпускать фьючерсы, создавать частные инвестиционные фонды, совместные предприятия по управлению ценными бумагами, осуществлять листинг ценных бумаг на бирже¹⁵.

Вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян, имеющий в КНР стойкое реноме рыночника-реформатора оценивая результаты пленума в статье в «Уолл-стрит джорнел» особо акцентировал значение этих решений для китайско-американских отношений. Он в частности заявил, что, реализовав намеченные меры и следуя подобным курсом, Китай сможет в ближайшие 5 лет переварить свыше 1 трлн американского экспорта и принять около 400 млн американских туристов. Иными словами, вице-премьер особо подчеркнул, что стабильное прорывное развитие КНР предоставляет Америке существенные эксклюзивные перспективы¹⁶.

Одной из ключевых «острых тем» китайско-американских отношений на протяжении десятилетий являются взаимные обвинения в протекционизме. По мнению китайской стороны, США, под видом обвинений в субсидировании экспорта либо в умышленном демпинге, выдвигает в адрес китайских экспортёров неоправданные претензии, облагает китайские товары неоправ-

данными тарифами, проводит антидемпинговые расследования, инициирует судебные разбирательства, используя процедуры, предусмотренные ВТО.

Товарные позиции китайского экспорта, в отношении которого были предприняты такого рода антидемпинговые процедуры включали в себя и изделия из нержавеющей стали, конструкции для метеорологического оборудования, стальной прокат, комплектующие аксессуары для сотовых телефонов¹⁷.

В последние годы фокус антидемпинговых расследований в США сместился в сторону более наукоемкой продукции и продуктам высокой переработки; в частности в последнее время инициировались антидемпинговые процедуры применительно к солнечным батареям, автомобильной электронике. В числе китайских компаний, продукция которых часто являлась объектом антидемпингового расследования становились такие китайские тяжеловесы как «Лянсян» (*Liangxiang*), «Хуавэй» (*Huawei*), «Хайэр» (*Haier*), «Чжунсин» (*Zhongxing*). В протекционистских действиях против китайских компаний, как считают китайские наблюдатели, активную роль играет и Конгресс США. Так принятый Конгрессом США законопроект проект о возобновлении финансирования правительственных органов после «бюджетного обрыва» в США не включил в перечень такого финансирования закупки компьютеров и продуктов информационных технологий, поставляемых китайскими производителями, а также расходы на использование китайских коммерческих спутников¹⁸.

Отвечая на протекционистские меры США в отношении китайских компаний, КНР часто прибегала к ответным мерам. Так

¹⁵ Zhang Monan. China's Cold Eye on Hot Money. New York, NY: Project Syndicate, June 10, 2013. Mode of access: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-newrules-for-managing-cross-border-capital-flows-by-zhang-monan>

¹⁶ An Opportunity to Strengthen U.S.-China Ties // *Wall Street Journal*. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323899704578587843623571334>

¹⁷ 美国对华贸易政策的决策机制和形成因素 : 基于贸易政策政治经济学的理论和经验研究 (U.S. Trade Policy Towards China: Policy Making and Its Determinants) / 王孝松著 ; 北京大学出版社, 2013. Pp. 7, 34-35; 中国对外贸易环境与贸易摩擦研究报告 2015 专著 (Report on China's Foreign Trade Environment and Trade Friction) 北京 : 中国人民大学出版社, 2015. Pp. 16, 18, 53.

¹⁸ 中国对外贸易环境与贸易摩擦研究报告 2015 专著 (Report on China's Foreign Trade Environment and Trade Friction) 北京 : 中国人民大学出版社, 2015. P. 66.

в течение 2014 и первой половины 2015 года китайская сторона в общей сложности подала 13 апелляций в арбитражный орган ВТО по результатам антидемпинговых расследований по поставкам труб и другой экспортной продукции китайской компании CNPC. Поскольку размер антидемпингового иска рассчитывается от объёма экспорта компании за предыдущий год – в 2015 году это составило 8,4 млрд долларов – сумма компенсаций была достаточно внушительной. По мнению китайской стороны, в ходе антидемпингового расследования и апелляций по нему, ВТО использовало неправомерную методику и критерии оценки демпинга, применял практику выходящую за рамки традиционных процедур ВТО, принимаемые решения в отношении китайских компаний либо неправомерны, либо масштабы компенсаций существенно завышены¹⁹.

Ещё одной «больной темой» экономических связей последних лет стало лицензирование отдельных китайских инвестпроектов в США. Китайская сторона сетует на то, что ключевой американский регулятор по иностранным инвестициям – *CFIUS* (Комитет по инвестициям США) – часто блокирует инвестиционные проекты китайских компаний под надуманным предлогом угрозы национальной безопасности.

Отдельные американские политические деятели, государственные органы или отдельные американские корпорации активно используют тезис «китайской угрозы» в широком – политико-стратегическом или узком – «корпоративном» смысле для блокирования какого-либо китайского экспортёра или инвестора. По мнению китайской стороны, за этим, как правило, скрывается прямая идеологическая ангажированность, следование традиционной консервативной антикитайской и антикоммунистической парадигме. Не менее частый прецедент, когда за мнимой «угрозой национальным интересам» стоит банальное противодействие и прессинг на сильного китайского конкурента или игрока, стремящегося попасть на американский рынок. Последнее особенно

характерно для конкуренции в сфере информационных технологий. Подобное лоббирование нередко ведут отдельные политические деятели или члены Конгресса США для того, чтобы оградить свои избирательные округа от присутствия там конкурентоспособного китайского игрока²⁰.

В свою очередь американские компании также высказывают немало нареканий и критичных суждений относительно инвестиционного климата в КНР. Торговая палата США (*AmCham*) подготовила специальный доклад по процедуре регистрации иностранных инвестиций в КНР для американских компаний. Этот доклад был создан на базе большого массива интервью с американскими бизнесменами, работающими в КНР. В числе принципиальных трудностей лицензирования инвестиционной деятельности в КНР, авторы доклада указывают на частое наличие «негласных», «неформальных» критериев для положительного решения по инвестпроекту той или иной американской компании. Так, например, ключевой китайский регулятор – Комитет по развитию и реформе КНР (*NDRC*) – рассматривает инвестиционный проект с точки зрения того, в какой мере он «соответствует среднесрочным и долгосрочным интересам национального и социального развития, развития отрасли, и совершенствования отраслевой структуры экономики». Понятно, что эти показатели весьма далеки от ключевой фокусированности иностранного инвестора на эффективность и прибыль даже с пониманием неукоснительного соблюдения национального законодательства страны пребывания.

Министерство коммерции КНР в качестве оснований для отказа инвестору может выдвигать в частности «очевидный неравноправный характер заключённого соглашения». Эта формулировка также весьма обтекаема и создаёт большое поле для предвзятого толкования. В упомянутом докладе приводится типичный пример явной дискриминации иностранных инвесторов в КНР.

¹⁹ 进口国通关成本对中国出口的影响. Mode of access: http://ejournal.iwep.org.cn/index.php?optionid=978&method=letters&auto_id=2865

²⁰ 中国对外贸易环境与贸易摩擦研究报告 2015 专著 (Report on China's Foreign Trade Environment and Trade Friction) 北京: 中国人民大学出版社, 2015. P. 75.

Согласно решению Народного Банка Китая от 1 сентября 2010 года компании осуществляющие платёжные сервисы онлайн могут получить лицензию на осуществление таких платёжных операций в КНР в течение одного года. В решении отмечалось, что условия лицензирования для иностранных компаний будут разработаны специально и должны пройти согласование с Госсоветом КНР. Тем не менее, по истечении одного года никаких документов такого рода опубликовано не было. В итоге спустя три года лишь одна иностранная компания получила лицензию на осуществление онлайн-платежей, в то время из числа китайских провайдеров лицензию получили 196 компаний. В результате этих непонятных и намеренных проволочек, от рынка онлайн-платежей в Китае были отсечены иностранные компании. Объём такого рынка оценивается ориентировочно в 122 млрд долларов в год. Компания Yahoo – крупнейшая иностранная кампания в сфере онлайн-платежей – была вынуждена выйти из сделки с китайской Alipay на этом рынке²¹.

В последние годы на острие двусторонней полемики КНР и США вышла тема кибербезопасности, включая её сугубо экономический компонент – кражу интеллектуальной собственности, технологий и нарушении коммерческой тайны. Эта полемика очевидно обостряется, несмотря на очевидные обоюдные шаги Пекина и Вашингтона искать договорённости по данной проблематике.

За последние два года США явно увеличили напор обвинений КНР в кибершпионаже. Согласно специальной «Стратегии защиты коммерческой тайны США», принятой администрацией Б. Обамы в 2013 году, реализуется принцип, согласно которому, в случае если китайский контрагент будет уличён в краже секретов, технологий или иной интеллектуальной собственности своих американских партнёров, ему закрывается доступ на американский рынок.

²¹ China's Approval Process for Inbound Foreign Direct Investment. US Chamber of Commerce, 2012. P. 29. Mode of access: https://www.uschamber.com/sites/default/files/legacy/reports/020021_China_InvestmentPaper_hires.pdf

1 апреля 2015 г. президент Б. Обама издал директиву 13964, предусматривающую определённые санкции против лиц, вовлечённых в преступную или злонамеренную деятельность в области с применением информационных средств и технологий». Незадолго до государственного визита Председателя Си Цзиньпина в США, в США появились публикации, указывающие на то, что администрация Б. Обамы рассматривает возможность введения санкций в адрес граждан и юридических лиц КНР, обвиняемых в кибершпионаже. По мнению наблюдателей, такие санкции могли привести к отмене предполагавшегося визита. Возможно в связи с этим руководство КНР направило в США высокопоставленную правительственную делегацию во главе с Мэн Цзянчжу, курирующим правовую и юридическую сферу в ЦК КПК. Делегации КНР и США провели четырёхдневные интенсивные переговоры по вопросам кибербезопасности.

25 сентября 2015 г. в ходе госвизита в США Си Цзиньпин и Б. Обама объявили, о заключении соглашения по вопросам кибербезопасности. Согласно этому соглашению стороны обязывались не предпринимать и не поддерживать какие-либо действия с применением киберсредств, направленных на посягательство на интеллектуальную собственность, включая коммерческую тайну либо иную конфиденциальную информацию в сфере бизнеса. Они также договорились создать двустороннюю комиссию на высоком уровне, которая будет встречаться дважды в год, а также «горячую линию», которые были бы направлены на эффективную коммуникацию и решение возникающих острых вопросов в сфере кибербезопасности.

Одним из следствий существенного уровня экономической взаимозависимости в современной экономике, является то, что действия одного из правительств, ориентированные на сугубо внутренние экономические приоритеты могут непосредственным образом затрагивать – причём весьма чувствительно – интересы экономического развития во взаимозависимой стране.

Примером такой негативной взаимозависимости стал «бюджетный обрыв» в середине срока второй администрации

Б. Обамы. Этот кризис хотя и парализовал деятельность госорганов США на относительно короткое время, имел долговременный отрицательный эффект, сказавшись на надёжности и «респектабельности» США как экономического игрока.

«Бюджетный обрыв» особо затронул Китай в том смысле, что являясь основным иностранным держателем американских ценных бумаг, Пекин столкнулся с реальной возможностью снижения их капитализации. В этой связи китайское правительство неоднократно выражало свою обеспокоенность действиями Конгресса и Белого дома, призывало последнего к ответственному поведению и финансовой дисциплине. Китай мотивировал это желанием не ставить под удар держателей американских ценных бумаг, не подвергать риску их имущественные интересы, минимизировать финансовый урон.

Что касается недовольства и претензий американской стороны относительно экономической политики и решений своего китайского контрагента, то они в первую очередь затрагивали вопросы валютного курса. США официально не фиксирует за КНР статус «валютного манипулятора». Такой вывод ежегодно делается Министерством финансов США. Однако при этом власти США официально заявляют, что курс юаня пока недостаточно высок и требуется его дальнейший рост²².

После решения о включении юаня в состав корзины резервных валют в 2015 году в США подчёркивают необходимость «форсировать процесс полной маркетизации юаня». Скорость и последовательность этих действий КНР остаётся гораздо ниже уровня американских ожиданий.

Летом 2016 года происходило резкое падение торговых индексов на Шанхайской и Гонконгской товарных биржах, обозначивших собой серьёзные структур-

ные дисбалансы в китайской экономике. Волатильность на бирже проистекала во многом и от несовершенства инструментов регулирования «социалистической рыночной экономикой». Одним из главных мер подавления такой волатильности китайское правительство избрала чисто силовые, административные, а отнюдь не рыночные, финансово-экономические рычаги. Такое поведение властей КНР кардинально расходилось с духом и буквой тех экономических программ, которые оно постулировало и закрепила на третьем Пленуме ЦК КПК 18 созыва, когда рынок признавался «решающей силой» китайской экономики. Такое положение вещей вызвало большую настороженность в США.

Важным элементом взаимодействия КНР и США в экономической сфере помимо практических двусторонних связей – торговли, инвестиций, финансовых взаимобмен – являются отношения на «концептуально-экономическом» уровне. Тема грядущих правил игры в мировой экономике, содержание и принципы организации экономического взаимодействия в последние годы получила мощные импульсы. В начале десятилетия США, а затем Китай объявили о запуске масштабных проектов многостороннего экономического сотрудничества. Проект ТТП преимущественно региональный по охвату участников, но достаточно новаторский с точки зрения продвижения кодекса экономического поведения стран ориентирующихся на «Вашингтонский консенсус» в XXI веке. Китайский проект «Один пояс – один путь» – более широкий, трансрегиональный по планируемому ареалу действия, менее институализированный по формату, и ориентированный преимущественно на инфраструктурные проекты в «прилегающем» экономическом пространстве, отцентрированные и заточенные, в первую очередь, на Китай. Говорить об экономическом взаимодействии Китая и США уже невозможно, без анализа содержания, основных характеристик, взаимовлиянии перспектив материализации этих масштабных концептов.

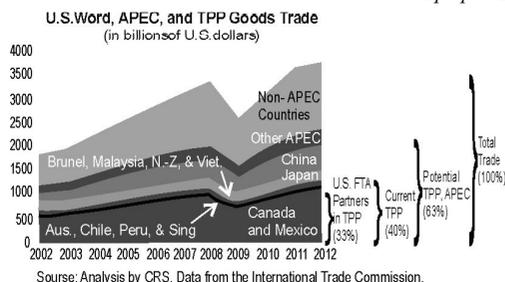
²² Annual Report to Congress U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2016. Pp. 44-46. Mode of access: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/Annual_Report/Chapters/Chapter%201%2C%20Section%201%20-%20Year%20in%20Review%20-%20Economics%20and%20Trade.pdf

История американского участия в проекте Транстихоокеанского партнёрства: формат и основные характеристики объединения

Инициатива Транстихоокеанского партнёрства (ТПП) впервые была выдвинута Новой Зеландией, Сингапуром и Чили в 2003 году. После подключения к ней США в 2011 году этот концепт, существенно переформатированный по сути и расширенный по составу участников, рассматривается как сугубо американский. Переговоры по созданию ТПП были финализированы в 2015 году. В составе объединения 12 участников – США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Мексика, Чили, Перу. Он небезосновательно трактуется и как неотъемлемый – если не самый ключевой – элемент стратегического переноса центра тяжести США в регион АТР. Его часто рассматривают и в связке с симметричной по замыслу инициативой Трансатлантического партнёрства (ТТПР) между США и ЕС. Совокупности этих двух инициатив (несмотря на трудности в продвижении последнего) многие эксперты – придают системообразующее, центральное значение для внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии администрации Б. Обамы²³.

Соотносительные объёмы торговых отношений США с нынешними и, возможно, будущими партнерами по ТПП на фоне «всей» американской торговли весьма иллюстративно представлены в *Графике 2*.

График 2

Graph 2. US Trade with World, APEC and TPP Members in 2013
The Trans-Pacific Partnership (TPP).
Negotiations and Issues for Congress
December 13, 2013 / Congressional Research Service
7-5700. Mode of access: www.crs.gov; R42694.
Mode of access: http://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf

Что по сути представляет собой ТПП? На этот вопрос нет простого ответа, поскольку эксперты по-разному трактуют сущность блока – «торговый блок», «таможенный союз», «внешнеэкономическая коалиция» или «интеграционный формат»²⁴. Первый из данных вариантов представляется наиболее обоснованным. В настоящее время речь, разумеется, не идет об интеграционном объединении, а скорее, о торговом блоке или многосторонней зоне свободной торговли с расширенным кругом обязательств стран-участниц. Именно вокруг этих расширенных обязательств и на протяжении почти пять лет сложно проходил – и часто буксовал – переговорный процесс.

По замыслу инициаторов, помимо обнуления (стадийно к 2025 г.) всех торговых таможенных барьеров, страны принимают на себя обязательства, регламенты, принципы экономической деятельности, получившие в кругу экспертов название «платиновый стандарт». Этот стандарт касается не только собственно торговли, но и производства, налогообложения, правил конкуренции частного и государственного бизнеса, прозрачности инвестирования, прав интел-

²³ Рогов С. Доктрина Обамы: властелин двух колец / РСМД. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1748#top [Rogov, С. Doktrina Obamy: vlastelin dvukh kolets (Obama's Doctrine: The Lord of Two Rings) / RSMД. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1748#top]; Zagashvili В. О переговорах в рамках Транстихоокеанского партнёрства. Актуальный комментарий. ИМЭМО, 2013. Режим доступа: www.imemo.ru/publ.html?fiо=44 [Zagashvili, V. O peregovorakh v ramkakh Trans-Tikhookeanskogo partnerstva (On Negotiations within TPP). Aktual'nyi kommentarii. IMEMO, 2013. Mode of access: www.imemo.ru/publ.html?fiо=44]; Why the TPP is the Linchpin of the Asia Rebalance. Brookings Institution, July 28, 2015. Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/07/28/why-the-tpp-is-the-linchpin-of-the-asia-rebalance/>

²⁴ Труш С. Американский проект Транстихоокеанского партнёрства и Китай // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174> [Trough S. Amerikanskii proekt Transtikhookeanskogo partnerstva i Kitai (American Project of Trans-Pacific Partnership and China) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174>]

лектуальной собственности, трудового законодательства.

В главном переговорном документе ТТП содержится 29 статей²⁵ по самым широким областям сотрудничества, что позволяет судить о ТТП как о торговом объединении с широким спектром потенциальных договоренностей.

Мотивация США в ТТП имеет множество аспектов, но ядро этой мотивации, используя выражение американского эксперта Ф. Бергстена, заключается в «конкурентной либерализации» – другими словами, в движении участников в сторону большей совместимости с «Вашингтонским консенсусом», создавая для США системные конкурентные преимущества²⁶. Даже по мнению ряда американских аналитиков, условия и критерии присоединения тихоокеанских стран к сообществу ТТП являются чрезмерно «американоцентричными».

Параллельно с конкуренцией национальных экономик неизбежно соперничают и создаваемые вокруг них объединительные форматы, начиная от зон свободной торговли и заканчивая интеграционными объединениями²⁷.

В первое десятилетие нового века две администрации Дж. Буша-младшего выдвинули в фокус военной и дипломатической активности США Ближний Восток и Центральную Азию. Противодействие Китаю не ставилось Дж. Бушем на первый план. В результате в первое десятилетие XXI века США снизили планку своего присутствия в АТР²⁸.

²⁵ The Trans-Pacific Partnership (TPP). Negotiations and Issues for Congress / Congressional Research Service, June 14, 2016. P. 19. Mode of access: <http://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf>

²⁶ Bergsten, F. Competitive Liberalization and Global Free Trade: A Vision for the Early 21st Century / Working Paper 96-15. Peterson Institute of International Economics, 1996. Pp. 3-4.

²⁷ Труш С. Американский проект Транстихоокеанского партнерства и Китай // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174> [Trough S. Amerikanskii proekt Transtikhookeanskogo partnerstva i Kitai (American Project of Trans-Pacific Partnership and China) // *Mezhdunarodnaia zhizn*. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174>]

²⁸ Ibid.

На протяжении 1990-х годов в АТР возник ряд инициатив, в большей или меньшей степени ориентированных на изоляцию Америки в регионе. Одними из ключевых были форматы АСЕАН+1, АСЕАН+3 и АСЕАН+6. Разное отношение участников этих форматов взаимодействия к роли США в регионе приводило, с одной стороны, к слабости или полному параличу этих инициатив, с другой – к ослаблению американского присутствия в регионе.

Одновременно проявился целый ряд индикаторов, свидетельствующих о неблагоприятных для США последствиях конкуренции с Китаем в экономической и внешнеполитической областях: диссонанс темпов роста ВВП, долговая проблема США на фоне превращения КНР в ключевого внешнего кредитора США, упрочение связей КНР с Россией, продвижение Китая в зоны Центральной Азии, Африки (как правило за счет США), продуктивная комплексная стратегия Пекина в вопросах тайваньского объединения, рост военных возможностей КНР относительно США вследствие внушительных военных ассигнований. Заметно ужесточилась позиция Китая в территориальных конфликтах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, что воспринималось как оправданная решимость Пекина в отстаивании своих геополитических рубежей в АТР. Весь комплекс этих обстоятельств и обусловил продвижение инициативы ТТП со стороны США²⁹.

Можно сказать, что идея ТТП, с одной стороны, обусловлена эволюцией американской экономики, стремящейся институционализировать и закрепить свои конкурентные преимущества на восточноазиатских рынках; с другой стороны, она связана с логикой глобализации и конкуренцией с Китаем.

Видный американский экономист Д. Бхагвати считает, что нынешние участники ТТП – в значительной степени заложники американо-китайского противостояния. Они в значительной степени будут вынуждены принять американские условия в качестве превентивной меры, направленной против

²⁹ Ibid.

экономической и военной активности Китая в регионе³⁰.

Транстихоокеанское партнёрство: первоначальные рефлексии Китая

Выделяются две точки зрения в КНР на ТТП. Первая – доминирующая, носит негативный оттенок и, пока исключает возможность китайского участия в проекте. Сторонники этого взгляда считают, что США в действительности не желают китайского участия в ТТП, несмотря на формальное провозглашение партнерства «открытым». Требования ТТП, предъявляемые к странам-участницам, в частности в вопросах свободы конкуренции или равных прав для экономических субъектов неприемлемы для Китая. Особенно болезненны они для крупных госкомпаний КНР, не готовых к конкуренции с заокеанскими ТНК на китайских и восточноазиатских рынках по американским правилам³¹.

Эта точка зрения предопределила изначальную, однозначно отрицательную реакцию КНР на инициативу ТТП³². С этой позиции, Китай должен игнорировать ТТП и сосредоточиться на продвижении анало-

гичных инициатив по либерализации торговли в АТР со своим участием и лидирующей ролью.

Во многом именно в качестве реакции на проект США Китай активно лоббировал проект «свободных зон», который получил название *Regional Comprehensive Economic Partnership* (RCEP). Этот проект с участием 16 стран – десять стран АСЕАН плюс Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия – по составу участников, и мировой торговой «капитализации» выглядел даже солиднее, чем ТТП. Подготовительные переговоры велись с ноября 2011 года. RCEP планировал введение режима зон свободной торговли на более мягких условиях, с большей степенью толерантности к национальным экономикам и их правовым регламентам. Несмотря на то, что этот проект сохраняет свое значение, в плане контрбаланса ТТП он отошёл на второй план после выдвижения КНР более масштабной и комплексной инициативы «Один пояс – один путь».

В дополнение к RCEP – как параллельный (или конкурирующий) механизм ТТП – в Китае рассматривают проект зоны свободной торговли Северо-Восточной Азии с участием Китая, Японии и Кореи. Этот проект, несмотря на политические противоречия по линии Токио – Пекин, в Китае продолжают считать дееспособным и реализуемым³³. Значительный масштаб китайско-корейской торговли и корейских инвестиций в КНР также способствует его реализации³⁴.

Сторонники второй точки зрения по ТТП – менее влиятельной, но, тем не менее, присутствующей в политическом и экспертном сообществе Китая – относятся

³⁰ Bhagwati, J. Time for Rethink. Millenium Development Goals, 2014. P. 15. Mode of access: <http://www.columbia.edu/~jb38/papers/pdf/Time%20for%20a%20Rethink.pdf>

³¹ Труш С. Американский проект Транстихоокеанского партнерства и Китай // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174> [Trough S. Amerikanskii proekt Transtikhookeanskogo partnerstva i Kitai (American Project of Trans-Pacific Partnership and China) // *Mezhdunarodnaia zhizn*]. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174>

³² Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Хуа Чуньин. 22 апреля 2013 г. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t1035220.shtml>; Экономическое обозрение: вероятность присоединения Китая к переговорам вокруг ТТП в ближайшей перспективе невелика. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/8277616.html> [Economic Overview: The Possibility of China Joining TPP in Short-Term is Low. Mode of access: <http://russian.people.com.cn/31518/8277616.html>]; Trans-Pacific Partnership not Best Way forward for China at Present. Mode of access: <http://www.globaltimes.cn/content/863864.shtml>

³³ Ministry of Commerce of People's Republic of China: China, South Korea, Japan Start 4th FTA. Mode of access: <http://english.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/europereport/201403/20140300507013.shtml>

³⁴ Труш С. Американский проект Транстихоокеанского партнерства и Китай // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174> [Trough S. Amerikanskii proekt Transtikhookeanskogo partnerstva i Kitai (American Project of Trans-Pacific Partnership and China) // *Mezhdunarodnaia zhizn*]. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174>

к перспективам участия Китая в концепте ТПП не столь категорично. В их понимании предложенные США условия и принципы подключения к блоку в нынешнем виде однозначно неприемлемы и не соответствуют торговым и макроэкономическим интересам КНР, ослабляют ее конкурентные позиции. Вместе с тем они отмечают, что полтора десятилетия назад, когда Китай вступил в ВТО, он взял на себя обязательства, которые многие считали разрушительными для его интересов. Время, однако, показало, что критики были неправы: конкурентная среда в КНР значительно окрепла, наблюдался стабильный рост ВВП, экспорта и доходов населения. Инфляция и курс юаня остались под эффективным контролем³⁵. Поэтому к участию в ТПП Китай должен отнестись прагматично. По мнению экспертов, ТПП, по своей сути, созвучно с философией торговой либерализации в рамках АТЭС, к чему Китай также давно стремился. В этой связи, если Китай полностью проигнорирует американский концепт, создается риск его «маргинализации» в АТР³⁶.

Тема ТПП в связи с ратификацией этого соглашения активно обсуждалась в ходе предвыборной кампании США 2016 года. Перспективы ратификации этого соглашения остаются весьма сложными при нынешнем составе Конгресса США. Президент Б. Обама – активный сторонник соглашения, в безуспешной попытке добиться ратификации соглашения выступил со статьёй в *New York Times* в которой в беспрецедентно недипломатичной форме призвал американских законодателей выступить в поддерж-

ку ТПП. Б. Обама мотивировал это в первую очередь тем, что опираясь на ТПП именно США, а не Китай будет определять правила игры в экономике XXI века. Оба кандидата в президенты Д. Трамп и Х. Клинтон высказались против ратификации соглашения, причём последняя сделала это, несмотря на то, что на посту Госсекретаря в свой время работала на достижение этого соглашения, не ставя под вопрос его соответствие интересам Америки.

Несмотря на активные усилия администрации ратифицировать соглашение при Б. Обаме не удалось. Победивший на выборах Д. Трамп вскоре после избрания подтвердил своё стойкое намерение «вывести» страну из ТПП. Американское участие в ТПП было приостановлено для лучших времен, администрация Президента Д. Трампа намеревается сначала «перезапустить» американскую экономику, а затем «перезаключить» двусторонние торгово-экономические соглашения на более выгодной для себя основе. Параллельно участники ТПП объявили о том, что они будут продвигать этот проект без США. Как будет развиваться этот процесс, чреватый многими системными последствиями как для экономики США, так и положения в АТР в целом, покажет время³⁷.

Китайский проект «Один пояс один путь»: американский аспект

Инициатива «Экономический пояс шёлкового пути» (далее в тексте ЭПШП или «Шёлковый путь»), выдвинутая Китаем в 2013 году, в существенной степени явилась геоэкономической внешнеполитической рефлексией, своего рода «ответом» Китая на американский концепт ТПП.

Хотя инициатива ЭПШП имеет и полновесную «внутреннюю» мотивацию, взаимосвязь между концептами ЭПШП и ТПП очевидна.

³⁷ Труш С. Американский проект Транстихоокеанского партнерства и Китай // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174> [Trough S. Amerikanskii proekt Transtikhookeanskogo partnerstva i Kitai (American Project of Trans-Pacific Partnership and China) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174>]

³⁵ Ibid.

³⁶ Li Xiangyang. Trans-Pacific Partnership Agreement: A Major Challenge to China's Rise // *International Economic Review*, 2012, No. 02; Li Xiaoyu, Wang Qiang. The Trans-Pacific Partnership (TPP): New Developments and China's Response / China Institute of International Studies. Jun. 3, 2013. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/english/2013-06/03/content_6000336.htm; An Gang. Rational Response to US Shift / *Beijing Review*. January 4, 2013; Jeffrey J.Schott. The Trans-Pacific Partnership: Whither China? Mode of access: http://www.dragon-report.com/Dragon_Report/Home/Entries/2013/1/7_The_Trans_Pacific_Partnership_Whither_China.html

Как известно проект ЭПШП был повесно запущен в марте 2013 года, когда Пекин обнаружил пространственный программный документ³⁸, призванный концептуализировать и наполнить большей конкретикой суть тех инициатив экономического сотрудничества, которые китайское руководство озвучивало несколько раньше.

Названный «дорожной картой», он представляет собой достаточно эластичный и декларативный нарратив, выдержанный скорее в жанре декларации о намерениях. Намерения выглядят весьма позитивно и привлекательно: «расширяющиеся горизонты глобализации», «гармонизация экономических интересов», «свобода обмена информацией», «инвестиции в будущее». В документе подчёркивается, что основным содержанием проекта станут проекты инфраструктурного характера – транспорт, логистические цепочки и коридоры, энергетические системы, связь, экологические проекты.

Почти параллельно с объявлением инициативы ЭПШП, Пекин объявил о создании Азиатского Банка Инфраструктурных Инвестиций (АИИБ), задуманного как структура параллельная Всемирному Банку, отцентрированная на Китае и ориентированная в первую очередь на инфраструктурные проекты Азии. АИИБ замыслился как многосторонний банк развития по образцу аналогичных западных финансовых институтов, функционирующий в рамках Бреттон-Вудской финансовой системы. Несмотря на то, что формально АИИБ не является частью или институтом проекта ЭПШП, в Пекине было объявлено, что этот банк возьмёт на себя финансирование проектов ЭПШП, хотя и не будет единственным, кто возьмёт на себя это финансирование. Помимо АИИБ такое финансирование будет предоставлять и внутрикитайский «Фонд Шёлкового пути» Это даёт основание рассматривать инициативу ЭПШП и создание АИИБ как единый проект. Ответственными китайскими лицами и органами делаются заявления о предпо-

лагаемых инвестициях, связанных с этим проектом. Фигурируют суммы вплоть до 600 млрд долларов таких предполагаемых инвестиций.

По прошествии уже двух лет стало ясно, что проекту ЭПШП в Пекине придают растущее и системобразующее значение в комплексе внешнеполитических и геоэкономических программ КНР на ближайшую и отдалённую перспективу. С ЭПШП всё теснее персонально связывают Си Цзинпина, а также его не менее значимый внутренний установочный концепт – реализацию «китайской мечты».

Отбрасывая декларации, в чём основное содержание и «сверхзадача» китайского мегапроекта? Какие существенные внутренние, геоэкономические и макрополитические мотивации за ним стоят? Если говорить об ЭПШП в широком ракурсе, его сверхзадача вероятно заключается в фиксации и выдвижении Китая как одного из центров, ядер, ключевых зон планетарной глобализации, в продвижении своих правил игры в этом объективном процессе. В дополнение к существующим на данный момент сильным сторонам КНР относительно других ключевых зон экономического роста – в наличии финансовых ресурсов, обширного рынка мотивированной рабочей силы, при наличии рационально выстроенной, апробированной временем и адекватной национальной культуре стратегии экономики, при наличии мощнейшей и неуклонно модернизирующейся промышленной базы, в контексте совершенствующейся системы адсорбции и маркетизации современных технологий – программа ЭПШП ставит своей целью оптимизировать и «заточить» на Китай прилегающее к нему геоэкономические зоны и логистические траектории. В Китае, как в своего рода «чёрной дыре» планетарной глобализации, по замыслу авторов концепта, будет фокусироваться экономическая мощь, наблюдаться максимальная концентрация конкурентных преимуществ.

Такая цель представляется вполне оправданной, проистекающей из логики мировой экономической конкуренции. Китайская мировая фабрика в условиях уплотняющегося соперничества, в первую очередь с

³⁸ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Mode of access: http://en.drc.gov.cn/2015-10/13/content_22216936.htm

США, не может сохранять и углублять свои внешние рынки и ресурсную базу, не работая, не совершенствуя, не видоизменяя их, не оптимизируя логистику своего доступа к ним. Такая работа в свою очередь невозможна без обеспечения комплексной безопасности околосредиземноморского пространства, а любая безопасность наиболее прочна, долговременна и необратима при создании «в регионах» стимулов к взаимозависимости, региональной координации, глобализации. Ставится задача и решить проблему «избыточных мощностей» (*overcapacity*), мировой китайской фабрики. Эта проблема существует вследствие необходимости перманентной адаптации колоссальных мощностей экспортноориентированного производства КНР к колеблющемуся мировому рынку, в условиях пока недоразвитости рынка внутреннего. Этим основным задачам и служит пока аморфная по конкретному наполнению, но очевидная по целеполаганию программа ЭПШП.

Страна, вовлечённая в глобализационный процесс не в качестве «центральной», получает в ходе него разнонаправленное – и стимулирующее и сдерживающее, ограничивающее влияние «ядра». Становясь активным участником глобализации, участвуя в международном разделении труда периферийная страна неизменно «подтягивается» к уровню «центральных» стран технологически, адаптируется к ним институционально, испытывает их социально-политическое, идеологическое, культурно-ценностное воздействие. Говоря предметно, участвуя в совместных производственных цепочках с фирмами КНР, в идеале выходя на совместное производство и сбыт, включая третьи страны, например – смартфонов, ноутбуков или широкофюзеляжных самолётов, любая страна потенциально и неизбежно обогатится китайскими фундаментальными и прикладными технологиями, моделями менеджмента, схемами логистики. Но это во многом, будет определяться тем, какую нишу она как периферийный партнёр займёт в данной производственной цепочке. Будет ли эта ниша продвинутой – например на уровне процессоров или материнских плат создаваемого компьютера – либо огра-

ничится штамповкой пластикового корпуса или отдельных микросхем.

При ужесточающейся и уплотняющейся глобальной конкуренции, страны занимают те ниши в международном разделении труда, которые адекватны их возможностям, представляют их «сильные стороны» на данный момент. Выигрывают те страны, которые по сравнению со своими конкурентами более продуктивны в конкретной области, либо контролируют больший объём ресурсов, либо обладают специальными возможностями, либо геоэкономически выигрышно расположены.

Характерной чертой проекта ЭПШП является его трансрегиональный, а по сути глобально ориентированный формат. Основными региональными зонами, на которые нацеливается ЭПШП является Центральная Азия (пояс «Шёлковый путь»), Юго-Восточная и Западная Азия (в форме Морского Шёлкового пути) и Пакистана (в форме Экономического коридора Китай – Пакистан). Эти три направления обозначают зоны наибольшего китайского интереса и наиболее крупные потенциальные инвестиции. При этом ЭПШП не ограничивает себя исключительно поясом сопредельных Китаю стран. Он включает в себя ряд промежуточных (*transit*) регионов и стран: Центральная и Восточная Европа, Южный Кавказ, Турция и Ближний Восток. Особое место занимает в китайском концепте Россия. ЕС, в целом, представляет собой основную цель «транспортной» составляющей проекта, включая создание инфраструктурных выходов (*connections*) между Китаем и рынками Европы. Более того, некоторые наблюдатели указывают на возможность создания ответвления «Шёлкового пути» к Латинской Америке.

Выдвигаемый Китаем географический ареал проекта таков, что к участию в ЭПШП приглашаются практически все заинтересованные страны. О масштабности проекта ЭПШП говорит и состав участников АИИБ, к которому на данный момент уже подключились 57 стран.

Ключевыми географическими регионами, «подпадающими» в формат ЭПШП названы практически вся Азия, Европа, Африка. Фокусными зонами фигурируют Центральная Азия, Россия, страны АСЕАН,

Монголия, Мьянма, Индия, Пакистан, Непал, регион Персидского залива, Западная Азия. Такая географическая «широта» выводит инициативу ЭШПП далеко за рамки «Шёлкового пути» как такового: даже в самом расширительном его толковании. Африка и АСЕАН – это далеко не «Шёлковый путь» в любой из его исторических версий³⁹.

Между тем, в установочных официальных документах по ЭШПП абсолютно не фигурируют США, Япония, Южная Корея, лишь вскользь Австралия. Возникает вопрос – если в концепции ЭШПП, рассматривается, причём весьма активно африканское, индийское, западно-азиатское направление, то почему не включать в китайскую концепцию глобализации эти, мягко говоря, далеко не заштатные для мировой экономики страны и зоны. Почему не распространить на них инициативу, «олицетворяющую собой стремление к многополярному миру, экономической глобализации и культурному своеобразию ... ориентированному на поддержание на глобальном уровне режима свободной торговли, открытой экономики и региональной кооперации»⁴⁰? Если сам термин «Шёлковый путь» весьма условен и расширительно понимаем, почему не отбросить этот термин совсем, но включить в концепцию развития эти значимые страны?

Ответ лежит на поверхности: ЭШПП мыслится его создателями как китайская рефлексия, противовес американскому очагу глобализации, а американские инициативы по структурированию глобализационных процессов под эгидой США – в первую очередь тихоокеанская инициатива ТТП и атлантическая ТТИП – как конкурирующие или даже конфронтующие форматы.

ЭШПП выдвигается Китаем скорее как некая «идеальная модель», «философия» глобализации, чем какой-то институциональный механизм.

³⁹ Об этом, в частности, и оговариваются авторы китайской концепции, косвенно признавая что «Шёлковый путь» здесь скорее удачно найденный историко-политический «бренд».

⁴⁰ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road / DRC, 2013. Mode of access: http://en.drc.gov.cn/2015-10/13/content_22216936.htm

При ужесточающейся и уплотняющейся глобальной конкуренции, страны занимают те ниши в международном разделении труда, которые адекватны их возможностям, представляют их «сильные стороны» на данный момент. Выигрывают те страны, которые по сравнению со своими конкурентами более продуктивны в конкретной области, либо контролируют больший объём ресурсов, либо обладают специальными возможностями, либо геоэкономически выигрышно расположены. В этой связи участникам даже «зонтичной структуры» Китая в форме ЭШПП будет трудно рассчитывать на финансирование тех инфраструктурных проектов которые, будучи геоэкономически значимыми для стран-участников в формате национальной экономики, мало интересны или перспективны китайским инвесторам с точки зрения «затачивания» транспортных коридоров на Китай.

Глобализация предполагает и такой момент как «возделывание», «культивацию» рынка». Для того, чтобы потребительский рынок в конкретной периферийной стране увеличивался и углублялся, «центровая» страна должна в него инвестировать. Если это рынок стратегический, если конкуренция за него носит принципиальный характер, «ядро» неизбежно должно участвовать в перманентном «апгрейде» потребителя, поддержании и развитии соответствующей инфраструктуры в его ареале (дорог, энергетических и информационных сетей, жилья, образования и т.д.). Африканский рынок, например, пока бесперспективен для дорогих автомобилей с обширной электронной начинкой, которые, кстати сказать можно продавать лишь потребителям с определённым уровнем дохода, компьютеризации, образования. А вот российский в этом плане уже перспективен, в том числе и для китайских компаний. Работа с «качеством потребителя» также позитивно сказывается на «подтягивании» уровня «нецентральной» экономики.

Наконец, говоря об очевидных плюсах глобализации для всех стран, следует отметить и такой фактор, как рост общей международной, социальной, стратегической взаимозависимости вовлечённых стран. Перефразируя известную максиму относительно

но демократии, можно сказать, что глубоко глобализированные экономики «не воюют друг с другом». По меньшей мере уровень острого политического конфликта между ними существенно «демпфируются» взаимными макроэкономическими интересами. Включаются интересы, «лобби», механизмы компромисса. Например, для России и Китая, двух крупных континентальных соседей со сложной структурой внешнеполитических интересов и непростой историей взаимоотношений, значение наращивания взаимозависимости позитивно и его трудно переоценить. Тот факт, например, что российский энергетический комплекс будет всё больше вовлечён в экономику КНР, китайские компании сильно вложатся в транспортную инфраструктуру РФ, или Россия будет становиться важным логистическим и транспортным звеном во взаимодействии Китая с Европой несомненно приведёт к большей устойчивости российско-китайских отношений. Однако то обстоятельство, что предполагаемая Китаем экономическая «инициатива», как теперь трактуют ЭПШП китайские официальные лица, не включает в свой ареал США и ведущие экономики АТР, скорее всего будет вызывать новые разграничительные линии в и без того насыщенный конфликтами регионе.

* * *

Говоря о неясностях и рисках, которые могут встать перед любой страной в процессе включения в региональное или глобализационное взаимодействие с Китаем в качестве центральной страны следует отметить следующее важное обстоятельство. Оно касается степени устойчивости КНР как глобализационного ядра. При всех неоспоримых экономических достижениях и активном росте последних десятилетий, сам Китай – как экономический актор и как социум – не застрахован от внутренне мотивированных затруднений, снижения темпов роста, вплоть до глубокого системного кризиса и социально-политического коллапса. То обстоятельство, что китайское экономическое «чудо», основанное на таких факторах, как обширный и контролируемый (пока) демографический массив, дешёвизна труда, конфуцианская трудовая и социальная этика, адекватная экспортоориентированная стратегия, относи-

тельно благоприятствующая мировая обстановка реализовалось в последние три-четыре десятилетия отнюдь не является гарантией-индальгенцией на будущее.

Нестабильность, циклическое изменения в действии одного или нескольких из отмеченных факторов может поставить будущность поступательного развития страны под сомнение. Присутствие в китайском досье таких тревожащих характеристик, как серьёзные диспропорции в доходах (по коэффициенту Джини страна занимает неутешительное место мире) неравномерная социальная поддержка для разных групп населения, застой в реформе политической системы, серьёзные внутриэлитные разногласия в политическом классе КНР, в том числе и в вопросе о макроэкономических ориентирах развития страны, должны быть учтены во всей своей полноте. Перенос акцента в экономической стратегии с экспортоориентированности на внутренний рынок, удорожание стоимости рабочей силы, рецессионное торможение потребительской активности на мировом рынке, проблема занятости, стремительного старения населения как результат политики сокращения рождаемости, усложнение управляемости населения в век информационных технологий – все эти факторы могут дать непредсказуемый кумулятивный эффект на экономику и стабильность политической системы КНР.

Справедливости ради надо отметить, что риски экономического торможения существуют в любой современной мегаэкономике, включая и китайскую, и американскую, и японскую, и индийскую и любую другую; при совокупности складывания негативных факторов, вероятность цепной реакции и их кумулятивного эффекта трудно прогнозируема. Однако, чем больше по масштабу, демографии, чем разнообразнее по условиям и методам управления национальная экономика, тем при современных глобализированных рисках она труднее управляема и прогнозируема. Китайская экономика в этом плане – одна из наиболее сложно управляемых. Учёт этих рисков должен быть обязателен для любой страны-партнёра КНР, тем более в таком стратегическом и долгосрочном процессе, какой постулирует программа «Шёлковый путь».

Литература:

Загаивили В. О переговорах в рамках Транс-Тихоокеанского партнерства. Актуальный комментарий. ИМЭМО, 2013. Режим доступа: www.imemo.ru/publ.html?fiо=44

Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Хуа Чуньин. 22 апреля 2013 г. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t1035220.shtml>

Рогов С. Доктрина Обамы: властелин двух колец / РСМД. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1748#top

Труш С. Американский проект Транстихоокеанско-го партнерства и Китай // *Международная жизнь*. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174>

Экономическое обозрение: вероятность присоединения Китая к переговорам вокруг ТТП в ближайшей перспективе невелика. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31518/8277616.html>

An Gang. Rational Response to US Shift / Beijing Review. January 4, 2013.

An Opportunity to Strengthen U.S.-China Ties // *Wall Street Journal*. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323899704578587843623571334>

Annual Report to Congress U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2016. Pp. 44-46. Mode of access: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/Annual_Report/Chapters/Chapter%201%2C%20Section%201%20-%20Year%20in%20Review%20-%20Economics%20and%20Trade.pdf

Bergsten, F. Competitive Liberalization and Global Free Trade: A Vision for the Early 21st Century / Working Paper 96-15. Peterson Institute of International Economics, 1996. Pp. 3-4.

Bhagwati, J. Time for Rethink. Millenium Development Goals, 2014. P. 15. Mode of access: <http://www.columbia.edu/~jb38/papers/pdf/Time%20for%20a%20Rethink.pdf>

Bilateral Investment Treaties: What They Are and Why They Matter / The US-China Business Council. Mode of access: <https://www.uschina.org/reports/bilateral-investment-treaties-what-they-are-and-why-they-matter>

China's Approval Process for Inbound Foreign Direct Investment. US Chamber of Commerce, 2012. P.29. Mode of access: https://www.uschamber.com/sites/default/files/legacy/reports/020021_China_InvestmentPaper_hires.pdf

China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States / Congressional Research Service. Pp. 16-17. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf>

China's Holdings of U.S. Treasuries Fall to Lowest Since '13. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-16/china-s-holdings-of-treasuries-fall-to-lowest-level-since-2013>

China-U.S. Trade Issues / Congressional Research Service. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf>

Foreign Direct Investment in the United States. P. 7. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/2013fdi_report_-_final_for_web.pdf

Jeffrey J.Schott. The Trans-Pacific Partnership: Whither China? Mode of access: http://www.dragon-report.com/Dragon_Report/Home/Entries/2013/1/7_The_Trans_Pacific_Partnership_Whither_China.html

Job creation seen as key to China's investment in U.S. // *Washington Post*, January 19, 2011. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/01/18/AR20110118066676.html>.

Li Xiangyang. Trans-Pacific Partnership Agreement: A Major Challenge to China's Rise // *International Economic Review*, 2012, No. 2.

Li Xiaoyu, Wang Qiang. The Trans-Pacific Partnership (TPP): New Developments and China's Response / China Institute of International Studies. Jun. 3, 2013. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/english/2013-06/03/content_6000336.htm

Major Foreign Holders of U.S. Treasury Securities / Statista.com, August 2016. Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/246420/major-foreign-holders-of-us-treasury-debt/>

Ministry of Commerce of People's Republic of China: China, South Korea, Japan Start 4th FTA. Mode of access: <http://english.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/euroreport/201403/20140300507013.shtml>

Remarks by Ambassador Michael Froman to AmCham China and the U.S. Chamber of Commerce / USTR, April 27, 2015. Mode of access: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/speechestranscripts/2015/april/remarksambassador-michael>

Suntech Power Holdings Files for Chapter 15 Bankruptcy Protection // *The Wall Street Journal*, 24 February, 2014. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304610404579403444220271228>

The Importance of China to the US Economy / US-China Business Council. Mode of access: https://www.uschina.org/sites/default/files/Market_Importance.pdf

The Trans-Pacific Partnership (TPP). Negotiations and Issues for Congress / Congressional Research Service, June 14, 2016. P. 19. Mode of access: <http://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf>

Troush S. Amerikanskii proekt Transtikhookeanskogo partnerstva i Kitai (American Project of Trans-Pacific Partnership and China) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1174>

Trans-Pacific Partnership not Best Way forward for China at Present. Mode of access: <http://www.globaltimes.cn/content/863864.shtml>

U.S.-China Trade Facts. Office of the United States Trade Representative. Mode of access: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>

Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Mode of access: http://en.drc.gov.cn/2015-10/13/content_22216936.htm

Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road / DRC, 2013. Mode of access: http://en.drc.gov.cn/2015-10/13/content_22216936.htm

Why the TPP is the Linchpin of the Asia Rebalance. Brookings Institution, July 28, 2015. Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/07/28/why-the-tpp-is-the-linchpin-of-the-asia-rebalance/>

Zhang Monan. China's Cold Eye on Hot Money. New York, NY: Project Syndicate, June 10, 2013. Mode of access: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-newrules-for-managing-cross-border-capital-flows-by-zhang-monan>

中国今年对美投资将达到300亿美元. Mode of access: <http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c/2016-09-26/doc-ixfwewmc5492575.shtml>; 中国对美投资有大幅增长潜力.

Mode of access: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201610/10/t20161010_16581167.shtml

中国对外贸易环境与贸易摩擦研究报告 2015 专著 (Report on China's Foreign Trade Environment and Trade Friction) 北京 : 中国人民大学出版社, 2015. P. 75.

中国对外贸易环境与贸易摩擦研究报告 2015 专著 (Report on China's Foreign Trade Environment and Trade Friction) 北京 : 中国人民大学出版社, 2015. Pp. 16, 18, 53.

安邦集团全球招聘活动. Mode of access: http://www.anbanggroup.com/jobs/campus_recruitment_oversea.html; 友财网/ *China Digital Times*. Mode of access: <http://chinadigitaltimes.net/chinese/2016/01/%E5%8F%8B%E8%B4%A2%E7%BD%91%E7%BD%9C%E5%B2%9A%E7%94%B0%E7%BC%9A%E5%B1%80%E4%B8%AD%E5%B1%80%E7%BC%8D%E5%AE%89%E9%82%A6%E5%A4%A7%E8%B5%B7%E5%BA%95/>

美国对华贸易政策的决策机制和形成因素 : 基于贸易政策政治经济学的理论和经验研究 (U.S. Trade Policy Towards China: Policy Making and Its Determinants) / 王孝松著 ; 北京大学出版社, 2013. Pp. 7, 34-35.

进口国通关成本对中国出口的影响. Mode of access: http://ejournal.iwep.org.cn/index.php?optionid=978&method=letters&auto_id=2865

References:

An Gang. Rational Response to US Shift / Beijing Review. January 4, 2013.

An Opportunity to Strengthen U.S.-China Ties // *Wall Street Journal*. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323899704578587843623571334>

Annual Report to Congress U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2016. Pp. 44-46. Mode of access: http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/Annual_Report/Chapters/Chapter%201%2C%20Section%201%20-%20Year%20in%20Review%20-%20Economics%20and%20Trade.pdf

Bergsten, F. Competitive Liberalization and Global Free Trade: A Vision for the Early 21st Century / Working Paper 96-15. Peterson Institute of International Economics, 1996. Pp. 3-4.

Bhagwati, J. Time for Rethink. Millenium Development Goals, 2014. P. 15. Mode of access: <http://www.columbia.edu/~jb38/papers/pdf/Time%20for%20a%20Rethink.pdf>

Bilateral Investment Treaties: What They Are and Why They Matter / The US-China Business Council. Mode of access: <https://www.uschina.org/reports/bilateral-investment-treaties-what-they-are-and-why-they-matter>

China's Approval Process for Inbound Foreign Direct Investment. US Chamber of Commerce, 2012. P.29. Mode of access: https://www.uschamber.com/sites/default/files/legacy/reports/020021_China_InvestmentPaper_hires.pdf

China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States / Congressional Research Service. Pp. 16-17. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf>

China's Holdings of U.S. Treasuries Fall to Lowest Since '13. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-16/china-s-holdings-of-treasuries-fall-to-lowest-level-since-2013>

China-U.S. Trade Issues / Congressional Research Service. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf>

Economic Overview: The Possibility of China Joining TPP in Short-Term is Low. Mode of access: <http://russian.people.com.cn/31518/8277616.html>

Foreign Direct Investment in the United States. P. 7. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/2013fdi_report_-_final_for_web.pdf

Jeffrey J.Schott. The Trans-Pacific Partnership: Whither China? Mode of access: http://www.dragon-report.com/Dragon_Report/Home/Entries/2013/1/7_The_Trans_Pacific_Partnership_Whither_China.html

Job creation seen as key to China's investment in U.S. // *Washington Post*, January 19, 2011. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/01/18/AR20110118066676.html>

Li Xiangyang. Trans-Pacific Partnership Agreement: A Major Challenge to China's Rise // *International Economic Review*, 2012, No. 2.

Li Xiaoyu, Wang Qiang. The Trans-Pacific Partnership (TPP): New Developments and China's Response / China Institute of International Studies. Jun. 3, 2013. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/english/2013-06/03/content_6000336.htm

Major Foreign Holders of U.S. Treasury Securities / Statista.com, August 2016. Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/246420/major-foreign-holders-of-us-treasury-debt/>

Ministry of Commerce of People's Republic of China: China, South Korea, Japan Start 4th FTA. Mode of access: <http://english.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/euro-report/201403/20140300507013.shtml>

Remarks by Ambassador Michael Froman to AmCham China and the U.S. Chamber of Commerce / USTR, April 27, 2015. Mode of access: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/speeches/transcripts/2015/april/remarksambassador-michael>

Rogov, C. Doktrina Obamy: vlastelin dvukh kolets (Obama's Doctrine: The Lord of Two Rings) / RSMD. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1748#top

Suntech Power Holdings Files for Chapter 15 Bankruptcy Protection // *The Wall Street Journal*, 24 February, 2014. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304610404579403444220271228>

The Importance of China to the US Economy / US-China Business Council. Mode of access: https://www.uschina.org/sites/default/files/Market_Importance.pdf

The Trans-Pacific Partnership (TPP). Negotiations and Issues for Congress / Congressional Research Service, June 14, 2016. P. 19. Mode of access: <http://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf>

Trans-Pacific Partnership not Best Way forward for China at Present. Mode of access: <http://www.globaltimes.cn/content/863864.shtml>

U.S.-China Trade Facts. Office of the United States Trade Representative. Mode of access: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>

Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Mode of access: http://en.drc.gov.cn/2015-10/13/content_22216936.htm

Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road / DRC, 2013. Mode of access: http://en.drc.gov.cn/2015-10/13/content_22216936.htm

Why the TPP is the Linchpin of the Asia Rebalance. Brookings Institution, July 28, 2015. Mode of access: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/07/28/>

why-the-tpp-is-the-linchpin-of-the-asia-rebalance/
Zagashvili, V. O peregovorakh v ramkakh Trans-Tikhookeanskogo partnerstva (On Negotiations within TPP). Aktual'nyi kommentarii. IMEMO, 2013. Mode of access: www.imemo.ru/publ.html?fi=44

Zhang Monan. China's Cold Eye on Hot Money. New York, NY: Project Syndicate, June 10, 2013. Mode of access: http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-newrules-for-managing-cross-border-capital-flows-by-zhang-monan

中国今年对美投资将达到300亿美元. Mode of access: http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c/2016-09-26/doc-ixfwewmc5492575.shtml; 中国对美投资有大幅增长潜力. Mode of access: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201610/10/t20161010_16581167.shtml

中国对外贸易环境与贸易摩擦研究报告 2015 专著 (Report on China's Foreign Trade Environment and Trade Friction) 北京 : 中国人民大学出版社, 2015. P. 75.

中国对外贸易环境与贸易摩擦研究报告 2015 专著 (Report on China's Foreign Trade Environment and Trade Friction) 北京 : 中国人民大学出版社, 2015. Pp. 16, 18, 53.

安邦集团全球招聘活动. Mode of access: http://www.anbanggroup.com/jobs/campus_recruitment_oversea.html; 友财网/China Digital Times. Mode of access: http://chinadigitaltimes.net/chinese/2016/01/%E5%8F%8B%E8%B4%A2%E7%BD%91%EF%BD%9C%E5%B2%9A%E7%94%B0%EF%BC%9A%E5%B1%80%E4%B8%AD%E5%B1%80%EF%BC%8D%E5%AE%89%E9%82%A6%E5%A4%A7%E8%B5%B7%E5%BA%95/

美国对华贸易政策的决策机制和形成因素 : 基于贸易政策政治经济学的理论和经验研究 (U.S. Trade Policy Towards China: Policy Making and Its Determinants) / 王孝松著 ; 北京大学出版社, 2013. Pp. 7, 34-35.

进口国通关成本对中国出口的影响. Mode of access: http://ejournal.iwep.org.cn/index.php?optionid=978&method=letters&auto_id=2865

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-52-71>

CHINA-USA ECONOMIC RELATIONS: BILATERAL TIES AND MULTILATERAL ECONOMIC PROJECTS

Sergei M. Trough

Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 15 December 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 15 May 2017</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the study of problematic issues of the change of US-China trade is going up notwithstanding the slowdown of Chinese economy. Those US firms who placed production in China became more involved into Chinese internal market. Chinese investments into US prevail over the US investments in China. The decisions of the Chinese leadership to set up the new market priorities in the economic development are implemented with obvious difficulties, but being implemented, could stimulate US-China ties.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Leading Research Fellow, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: stroush@mail.ru</p>	
<p>Key words: US – China relations, investments in China, investments in US, holdings of US securities, WTO, antidumping investigations, Transpacific partnership, One Belt – One Road</p>	

Для цитирования: Труш М.С. Отношения КНР и США в экономической сфере: двусторонние связи и многосторонние экономические проекты // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 52-71.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-52-71

For citation: Trough, Sergei M. Otnosheniia KNR i SShA v ekonomicheskoi sfere: dvustoronnie sviazi i mnogostoronnie ekonomicheskie proekty (China-USA Economic Relations: Bilateral Ties and Multilateral Economic Projects) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 52-71.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-52-71

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША-МЛ. И ПЕРВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ (2001–2012 гг.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Фёдор Дмитриевич Соловей

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 28 декабря 2016 Принята к печати: 19 мая 2017</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена анализу политики двух президентов Соединенных Штатов Дж. Буша-мл. (2001–2008 гг.) и Б. Обамы (его первая администрация, 2009–2012 гг.) в отношении Российской Федерации и ее ближайших соседей – стран СНГ. Подробно рассматриваются основные вехи проводимой политики, цели, формы, методы и достигнутые результаты. Автор выделяет и анализирует основные причины общего ухудшения двусторонних отношений в период президентства Дж. Буша-мл., а также рассматривает положительные результаты проводимой первой администрацией Б. Обамы политики «перезагрузки», констатируя в то же время ее объективную ограниченность и сохранение противоречий по ряду значимых вопросов. Политика Соединенных Штатов в отношении России и других стран постсоветского пространства рассматривается в общем контексте базовых внешнеполитических установок неоконсервативной республиканской администрации Дж. Буша-мл. и демократической администрации Б. Обамы. Автор приходит к выводу, что в целом политика демократов в отношении РФ и других стран региона была более разумной, гибкой и эффективной и позволила Соединенным Штатам за счет смягчения риторики и ряда незначительных уступок вернуть отношения с Россией в русло конструктивного сотрудничества и получить от Москвы помощь по всем ключевым для себя вопросам. Однако к концу 2012 г. наметился ряд негативных тенденций, которые получили свое развитие в период нахождения в Белом доме уже второй администрации Б. Обамы. Постсоветское пространство осталось в отношениях между двумя странами потенциальным «полем боя», что позже вылилось в продолжающийся по сей день крымско-украинский кризис.</p>
<p>Об авторе: аспирант, Кафедра истории стран ближнего зарубежья, Исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: f.d.solovey@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Россия, США, Дж. Буш-мл., Б. Обама, американо-российские отношения, «перезагрузка», постсоветское пространство, НАТО, Договор СНВ-3</p>	

Период пребывания у власти в США второй администрации президента Б. Обамы (2009–2017 гг.) характеризуется, помимо прочего, резким обострением отношений между Соединенными Штатами и Российской Федерацией. За последние 4 года были сведены на нет многие позитивные результаты политики «перезагрузки», проводимой демократами в 2009–2012 гг.

Особенно значительный рост напряженности произошел в начале 2014 г. в связи с присоединением Крыма к РФ (практические единодушно воспринятом на Западе как аннексия части территории суверенного государства) и началом военного конфликта

на Востоке Украины, где местные активисты провозгласили образование ориентированных на Россию Донецкой и Луганской народных республик. За этими событиями последовало радикальное ужесточение риторики с обеих сторон, санкционная война, прекращение сотрудничества во многих сферах. Вмешательство РФ в военный конфликт в Сирии с осени 2015 г. привело к дальнейшему ухудшению отношений между Россией с одной стороны, и США и их европейскими союзниками – с другой.

По мнению многих политиков, экспертов, общественных деятелей, две ведущие ядерные державы осенью 2016 г. фактиче-

ски находились в состоянии новой «холодной» войны, чего не наблюдалось даже в ходе российско-грузинского конфликта в августе 2008 г.

Вопрос о том, какие факторы привели к такому серьезному нарастанию противоречий в отношениях между двумя странами и что могло бы поспособствовать разрядке напряженности, имеет не только теоретическое, но и большое прикладное значение. Соединенные Штаты сохраняют статус мирового лидера по экономической и военной мощи. Россия, хотя и утратила в начале 1990-х гг. роль второй сверхдержавы, сохраняет ядерный паритет с США и остается вторым в мире государством по совокупному военному потенциалу. Мир, стабильность и дальнейшее гармоничное развитие международных отношений возможны только в случае возвращения взаимодействия между двумя странами в русло конструктивного сотрудничества хотя бы по ключевым вопросам повестки дня.

Для более корректного понимания глубинных причин возникших противоречий представляется целесообразным углубиться в историю и проследить политику США в отношении России при двух последних президентах – Дж. Буше-мл. (2001–2008 гг.) и Б. Обаме (2009–2016 гг.). Во втором случае будет рассмотрена деятельность только первой администрации (2009–2012 гг.), так как подводить ее итоги еще рано.

Очевидно, что базовой причиной обострения отношений как при Дж. Буше-мл., так и при Б. Обаме являлись противоречия на постсоветском пространстве. Именно поэтому, помимо собственно американо-российских отношений, основное внимание в публикации будет уделено политике США в отношении ближайших соседей Российской Федерации и ее влиянию на взаимоотношения с самой РФ.

Американо-российские отношения в 1991–2000 гг.

Распад Советского Союза и ликвидация Организации Варшавского договора (ОВД) в 1991 г. привели к коренным изменениям в системе международных отношений. Со-

единенные Штаты Америки обрели статус безоговорочного мирового лидера практически по всем объективными и субъективным параметрам и взяли курс на достижение мирового господства и строительство однополярного мира.

При этом, вопреки ожиданиям и надеждам новой российской элиты, Вашингтон воспринимал Российскую Федерацию вовсе не как равноправного партнера в формировании нового мирового порядка, а как потерпевшего поражение в «холодной» войне противника, обязанного следовать в фарватере внешней политики США и создать внутривнутриполитическую и экономическую систему по американскому образцу (по аналогии с Германией и Японией после Второй мировой войны).

Хотя 1990-е гг. можно назвать периодом расцвета в отношениях между двумя странами, подобная разница в подходах уже к концу второго срока У. Клинтона привела к нарастанию напряженности. В 1999 г. неофициально руководимый Соединенными Штатами военный блок НАТО был расширен за счет включения сразу трех государств – бывших членов ОВД: Венгрии, Польши и Чехии. В том же году, вопреки протестам России, была начата «воздушная война» против Югославии. В результате этих и некоторых других факторов, уже в середине 1990-х гг. Российская Федерация начала постепенно отходить от безоговорочно проамериканского внешнеполитического курса, проводимого первым министром иностранных дел РФ А.В. Козыревым (1990–1996 гг.).

При этом в рассматриваемый период США по крайней мере использовали в отношении России благожелательную риторику и шли на уступки по второстепенным вопросам. В частности, в 1997 г. был подписан основополагающий акт Россия-НАТО, на базе которого начал свою работу Совместный постоянный совет (в 2002 г., уже при Дж. Буше-мл., после подписания Римской декларации на смену ему пришел Совет Россия-НАТО)¹. В том же году неофициаль-

¹ Совет Россия-НАТО: история создания и задачи. Справка / РИА Новости, 29.04.2009. Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20090429/169586050.html> [Sovet Rossiia-NATO: istoriia sozdaniia

ное объединение ведущих рыночных демократий «Большая семерка» было расширено до «Большой восьмерки» за счет включения России. Определенные успехи были достигнуты в сфере экономического и гуманитарного сотрудничества.

Ситуация начала меняться к худшему в 2000-е гг. после прихода к власти в Соединенных Штатах республиканской администрации Дж. Буша-мл.

Первая администрация Дж. Буша-мл. (2001–2004 гг.)

В 1997 г. видными американскими политологами У. Кристолом и Р. Кейганом была основана неправительственная организация Проект «Новый американский век» (далее – Проект)². В первом заявлении, где шло перечисление основных принципов и целей создания организации, было сказано, в частности, следующее: «В то время как XX век подходит к концу, США предстают перед нами главной и единственной мировой державой. Одержав победу в «холодной войне», Америка стоит перед лицом не только великих возможностей, но и перед великим вызовом: хватит ли у США решимости и сил создать Новый Век, согласно американским интересам и принципам?»³

Внешнеполитическая концепция движения включала в себя наращивание военной мощи Соединенных Штатов, упрочение

отношений с союзниками, борьбу с режимами, исповедующими враждебные ценности, распространение экономической и политической свободы, сохранение и укрепление подконтрольного США международного порядка. Лидеры и идеологи организации выступали за применение военной силы в любой точке земного шара в случае, если дипломатические методы и санкции окажутся неэффективными.

Помимо прочего, представители Проекта призывали президента, У. Клинтона силовым путем отстранить от власти иракского диктатора С. Хуссейна, чья деятельность якобы несла угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов, а также в одностороннем порядке выйти из подписанного в 1972 г. Договора по противоракетной обороне (ПРО)⁴.

Проводившая довольно умеренную и осторожную внешнюю политику администрация У. Клинтона критически относилась к большей части подобных предложений. Но в 2001 г., когда государство возглавил кандидат Республиканской партии Дж. Буш-мл., во многих вопросах программа Проекта «Новый американский век» стала восприниматься как реальное руководство к действию. Основу новой администрации составили так называемые неоконсерваторы – сторонники максимально жесткого и агрессивного курса во внешней политике, многие из которых являлись видными представителями Проекта. Именно их теоретические представления легли в основу американской внешней политики на ближайшие годы.

Ее стратегическая цель – укрепление глобального доминирования США – не изменилась по сравнению с периодом президентства У. Клинтона. Но в 1990-е гг. США стремились к мягкой форме лидерства, делая упор на мирную пропаганду эффективности своей экономической и политической модели (так называемое «лидерство примера»). Соединенные Штаты старались избегать односторонних силовых действий и явных нарушений норм международного права,

i zadachi. Spravka (NATO-Russia Council: History and Objectives) / RIA Novosti, 29.04.2009. Mode of access: <https://ria.ru/politics/20090429/169586050.html>

² Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991 – 2002) / Т.А. Шаклеина. – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. – 445 с. [Shakleina, T.A. Rossiya i SShA v novom mirovom poryadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvah Rossii i SShA (1991 – 2002) (Russia and the United States in new world order. Debates in Russian and American Political and Academic Communities (1991 – 2002)). Moscow: Institut SShA i Kanady RAN, 2002. 445 p.]

³ Statement of Principles / Project for the New American Century, 03.06.1997. Mode of access: <http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm>

⁴ Rebuilding America's Defenses / Project for the New American Century, September 2000. Mode of access: <http://newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses.pdf>

и пытались действовать с опорой на союзников, партнеров и авторитетные международные институты. Единственным явным отступлением от подобного подхода стала упомянутая выше военная операция против Югославии, начатая без санкции Совета Безопасности ООН, но тогда, по крайней мере, Вашингтон действовал при политической и военной поддержке ведущих союзников по НАТО.

Республиканская администрация Дж. Буша-мл. взяла на вооружение принципиально иной подход. Соединенные Штаты Америки начали работу по достижению статуса уже не лидера, которого прочие члены мирового сообщества поддерживают на добровольной основе, а надсистемного игрока – гегемона. Предполагались право практически неограниченного вмешательства во внутренние дела других государств и допустимость односторонних силовых действий, при необходимости даже вопреки международным нормам и воле мирового сообщества.

Вопреки давно сложившейся традиции, согласно которой республиканцы, как правило, демонстрируют более прагматичный и рациональный подход во внешней политике, нежели демократы, роль идеологического компонента в деятельности администрации Дж. Буша-мл. возросла до беспрецедентного масштаба. Одной из основополагающих целей внешней политики Вашингтона было заявлено всемерное распространение западных либерально-демократических ценностей, американской экономической и внутривластной модели. На практике такая деятельность зачастую шла вразрез с объективными национальными интересами страны.

Мощным идеологическим обоснованием для кардинального ужесточения внешнеполитического курса стала объявленная после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. «глобальная война против терроризма».

Забегая вперед, следует отметить, что общие итоги новой внешней политики оказались достаточно неудачными. К концу второго срока Дж. Буша-мл. Соединенные Штаты глубоко увязли в военных конфлик-

тах в Афганистане и Ираке (справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что операция в Афганистане, в отличие от иракской кампании, была начата в соответствии с нормами международного права и при поддержке большей части мирового сообщества). Военный бюджет США за 8 лет вырос в 2,5 раза и достиг колоссальной цифры в 700 млрд долларов в год (чуть меньше 50% от совокупных мировых военных расходов). По мнению многих наблюдателей, неадекватно высокие затраты на военную сферу и многочисленные внешнеполитические авантюры прямо ударили по благосостоянию рядовых американцев и явились одной из косвенных причин начавшегося в 2008 г. всемирного финансово-экономического кризиса.

И рейтинг самого Дж. Буша-мл. внутри страны, и репутация США в целом на международной арене достигли к 2008 г. рекордно низких показателей. Соединенные Штаты за период нахождения республиканцев у власти испортили отношения со многими ведущими странами мира, включая даже таких близких европейских союзников, как Франция и Германия. Одним из наиболее чувствительных провалов республиканской администрации в 2001–2008 гг. стали серьезно ухудшившиеся отношения с Российской Федерацией.

При этом негативные тенденции начали проявляться не сразу и коснулись в большей степени уже второго срока Дж. Буша-мл. После событий 11 сентября 2001 г. Россия выступила с безоговорочной поддержкой Соединенных Штатов, присоединилась к созданной ими международной антитеррористической коалиции и оказала всемерную (за исключением прямого военного вмешательства) поддержку проведению операции НАТО в Афганистане. На фоне борьбы с общим врагом просматривались очевидные перспективы для налаживания конструктивного диалога и установления если не союзнических, то, по крайней мере, тесных партнерских отношений. Однако помощь России была воспринята американской администрацией как должное. Более того, в скором времени последовал ряд шагов, которые были восприняты руководством РФ

как недружественные и идущие вразрез с национальными интересами Российской Федерации.

В 2002 г., игнорируя возражения России, Соединенные Штаты в одностороннем порядке объявили о выходе из Договора по ПРО, который в течение 30 лет фактически лежал в основе международной системы стратегической стабильности. На протяжении всего этого периода отношения между двумя ведущими ядерными державами базировались на принципе «взаимного гарантированного уничтожения», что практически исключало возможность прямой военной агрессии как с одной, так и с другой стороны. Несмотря на то, что формально планируемая американская система ПРО была направлена против единичных ядерных ударов со стороны Ирана и КНДР, этим решением США сделали серьезную заявку на слом существующего баланса сил и достижение в перспективе полной стратегической неуязвимости.

Практически сразу после этого Соединенные Штаты начали переговоры по дальнейшему расширению НАТО. В 2004 г. членами организации стали сразу семь стран, в том числе три прибалтийские республики, имеющие прямые границы с Россией. Ранее, даже в период «холодной» войны, такого значительного расширения НАТО никогда не было.

20 марта 2003 г. республиканская администрация приступила к осуществлению своей главной внешнеполитической авантюры за весь 8-летний период: под предлогом наличия у режима С. Хуссейна оружия массового поражения (далее – ОМП) и поддержки «Аль-Каиды» (позже стало ясно, что оба обвинения были сфабрикованы) США начали вторжение в Ирак. Операция началась без санкции Совета Безопасности ООН; более того, в отличие от войны против Югославии в 1999 г., из ведущих европейских союзников Соединенные Штаты заручились лишь поддержкой Великобритании, которая приняла непосредственное участие в военной операции. Германия и Франция поддержали позицию России, выступавшей категорически против начала войны. Американское руководство не придало возражениям никакого значения.

Подобное поведение на международной арене находилось в полном соответствии с внешнеполитической стратегией неоконсерваторов, согласно которой США должны действовать, исходя исключительно из собственных интересов, не сообразываясь с позицией международных организаций и отдельных государств, пусть даже наиболее влиятельных (тем более, после достаточно пассивной внешней политики в 1990-е гг. Россия не рассматривалась как сильное и влиятельное государство). Определенную настороженность во властных кругах Вашингтона вызвали и действия самой РФ. В 2000-е гг. в Российской Федерации произошла внутривластная стабилизация и начался постепенный экономический рост. Параллельно с этим Москва активизировала и свою внешнюю политику, уделяя основное внимание экономическим и военно-политическим интеграционным проектам на постсоветском пространстве. Под эгидой России в 2000 г. было образовано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), а в 2002 г. – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Хотя в тот период ни о каких претензиях на возвращение статуса второй сверхдержавы со стороны России не шло и речи, попытки Москвы установить свои правила игры хотя бы у собственных границ вызвали в американской администрации сначала непонимание, а потом и всё более жесткие шаги, направленные на противодействие имеющейся тенденции.

При этом в целом политика Соединенных Штатах в отношении бывших советских республик⁵ как в 1990-е гг., так и в начале 2000-х гг. была достаточно осторожной и не слишком активной. Главной причиной тому послужил тот факт, что в этот период сама Россия вела себя на международной арене достаточно пассивно и проводила вполне приемлемую для США политику, вследствие чего необходимости «окружать» ее лояльным Вашингтону государствами

⁵ В данном случае я не рассматриваю три прибалтийские республики, так как они не вошли в СНГ и сразу избрали исключительно прозападный курс, уже в начале 2000-х гг. успешно интегрировавшись в Европейский союз и НАТО.

не возникало. В рассматриваемый период сотрудничество Соединенных Штатов со странами СНГ главным образом сводилось к совместным военным учениям, а также к попыткам наладить экономическое сотрудничество и инвестициям в нефтегазовую сферу государств Каспийского региона.

Уже в этот период в качестве двух основных партнеров Соединенных Штатов на постсоветском пространстве начали оформляться Грузия и Украина. Руководство обеих стран с момента распада Советского Союза проводило наиболее прозападный курс из всех государств-членов СНГ; и Грузия, и Украина отказались принимать участие в инициированных Россией интеграционных проектах. Одной из причин такого подхода являлась угроза нарушения территориальной целостности (в первую очередь это касалось Грузии, для которой была совершенно неприемлема позиция РФ по вопросу непризнанных на тот момент республик – Абхазии и Южной Осетии).

С 1994 г. на территории Украины начали проводиться военные учения в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» с участием украинских и грузинских военнослужащих. В 1999 г. было принято постановление «О выполнении государственной программы сотрудничества между Украиной и НАТО на период до 2001 г.». В 2002 г. Соединенные Штаты начали перестройку вооруженных сил Грузии в рамках программы «Обучи и оснасти»⁶. Два года спустя начал действовать Индивидуальный план партнерства Грузии с НАТО.

Помимо возросшей самостоятельности и «нелояльности» России, причиной активизации американской политики на постсоветском пространстве послужил ряд объективных факторов. Во-первых, с началом военной операции в Афганистане США разместили в Центральной Азии две крупные военные базы – «Ханабад» в Узбекистане и «Манас» в Киргизии (первую, правда, пришлось закрыть в 2005 г. в связи с возникшим после

событий в Андижане дипломатическим кризисом в американо-узбекских отношениях). Таким образом, впервые в своей истории Соединенные Штаты добились прямого военного присутствия в географическом центре Евразийского материка, что было одной из ключевых стратегических целей еще со времен «холодной» войны. Республиканская администрация восприняла подобное положение дел как подарок судьбы, дающий прекрасную возможность для дальнейшего наращивания присутствия в регионе.

Во-вторых, в 2003 и 2004 гг. при политической, организационной и финансовой поддержке американского правительства и неправительственных организаций и институтов в Грузии и Украине произошли так называемые «цветные революции» («революция роз» и «оранжевая революция» соответственно). Пришедшие по их итогам к власти новые президенты М. Саакашвили и В. Ющенко придерживались радикально прозападных взглядов на внешнюю политику и заявили о намерениях осуществить интеграцию в североатлантические экономические и военно-политические структуры. Этот фактор стал благодатной почвой для активизации американского сотрудничества с этими и другими странами СНГ уже в период нахождения у власти в Белом доме второй администрации Дж. Буша-мл.

Вторая администрация Дж. Буша-мл. (2005-2008 гг.)

Этот период в американо-российских отношениях протекал под знаком нарастающего противостояния. К началу второго срока президентства Дж. Буша-мл. в американской администрации уже сформировалось четкое представление о том, что Россия прекратила действовать в фарватере внешней политики Вашингтона и, как минимум, на постсоветском пространстве будет вести себя активно и независимо. С учетом того, что общие внешнеполитические принципы руководства Соединенных Штатов остались прежними, данный факт влек за собой малопривлекательные для Российской Федерации выводы. По сути, республиканцы взяли курс на новое сдерживание РФ и недопущение даль-

⁶ Georgia «Train and Equip» Program Begins / U.S. Department of Defense, 29.04.2002. Mode of access: <http://www.defense.gov/releases/release.aspx?releaseid=3326>

нейшего распространения влияния Москвы на постсоветском пространстве.

Взаимоотношения двух стран вновь, впервые со времен окончания «холодной» войны, приобрели характер так называемой «игры с нулевой суммой» – то есть любой внешнеполитический успех одной стороны автоматически воспринимался другой как собственное поражение. Единственным принципиальным отличием стал тот факт, что в силу объективной ограниченности ресурсов России на сей раз условным «полем боя» стал не весь мир, а только российское «ближнее зарубежье».

В американской Стратегии национальной безопасности 2006 г. прямо был провозглашен курс на изоляцию России посредством окружения ее «эффективными демократиями», интегрированными в военные структуры НАТО⁷. Основное внимание в этом процессе уделялось Грузии и Украине. В 2005 г. США приступили к реализации новой программы по модернизации грузинских вооруженных сил – «Операция по сохранению стабильности». Увеличилась интенсивность военных учений альянса в двух странах.

В декабре 2005 г. по инициативе грузинского и украинского правительств было учреждено прозападное Содружество демократического выбора (СДВ), которое должно было стать альтернативным СНГ интеграционным объединением. Соединенные Штаты выступили с полной поддержкой этого начинания. Американский вице-президент Р. Чейни принял участие во втором саммите СДВ в мае 2006 г. в Вильнюсе. В своей программной речи он подверг жесткой критике Россию как за якобы имеющие место отступления от демократии и рыночной экономики внутри страны, так и за агрессивную политику в отношении некоторых соседних государств⁸. В адрес Кремля прозвучали обвинения в нарушении территориальной

целостности и противодействию «демократическим процессам» в странах постсоветского пространства, а также в «запугивании» и «энергетическом шантаже».

В целом, противодействие российской политике в энергетической сфере оказалось важной новой линией в деятельности США на международной арене в рассматриваемый период. Стратегической целью Соединенных Штатов стала ликвидация монопольного положения России как единственного поставщика энергоносителей из Каспийского региона в страны Европы. Администрация Дж. Буша-мл., в частности, поддержала проект газопровода «Набукко», который должен был соединить Каспийский регион непосредственно со странами-потребителями в Центральной Европе, минуя территорию РФ. Помимо этого, США выступили против российско-германского проекта «Северный поток», отметив, что он несет угрозу европейской энергетической безопасности⁹.

В ноябре 2006 г., перед открытием саммита Североатлантического альянса в Риге, влиятельный сенатор-республиканец Р. Лугар и вовсе выступил с идеей «энергетической НАТО», предложив приравнять энергетическую войну к обычной и распространить на нее действие 5-й статьи устава организации (согласно этой статье, нападение на одного члена альянса автоматически означает нападение и на всех остальных)¹⁰.

На упомянутом рижском саммите НАТО по инициативе Вашингтона впервые прямо был поставлен вопрос о расширении альянса за счет включения в его состав Украины и Грузии. Однако 28 ноября в речи на открытии саммита генеральный секретарь организации заявил, что говорить о сроках приема бывших советских республик в альянс пока

⁷ The National Security Strategy / The White House, March 2006. Mode of access: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>

⁸ Враг у ворот // Коммерсантъ. 5 мая 2006. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/671371> [Vrag u vorot (Enemy at the Gate) // *Kommersant*. 5 May 2006. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/Doc/671371>]

⁹ Лебедев Г.И. Подход США к реализации проекта «Северный поток» // США * Канада: экономика, политика, культура. - 2009. - №11. - С. 79–90. [Lebedev G.I. Podhod SSHA k realizacii proekta «Severnoy potok» (U.S. Approach to the North Stream Project) // SSHA * Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2009, №11, pp. 79-90.]

¹⁰ Energy and NATO / The Lugar Energy Initiative. 27.11.2006. Mode of access: <http://lugar.senate.gov/energy/press/speech/riga.cfm>

рано¹¹. Против вступления стран в блок выступили Франция, Германия, Бельгия и Испания.

Позицию стран Западной Европы следует признать вполне взвешенной и разумной. Ни Грузия, ни Украина на тот момент объективно не были готовы к вступлению в НАТО. В Украине эту идею поддерживало явное меньшинство граждан страны, о чем незадолго до саммита заявил тогдашний премьер-министр В. Янукович¹². Что касается Грузии, то там перспектива вступления в Североатлантический альянс пользовалась довольно большой поддержкой в обществе, однако на тот момент в подвешенном состоянии находилась проблема с Абхазией и Южной Осетией, а по сложившейся традиции в НАТО не принимают страны, имеющие неурегулированные территориальные вопросы.

Тем не менее, год спустя в Стамбуле Вашингтон предпринял еще одну попытку «продать» принципиальное решение о включении Грузии и Украины в организацию в ближайшее время, но инициатива вновь была заблокирована европейскими партнерами.

В том же 2007 г. Соединенные Штаты конкретизировали свои намерения относительно создания системы ПРО: были обнародованы планы размещения передовых эшелонов глобальной противоракетной обороны в Польше и Чехии. Параллельно продолжала нарастать критика России в связи с якобы имеющим место отходом от демократии и рыночной экономики.

Ситуация дополнительно осложнялась тем фактом, что укрепившаяся в экономическом и военном плане Россия начала предпринимать какие-то ответные шаги, хотя на

¹¹ Дьякова Н.А. Военная политика США в отношении Украины и Грузии (2004 – 2010 гг.) // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №10. – С. 90-107. [D'jakova, N.A. Voennaja politika SShA v otnoshenii Ukrainy i Gruzii (2004 – 2010 gg.) (Analysis of U.S. Military Policy in Georgia and Ukraine (2004 – 2010)) // SShA-Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2010, No. 10, pp. 90-107.]

¹² Верховная Рада поддержала Януковича в его борьбе с НАТО / Lenta.ru, 19.09.2006. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/09/19/nato1/>

первых порах главным образом на уровне политических заявлений. 10 февраля 2007 г. на ежегодно проводимой Мюнхенской конференции по безопасности Президент РФ В.В. Путин подверг жесткой критике США и часть их европейских союзников за агрессивную и не сообразующуюся с интересами других стран политику. По словам руководителя Российской Федерации, практические результаты попыток построения однополярного мира находятся в крайнем несоответствии с демократическими ценностями и принципами, о которых на уровне риторики там много говорит американское правительство: увеличение количества «локальных и региональных конфликтов»; «гипертрофированное применение силы в международных делах»; «пренебрежение основополагающими принципами международного права»¹³.

В.В. Путин также отметил, что желание ряда стран обзавестись собственным оружием массового поражения является *следствием*, а не *причиной* агрессивной внешней политики Соединенных Штатов и Запада, а также весьма жестко высказался по традиционным камням преткновения в отношениях между двумя странами – созданию системы ПРО и дальнейшему расширению НАТО на восток.

Мюнхенская речь В.В. Путина стала самым радикальным выступлением лидера СССР/России со времен окончания биполярного противостояния. В ряде западных СМИ ее сравнили со знаменитой Фултонской речью бывшего британского премьер-министра У. Черчилля и впервые заговорили о возобновлении «холодной» войны¹⁴.

¹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / Президент России. 10.02.2007. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

¹⁴ Icy Blast from Putin Hints at a New Cold War // *The Sunday Times*, 12.02.2007. Mode of access: <http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/article1368824.ece>; The Good Old Days of the Cold War // *Los Angeles Times*. 18.02.2007. Mode of access: <http://www.latimes.com/news/opinion/la-op-kennedy18feb18,0,1483277.story?coll=la-opinion-center>.

13 июля 2007 г. В.В. Путиным был подписан Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров». Причиной такого решения стал отказ стран-членов НАТО присоединиться к Соглашению об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), подписанному на саммите ОБСЕ в Стамбуле 19 ноября 1999 г.; западные страны требовали полного вывода российских войск из Грузии и Молдовы в качестве предварительного условия для ратификации нового варианта ДОВСЕ.

В августе 2007 г. Соединенные Штаты от имени НАТО выдвинули так называемый План параллельных действий, направленный на преодоление кризисной ситуации в сфере контроля над обычными вооруженными силами в Европе. Но в нем фактически повторялись прежние требования: Россия должна отменить мораторий и к осени решить вопрос с войсками в Молдове и Грузии; в этом случае весной следующего года страны альянса будут готовы ратифицировать Соглашение об адаптации. Ответные требования Москвы наполнить предложенный план конкретными обязательствами стран НАТО и сроками их выполнения были проигнорированы, ситуация осталась в подвешенном состоянии¹⁵.

2008 г., последний год нахождения у власти администрации Дж. Буша-мл., характеризовался повышением напряженности в американо-российских отношениях до предельного уровня. 17 февраля Парламент Косова в одностороннем порядке объявил о независимости от Сербии и создании суверенного государства Республика Косово. На следующий день США официально признали независимость новообразованного государства. В ближайшие дни то же самое сделали большинство американских союзников. Российский президент В.В. Путин

назвал действия западных стран «аморальными и незаконными», ведущими к росту сепаратистских настроений и фактическому подрыву мирового порядка¹⁶.

Проблемы во взаимоотношениях, связанные с вопросами безопасности и региональной проблематикой, могли бы в какой-то мере быть компенсированы значительным ростом экономических связей. Но серьезных подвижек не наблюдалось и в этой сфере. Хотя товарооборот между странами за период президентства Дж. Буша-мл. вырос в 3,5 раза, тем не менее доля США во внешнеторговом обороте России осталась на весьма скромном уровне 4%, а доля России во внешнеторговом обороте США и вовсе лишь 1%¹⁷. За время пребывания администрации Дж. Буша-мл. у власти так и не был решен вопрос о вступлении России в ВТО. Более того, не была отменена даже пресловутая поправка Джексона-Вэника¹⁸, в результате чего два государства фактически остались в состоянии «холодной» экономической войны¹⁹.

¹⁵ Гончаров В.И. Кризис в области контроля над обычными вооружениями // *Обозреватель – Observer*. – 2009. – №11. – С. 47–58. [Goncharov, V.I. Krizis v oblasti kontrolya nad obychnymi vooruzhenijami (Conventional Arms Control Crisis) // *Obzrevatel' – Observer*, 2009, No. 11, pp. 47-58.]

¹⁶ Kosovo Independence: Russia Warns of Separatist Storm / *Christian Science Monitor*, 20.02.2008. Mode of access: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2008/0220/p06s01-woeu.html>.

¹⁷ Софинский Н.В. Россия – США. К перезагрузке матрицы отношений // *Международная жизнь*. – 2009. – № 2-3. – С. 73-83. [Sofinskij, N.V. Rossija – SShA. K perezagruzke matricy otnošenij (Russia – the USA. To Reset of the Matrix of Relations) // *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 2009, No. 2-3, pp. 73-83.]

¹⁸ Поправка к Закону о торговле США была внесена в 1974 г. по инициативе конгрессменов г. Джексона и Ч. Вэника. По ее условиям «товары из любой страны с нерыночной экономикой не будут подлежать недискриминационному режиму (нормальным торговым отношениям), а такая страна не будет участвовать в какой-либо программе правительства США, предполагающей непосредственное или опосредованное предоставление кредитов, кредитных гарантий или инвестиционных гарантий, а президент США не будет заключать какого-либо коммерческого соглашения с любой такой страной». Поправка была направлена против стран, нарушающих право своих граждан на эмиграцию, в числе которых в тот период был СССР.

¹⁹ Батюк В.И. Механизмы российско-американского партнерства // *Международная жизнь*. – 2010. –

В свою решающую стадию вошла эпопея с интеграцией в НАТО Грузии и Украины. 15 января 2008 г. В. Ющенко, а ровно месяц спустя – М. Саакашвили обратились к генеральному секретарю альянса с официальной просьбой об ускоренном предоставлении их странам Плана действий по подготовке к членству в НАТО. При этом российский министр иностранных дел С.В. Лавров заявил, что Москва сделает всё возможное для недопущения вступления бывших советских республик в НАТО, а президент В.В. Путин и вовсе предупредил на встрече в Москве своего украинского коллегу В. Ющенко, что РФ вынуждена будет нацелить на Украину свои ядерные ракеты в случае размещения на ее территории элементов американской ПРО²⁰. На бухарестском саммите Североатлантического альянса, который состоялся 2–4 апреля 2008 г., требование Дж. Буша-мл. по скорейшему предоставлению Плана действий уже в третий раз подряд было заблокировано западноевропейскими странами во главе с Германией и Францией.

Американо-российское противостояние в СНГ в рассматриваемый период достигло своего пика в августе 2008 г. Проамериканское правительство Грузии, осознавая ключевую причину, по которой часть участников НАТО выступает против членства страны в альянсе, приняло решение урегулировать вопрос непризнанных республик силовым путем. Вряд ли М. Саакашвили действовал в соответствии с прямым указанием из Вашингтона, но политика Соединенных Штатов, направленная на наращивание вооруженных сил Грузии до уровня, явно превышающего необходимый для обеспечения безопасности страны, сыграла свою роль. В результате неожиданно быстрого и жесткого военного ответа со стороны России, чьи миротворцы пострадали в результате начавшейся военной операции в

Южной Осетии, грузинская армия в течение нескольких дней была разбита, а Абхазия и Южная Осетия оказались под контролем вооруженных сил Российской Федерации. Уже 26 августа Россия официально признала независимость обеих республик.

США не решились на прямой военный ответ и даже не пошли на введение экономических санкций, ограничившись информационной войной и резким ужесточением риторики. Однако в период российско-грузинской войны военные корабли Российской Федерации и Соединенных Штатов в Черном море находились на расстоянии выстрела друг от друга, в результате чего случайная ошибка могла привести к глобальной катастрофе.

Итоги политики республиканской администрации в отношении России и ее соседей по итогам восьми лет оказались крайне неутешительными. Курс на откровенное игнорирование интересов РФ по всему спектру вопросов вызвал крупнейший с начала 1980-х гг. кризис в двусторонних отношениях, поставивший мир на грань новой «холодной» войны. Попытки оказать противодействие инициированным Российской Федерацией интеграционным проектам на постсоветском пространстве, а также ее политике в энергетической сфере не оказались сколько-нибудь эффективными. А отказ от учета внутренней специфики в и без того вполне лояльных США Грузии и Украине и настойчивые попытки добиться вступления в НАТО двух объективно не готовых к этому государств привели к фактическому распаду страны в первом случае, и глубокому политическому и экономическому кризису – во втором. Новому руководителю Белого дома предстояло предпринять серьезные меры по исправлению ситуации.

Первая администрация Б. Обамы (2009 – 2012 гг.)

Многочисленные неудачи республиканской администрации как во внутренней, так и во внешней политике предопределили падение рейтинга Дж. Буша-мл. с 80 до 20% за 8 лет президентства. Как считается, именно неспособность нового кандидата от Республиканской партии Дж. Маккейна

№6. – С. 38-51. [Bat'uk, V.I. Mehanizmy rossijsko-amerikanskogo partnerstva (Tools of Russian-American Partnership) // *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 2010, No. 6, Pp. 38-51.]

²⁰ Putin Issues Nuclear Threat to Ukraine over Plan to Host U.S. Shield // *Guardian.co.uk*, 13.02.2008. Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/feb/13/russia.putin>

радикально порвать с неудачным наследием предшественника предопределила исход президентской кампании. Выборы 4 ноября 2008 г. завершились убедительной победой кандидата демократов Б. Обамы.

Во внешней политике новый президент фактически предложил вернуться к модели, которая вполне успешно работала при У. Клинтоне – то есть продолжать укреплять лидерство Соединенных Штатов в мире, но действуя при этом довольно мягко (если не по сути, то, по крайней мере, по форме), по возможности не нарушая нормы международного права и избегая ненужных военных конфликтов и обострений отношений с другими государствами и иными центрами силы.

В основу «старой новой» внешней политики легла концепция «умной силы» (то есть разумного сочетания «жесткой» и «мягкой» силы в противовес предыдущему периоду, когда республиканцы отдавали явное предпочтение именно первой), о которой впервые было сказано в вышедшем еще в начале 2008 г. докладе, разработанном Центром стратегических и международных исследований²¹. Авторы доклада, признавая в целом неудачные итоги чрезмерно агрессивной внешней политики администрации Дж. Буша-мл., призывали уделять основное внимание невоенным средствам продвижения интересов США в мире, а также руководствоваться прагматическими, а не идеологическими соображениями при принятии внешнеполитических решений.

Ни Российская Федерация, ни, тем более, прочие страны постсоветского пространства не входили в число основных приоритетов внешней политики первой администрации Б. Обамы. Подход нового американского правительства к региону был чрезвычайно прост и предельно прагматичен: ради получения помощи со стороны России по вопросам первостепенной для США важности (продолжение кампании в Афганистане, сокращение мировых ядерных арсеналов и т.д.²²), Вашингтон был готов к

смягчению риторики и к некоторым уступкам по второстепенным для себя вопросам – в частности, к прекращению демонстративно антироссийского курса в СНГ. Именно эта идея и легла в основу политики «перезагрузки», о которой впервые объявил новый американский вице-президент Дж. Байден на очередной Мюнхенской конференции по безопасности 7 февраля 2009 г.²³

Одной из ключевых стратегических задач новой администрации в сфере внешней политики была активизация усилий и доведение до победного конца военной кампании в Афганистане. В первые годы войны поставки основной массы как военных, так и невоенных грузов шли по так называемому Южному маршруту через Пакистан, но с дестабилизацией там положения ситуация резко осложнилась, вследствие чего необходимо было искать новые транзитные коридоры. Уже в феврале 2009 г. с Россией была достигнута договоренность о транзите невоенных грузов²⁴, а во время первого визита Б. Обамы в РФ в июле 2009 г. было подписано соглашение, по условиям которого был разрешен транзит через российское воздушное пространство американских войск, вооружений и военной техники²⁵.

Большой проблемой для Соединенных Штатов могло бы стать закрытие базы «Манас» в Киргизии, о намерении осуществить

США, которые достигли подавляющего преимущества над всеми остальными странами по обычным вооружениям.

²³ Remarks by Vice President Biden at 45th Munich Conference on Security Policy / The White House, 7.02.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-45th-munich-conference-security-policy>

²⁴ Россия разрешила транзит невоенных грузов для Афганистана // NEWSru.com, 12.02.2009. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/12feb2009/tranzit.html> [Rossiia razreshila tranzit nevoennykh грузов dlia Afganistana (Russia Allowed Transit of Non-Military Goods for Afghanistan) // NEWSru.com, 12.02.2009. Mode of access: <http://www.newsru.com/russia/12feb2009/tranzit.html>]

²⁵ United States-Russia Military Transit Agreement / The White House, 6.07.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/fact-sheet-united-states-russia-military-transit-agreement>.

²¹ Stop Getting Mad, America, Get Smart / Pacific forum CSIS, 4.02.2008. Mode of access: <http://csis.org/files/media/csis/pubs/pac0810a.pdf>

²² Последнее в современных условиях объективно соответствует национальным интересам

которое 3 февраля 2009 г. объявил президент К. Бакиев²⁶. Со стороны Вашингтона была немедленно начата активная дипломатическая работа; в частности, Б. Обама лично направил своему киргизскому коллеге письмо с призывом расширять и углублять сотрудничество между двумя странами в сфере борьбы с терроризмом.

23 июня 2009 г. официальные лица США и Киргизии объявили о продлении договора об аренде авиабазы на условиях кардинального повышения арендной платы, а также ряда незначительных уступок со стороны Вашингтона. В тот же день российский МИД выступил с заявлением, в котором говорилось, что Киргизия обладает «суверенным правом» на принятие таких решений.

16 марта 2009 г. авторитетной Комиссией по вопросам политики США в отношении России был опубликован доклад «Верное направление политики США в отношении России»²⁷. В документе фиксировалась необходимость для Вашингтона вернуть взаимоотношения с Москвой в русло конструктивного сотрудничества, так как без помощи РФ невозможно решить ряд проблем первоочередной для Соединенных Штатов важности, а также давались рекомендации по семи основным потенциальным сферам сотрудничества. Лейтмотивом разделов, посвященных вопросам европейской безопасности и странам – соседям России, была идея о том, что для нормализации отношений с Российской Федерацией необходимо отказаться от чрезмерно агрессивной политики предыдущей администрации и прекратить вопреки здравому смыслу втягивать в НАТО Грузию и Украину. «Вашингтон не должен рассчитывать на то, что он сумеет создать свою собственную сферу влияния у российских границ и, одновременно, наладить конструктивные отношения с Россией», – кон-

статировали авторы. «Хотя географическое положение обеих стран имеет большое стратегическое значение, их членство в альянсе способно лишь уменьшить, а не увеличить безопасность Европы», так как неизбежно приведет к резкому ухудшению отношений между НАТО, Украиной и Грузией с одной стороны, и Россией – с другой. Как показали дальнейшие события, в целом новая американская администрация вняла озвученным рекомендациям.

В рамках лондонского саммита «Группы двадцати» в апреле 2009 г. Б. Обама и новый президент России Д.А. Медведев обнародовали совместное коммюнике. В нем президенты объявили об отказе от менталитета времен «холодной» войны и намерении начать отношения между двумя странами с нуля. В частности, планировалась начать работу по подготовке нового договора об ограничении стратегических наступательных вооружений на смену СНВ-1 (срок которого истек в декабре 2009 г.), запустить «всеобъемлющий диалог по укреплению евро-атлантической и европейской безопасности», найти «всеобъемлющее дипломатическое решение» иранского вопроса и т.д.²⁸

3–4 апреля 2009 г. в Страсбурге и Келе состоялся юбилейный, шестидесятый саммит НАТО. На нем было принято несколько важных решений. Во-первых, было решено возобновить деятельность Совета Россия-НАТО, прерванную после конфликта в Южной Осетии. Во-вторых, на саммите было заявлено, что блок готов обсуждать вариант создания совместной с Россией системы противоракетной обороны.

В состав альянса были приняты еще два новых члена – Албания и Хорватия (принципиальная договоренность на этот счет была достигнута еще в период президентства Дж. Буша-мл.). Что касается Грузии и Украины, то в итоговой декларации саммита было четко сказано, что вопрос об их включении в состав НАТО будет рассмотрен не ранее проведения надлежащих реформ в разных

²⁶ Kyrgyzstan Threaten to Close U.S. Base // *The Washington Post*, 4.02.2009. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/02/03/AR2009020303459.html?hpid=moreheadlines>

²⁷ The Right Direction for U.S. Policy toward Russia / The Commission on U.S. Policy toward Russia, 16.03.2009. Mode of access: <http://www.cftni.org/RussiaReport09.pdf>

²⁸ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы / Президент России, 1.04.2009. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214587.shtml>

сферах. В то же самое время, авторы документа заявили о «поддержке территориальной целостности и суверенитета Грузии в рамках признанных международным сообществом границ», а также осудили Россию за одностороннее признание независимости Абхазии и Южной Осетии и призвали вывести с их территории войска в соответствии с соглашениями о прекращении огня²⁹. Кроме того, страны Североатлантического альянса подвергли Россию критике за мораторий на участие в ДОВСЕ и призвали как можно быстрее вернуться к выполнению Договора.

На встрече в Москве в начале июля 2009 г. президенты РФ и США заключили Меморандум о взаимопонимании, взяв на себя обязательства по радикальному сокращению стратегических ядерных арсеналов двух стран³⁰. Также Б. Обама объявил о намерении добиться, наконец, отмены поправки Джексона-Вэника³¹; кроме того, было принято решение о создании двусторонней Российско-американской президентской комиссии. В рамках Комиссии вскоре были сформированы 16 рабочих групп, которые начали работу по расширению взаимодействия в самых разных сферах – от ядерной безопасности и контроля над вооружениями до гуманитарного сотрудничества и идеологических вопросов.

В конце июля 2009 г. вице-президент США Дж. Байден совершил визиты в Киев

и Тбилиси. Лейтмотив официальных выступлений представителя Вашингтона в обоих случаях был единым: отношения с новыми союзниками будут развиваться и дальше и ни в коем случае не будут принесены в жертву запущенной «перезагрузке» с Россией. Дж. Байден подчеркнул, что США не признают сфер влияния и считают неприемлемыми любые попытки третьих стран пытаться препятствовать вступлению независимого государства в какой-либо союз или альянс³².

Выступая в Тбилиси перед грузинским парламентом, вице-президент Соединенных Штатов выразил намерение продолжить военное сотрудничество, в то же самое время четко дав понять, что вопрос о вступлении Грузии в НАТО предметно встанет не ранее проведения надлежащих реформ в экономической, политической и военной сфере. По наиболее острому вопросу об отколовшихся республиках Дж. Байден в целом повторил позицию предыдущей администрации: «Мы не признаем Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств. Мы призываем остальные страны также не признавать их в таком качестве. И мы призываем Россию уважать собственные международные обязательства, ясно выраженные в соглашениях о прекращении огня, включая отвод всех войск на предвоенные позиции и их безусловный вывод из Грузии». Однако вице-президент подчеркнул, что США выступают категорически против любых попыток военного решения конфликта и поддерживают исключительно идею мирной реинтеграции. Подобную риторику американского руководства можно расценивать как фактическое временное согласие со сложившимся status-quo.

В сентябре 2009 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН США объявили об отказе от размещения элементов системы

²⁹ NATO Strasbourg/Kehl Summit Declaration / Center for International Studies, 4.04.2009. Mode of access: <http://cs.cirs.kiev.ua/en/news/news/42-global/66-nato-strasbourgkehl-summit-declaration-.html>

³⁰ Визит Обамы в Москву: первый день удался // РИА Новости, 06.07.2009. Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/20090706/176487154.html> [Vizit Obamy v Moskvu: pervyi den' udalsia (Obama's Visit to Moscow: The First Day Was Successful // *RIA Novosti*, 06.07.2009. Mode of access: <http://www.rian.ru/politics/20090706/176487154.html>]

³¹ Обама обещает снять поправку Джексона-Вэника в отношении России // NEWSru.com, 7.07.2009. Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/07jul2009/jacksonn.html> [Obama obeshchaet sniat' popravku Dzheksona-Venika v otnoshenii Rossii (Obama Promised to Withdraw Jackson-Vanik Amendment towards Russia) // NEWSru.com, 7.07.2009. Mode of access: <http://www.newsru.com/finance/07jul2009/jacksonn.html>]

³² Remarks by Vice President Biden in Ukraine / The White House, 22.07.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-ukraine>; Remarks by the vice president to the Georgian Parliament / The White House, 23.07.2009. Mode of Access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-georgian-parliament>.

ПРО в Польше и Чешской Республике. Впрочем, вскоре выяснилось, что речь идет об отказе от конкретного проекта, а не от идеи создания системы противоракетной обороны в Европе, как таковой³³. 17 сентября министр обороны Соединенных Штатов Р. Гейтс представил новый проект американской ПРО, направленный на перехват ракет средней и малой дальности. Данную систему предполагалось развернуть в четыре этапа с 2011 по 2020 гг., причем в своем окончательном виде она должна была защитить США и их союзников уже и от ударов межконтинентальных баллистических ракет (МБР)³⁴.

В своей программной речи в октябре 2009 г. генеральный секретарь НАТО А.Ф. Расмуссен призвал серьезно пересмотреть отношения альянса с Россией. В частности, еще раз было заявлено о возможности создания совместной системы ПРО³⁵. На встрече с Д.А. Медведевым в Москве в середине декабря он объявил, что НАТО – не угроза для России, а партнер в противодействии общим вызовам. В качестве примера были приведены совместная борьба с пиратством и распространением ОМП, урегулирование ситуации в Афганистане³⁶.

³³ Михин В.Л. «Перезагрузка» в действии // Обозреватель – Observer.–2009. – № 12. – С. 25-33 [Mihin, V.L. «Perezagruzka» v dejstvii («Reset» in Action) // *Obozrevatel' – Observer*; 2009, No. 12, pp. 25-33.]

³⁴ Польша согласилась разместить элементы новой ПРО США / *Lenta.ru*, 21.10.2009. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2009/10/21/poland/> [Pol'sha soglasilas' razmestit' elementy novoi PRO SShA (Poland Agreed to Place Elements of New Missile Defense System) // *Lenta.ru*, 21.10.2009. Mode of access: <http://lenta.ru/news/2009/10/21/poland/>]

³⁵ NATO's Role in the 21st Century and the New Strategic Concept / NATO, 9.10.2009. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_57938.htm

³⁶ Смирнов П.Е. Новый старт в российско-американских отношениях и сотрудничество между Россией и НАТО // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №11. – С. 19-37. [Smirnov, P.E. Novyj start s rossijsko-amerikanskih otnoshenijah i sotrudnichestvo mezhdru Rossiej i NATO (New Start in U.S.-Russian Relations and Cooperation between Russia and NATO) // *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 2010, No. 11, pp. 19-37.]

В начале 2010 г. в Украине состоялись президентские выборы. Основная борьба развернулась между прозападным кандидатом Ю. Тимошенко и сторонником многовекторной политики В. Януковичем и завершилась победой последнего во втором туре. Новый президент немедленно приступил к восстановлению партнерских отношений с Россией в политической и экономической сферах, серьезно испорченных при В. Ющенко. 23 апреля 2010 г. между двумя государствами были подписаны Харьковские соглашения, по условиям которых в комплексе решались два вопроса, серьезно портившие отношения между РФ и Украиной в предыдущие годы: вопрос с газом и с российским Черноморским флотом³⁷. Пребывание российских кораблей в Севастополе продлевалось с 2017 г. еще на 25 лет – до 2042 г. В обмен на это Россия обязалась снизить Украине плату за газ на 30%.

8 апреля 2010 г. процесс «перезагрузки» достиг своей кульминации: в Праге президентами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки был подписан Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3)³⁸. По условиям Договора предполагалось сокращение стратегических ядерных сил обеих сторон примерно на треть в течение 7 лет и доведение числа носителей до 700 единиц, а боезарядов – до 1550. Каждая из сторон сохранила за собой прерогативу самостоятельно определять состав и структуру своих

³⁷ Дьякова Н.А. Военная политика США в отношении Украины и Грузии (2004 – 2010 гг.) // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 10. – С. 90-107. [D'jakova, N.A. Voennaja politika SShA v otnoshenii Ukrainy i Gruzii (2004 – 2010 gg.) (Analysis of U.S. Military Policy in Georgia and Ukraine (2004 – 2010)) // *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2010, № 10, pp. 90-107.]

³⁸ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Treaty between the Russian Federation and the USA in Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms) / Президент России, 8.04.2010. Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512

стратегических наступательных вооружений. Договор СНВ-3 был заключен на срок в 10 лет с возможностью продления еще на 5.

Несмотря на активное противодействие части сенаторов от Республиканской партии, 22 декабря 2010 г. Сенат США большинством голосов (71 «за») принял резолюцию, одобряющую Договор. Однако в текст преамбулы были внесены две важные поправки: 1) выделение дополнительно 85 млрд долларов на развитие и модернизацию ядерного потенциала США; 2) отказ от любых ограничений на развитие системы ПРО³⁹. В январе следующего года СНВ-3 был поддержан в российском Федеральном Собрании и подписан президентом Д.А. Медведевым. 5 февраля 2011 г. Договор СНВ-3 вступил в силу⁴⁰.

Договор объективно выгоден для обеих сторон. В условиях явного преимущества Соединенных Штатов по обычным вооружениям над любым потенциальным соперником, которое было достигнуто к началу президентства Б. Обамы, сокращение мировых ядерных арсеналов соответствует национальным интересам США и приближает их положение к стратегической неуязвимости. России же договор позволил гарантированно сохранить ядерный паритет с США, поддерживать который без юридически обязывающего соглашения было бы весьма проблематично в силу несопоставимости экономических возможностей двух стран.

В целом сблизились позиции США и России по иранской ядерной программе. В июне 2010 г. Москва поддержала очередную резолюцию Совета Безопасности

ООН, предусматривающую умеренные финансовые и экономические санкции против Исламской Республики. Также РФ отменила собственное решение о поставках Ирану систем ПВО С-300 и других видов обычных вооружений.

В начале июня 2010 г. Верховная Рада Украины приняла закон «О принципах внутренней и внешней политики»⁴¹. В нем, помимо прочего, Украина объявлялась внеблоковым государством, что исключало возможность ее вступления как в ОДКБ, так и в НАТО. Вместе с тем, в законе отмечалась необходимость дальнейшего сотрудничества с НАТО и другими военно-политическими союзами по вопросам, касающимся взаимных интересов. Одобряться как интеграция Украины в ЕС, так и развитие добрососедских отношений с Россией и другими странами СНГ.

Вскоре после этого налаживать отношения с новыми киевскими властями отправилась госсекретарь Соединенных Штатов Х. Клинтон. В целом она солидаризовалась с тезисами, высказанными за год до этого вице-президентом Дж. Байденом: США отрицают концепцию «сфер влияния» и полностью и безоговорочно признают за Украиной право самостоятельно определять свой внешнеполитический курс. Госсекретарь подчеркнула, что конструктивное взаимодействие Киева с Россией с одной стороны, и с западными партнерами – с другой, совершенно не противоречат друг другу⁴². Говоря о новом законе, устанавливающем внеблоковый статус Украины, Х. Клинтон отметила, что относится к данному решению с безусловным уважением, подчеркнув при этом, что «двери в НАТО остаются открытыми», и в

³⁹ Корсаков Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №2. – С. 22-40. [Korsakov, G.B. Tendencii razvitiia voennoj politiki Vashingtona (Trends of U.S. Military Policy) // *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 2011, No. 2, pp. 22-40.]

⁴⁰ Договор РФ и США об ограничении СНВ вступил в силу // РИА Новости, 5.02.2011. Режим доступа: <http://rian.ru/politics/20110205/330689558.html> [Dogovor RF i SShA ob ogranichenii SNV vstupil v silu (Treaty between Russia and the USA on Limitation of Strategic Defensive Arms) // *RIA Novosti*, 5.02.2011. Mode of access: <http://rian.ru/politics/20110205/330689558.html>]

⁴¹ Верховная Рада утвердила внеблоковый статус Украины // *Newsland*, 03.06.2010. Режим доступа: <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/512817/cat/94/> [Verkhovnaia Rada utverdila vneblokovi status Ukrainy (Verkhovna Rada Adopted Non-Block Status of Ukraine) // *Newsland*, 03.06.2010. Mode of access: <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/512817/cat/94/>]

⁴² Remarks with Ukrainian President Viktor Yanukovich / U.S. Department of State. 02.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143924.htm>

будущем США готовы будут при необходимости поддержать устремления своего партнера⁴³.

Выступая спустя несколько дней в Тбилиси, американский госсекретарь также в общем и целом повторила заявления Дж. Байдена годовой давности, в частности, о непризнании независимости Южной Осетии и Абхазии и намерении добиться вывода российских войск с этих территорий. Отмечая ряд позитивных достижений в рамках «перезагрузки» американско-российских отношений, Х. Клинтон подчеркнула, что США «продолжают критиковать те действия России, которые считают неправильными. И список этих действий возглавляет вторжение в Грузию и ее оккупация»⁴⁴. При этом было отмечено, что пока трудно сказать, насколько скоро ситуация будет разрешена, в связи с чем Грузии на нынешнем этапе следует сконцентрироваться на внутренних реформах, чтобы показать всем сторонам конфликта, что «оккупация» не подорвала ее усилий⁴⁵.

11 января 2011 г. вступило в силу американско-российское Соглашение по сотрудничеству в сфере мирного использования атомной энергии (так называемое «Соглашение 123»). На очередной встрече Б. Обамы и Д.А. Медведева в мае 2011 г. были созданы две новые рабочие группы в рамках Президентской комиссии, а также приняты Совместные заявления по сотрудничеству в регионе Баренцева моря и в борьбе с терроризмом⁴⁶. В рамках июльско-

го визита С.В. Лаврова в США были подписаны соглашения об упрощенной выдаче виз (вступило в силу в сентябре следующего года⁴⁷) и о сотрудничестве в сфере усыновления детей (вскоре было разорвано в связи с принятием российской Государственной Думой «закона Димы Яковлева»). Тогда же вступило в силу американско-российское Соглашение об утилизации плутония⁴⁸.

18 июня 2012 г. по итогам первой встречи Б. Обамы с вернувшимся в президентское кресло В.В. Путиным президенты договорились о формировании еще одной рабочей группы (по военно-техническому сотрудничеству) в рамках Президентской комиссии, а также приняли Совместное заявление об активизации экономического сотрудничества и продолжении работы по укреплению ядерной безопасности (включая противодействие военным ядерным программам Ирана и КНДР), разрешению региональных конфликтов на Большом Ближнем Востоке, борьбе с международным терроризмом и наркотрафиком и т.д.⁴⁹

На саммите АТЭС во Владивостоке в начале сентября 2012 г. Х. Клинтон и С.В. Лавров подписали межправительственный Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в Антарктике и приняли Совместное заявление об укреплении американско-российского межрегионального сотрудничества, которое должно было способствовать расширению экономических связей между двумя странами⁵⁰.

⁴³ Speech at Town Hall of Kyiv Polytechnic Institute / U.S. Department of State. 02.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143941.htm>

⁴⁴ Remarks at a Town Hall with Georgian Women Leaders / U.S. Department of State. 05.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143972.htm>

⁴⁵ Joint Press Availability with Georgian President Saakashvili / U.S. Department of State. 5.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143973.htm>

⁴⁶ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с. [Shakleina, T.A. Rossiya i SShA v mirovoj politike (Russia and the United States in Contemporary World Politics). Moscow: Aspekt Press, 2012. 272 p.]

⁴⁷ Historic Visa Agreement between the United States and the Russian Federation Enters into force September 9 / U.S. Department of State, 07.09.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/197476.htm>

⁴⁸ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с. [Shakleina, T.A. Rossiya i SShA v mirovoj politike (Russia and the United States in Contemporary World Politics). Moscow: Aspekt Press, 2012. 272 p.]

⁴⁹ Joint Statement by the President of the United States of America Barack Obama and the President of the Russian Federation Vladimir Putin / The White House, 18.06.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/06/18/joint-statement-president-united-states-america-barack-obama-and-president>

⁵⁰ Signing Ceremony with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov / U.S. Department

Результаты «перезагрузки» в экономической сфере оказались достаточно скромным. Так, в 2009 г. объем взаимной торговли составил относительно небольшую сумму в 25 млрд долларов (в 2008 г., на пике кризиса в отношениях, – 35 млрд). Летом 2010 г. были достигнуты договоренности о закупке у США 50 самолетов «Боинг» и возобновлении импорта американской курятины. В сентябре были завершены длившиеся около 17 лет переговоры о вступлении России в ВТО. 22 августа 2012 г. протокол о присоединении России к Всемирной торговой организации вступил в силу. 20 декабря Б. Обама подписал закон об отмене поправки Джексона-Вэника⁵¹ (правда, параллельно с этим вступили в силу санкции по «списку Магнитского»). В целом все эти относительные успехи смотрятся достаточно скромно для двух стран, входящих в десятку ведущих экономик мира. Прорыва в торгово-экономических отношениях между Россией и США в рамках «перезагрузки» не случилось.

Сохранились и серьезные противоречия в сфере безопасности и региональных вопросах. В ноябре 2009 г. Д.А. Медведев представил руководителям западных стран и ведущих международных организаций проект нового Договора о европейской безопасности⁵². В проекте декларировалась идея «создать в области военно-политической безопасности в Евро-Атлантике единое, неразделенное пространство, чтобы окончательно разделаться с наследием «холодной

войны»». Однако и генеральный секретарь НАТО А.Ф. Расмуссен, и госсекретарь США Х. Клинтон недвусмысленно дали понять, что считают уже существующие документы о сотрудничестве альянса и России вполне достаточными⁵³.

В начале февраля 2010 г. вышла новая Военная доктрина РФ⁵⁴. На первое место в списке военных угроз в ней было поставлено «стремление наделять силовой потенциал Организации Североатлантического договора глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока». При этом угрозы, не связанные с Западом и США, стояли в Доктрине на последних местах.

Содержание документа вызвало явное недовольство многих западных политиков. Выступая на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2010 г., А.Ф. Расмуссен заявил, что новая Военная доктрина РФ «не отражает реальности» и «явно противоречит всем попыткам улучшить отношения между НАТО и Россией»⁵⁵.

19 марта 2011 г. в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН о защите мирного населения США начали военную операцию в Ливии. Вскоре к ней подключились европейские союзники по НАТО, а 31 марта руководство военными действиями окончательно было делегировано объединенному командованию альянса⁵⁶. На первых порах в

of State, 08.09.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197518.htm>

⁵¹ Presidential Proclamation – to Extend Nondiscriminatory Treatment (Normal Trade Relations Treatment) to the Products of the Russian Federation and the Republic of Moldova / The White House, 20.12.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/12/20/presidential-proclamation-extend-nondiscriminatory-treatment-normal-trade>

⁵² Проект Договора о европейской безопасности / Президент России, 29.11.2009. Режим доступа: <http://pda.kremlin.ru/news/6152> [Project Dogovora o evropejskoj bezopasnosti (Project of European Security Treaty) / President of Russia, 29.11.2009. Mode of access: <http://pda.kremlin.ru/news/6152>]

⁵³ NATO and Russia, Partners for the Future / NATO, 17.12.2009. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_60223.htm

⁵⁴ Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета, 10.02.2010. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html> [Military Doctrine of Russia // Rossiiskaia gazeta, 10.02.2010. Mode of access: <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>]

⁵⁵ Speech at the 46th Munich Security Conference / Munich Security Conference, 07.02.2010. Mode of Access: <http://www.securityconference.de/Rasmussen-Anders-Fogh.576.0.html?&L=1>.

⁵⁶ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с. [Shakleina, T.A. Rossiija i SShA v mirovoj politike (Russia and the United States in Contemporary World Politics). Moscow: Aspekt Press, 2012. 272 p.]

целом нейтрально восприняв начало военной кампании, примерно с мая 2011 г. Россия устами своих официальных лиц начала всё более серьезную критику действий западной коалиции в связи с «ненормированным» применением силы и явным курсом на поддержку сил, противостоящих М. Каддафи⁵⁷.

К концу года вновь в полный рост встали противоречия, связанные с планами НАТО по созданию системы ПРО. На встрече с Д.А. Медведевым в Гонолулу 12 ноября 2011 г. Б. Обама окончательно подтвердил, что США не будут заключать с РФ юридически обязывающего соглашения о ненаправленности планируемой противоракетной обороны против России⁵⁸. В своем выступлении по российскому телевидению несколько дней спустя президент РФ пригрозил комплексом контрмер военного характера, вплоть до выхода из Договора СНВ-3. На пресс-конференции в Брюсселе 8 декабря Х. Клинтон, подчеркнув, что планируемая система никак не затрагивает интересы России, дала понять, что ни одна из входящих в альянс стран не имеет права вето на планы НАТО по защите своих членов всеми необходимыми способами и средствами⁵⁹.

Год спустя, в рамках своей последней в статусе госсекретаря встречи с министрами иностранных дел других стран – членов Североатлантического альянса, Х. Клинтон констатировала сохранение ряда серьезных противоречий с Россией. Помимо традиционного вопроса с Грузией, также была от-

мечена неготовность Москвы признать необходимость «демократического транзита» в Сирии⁶⁰. В стране с лета 2011 г. полыхала гражданская война, в которой западные страны выступили в поддержку сил оппозиции, а Российская Федерация заняла сторону официального правительства Б. Асада (правда, на тот момент поддержка с обеих сторон была сугубо дипломатической).

Принципиальная оценка внутривнутриполитического режима России как авторитарного не изменилась со времен предыдущей администрации. Более того, затихшая было в 2009 – 2010 гг. критика внутренней политики Кремля, в два последних года первого срока Б. Обамы активизировалась с новой силой. Помимо прочего, Х. Клинтон сделала ряд достаточно жестких высказываний относительно выборов в российскую Государственную Думу 4 декабря 2011 г., поставив под сомнение их соответствие западным демократическим стандартам. В ответ со стороны Москвы прозвучали открытые обвинения в «провоцировании» массовых протестов по итогам выборов⁶¹.

В 2012 г. вновь обострились вопросы, связанные с Украиной и Грузией. По итогам встречи с М. Саакашвили в Белом доме 30 января Б. Обама подчеркнул, что Соединенные Штаты продолжают поддерживать устремления Грузии по вступлению в НАТО⁶². В интервью грузинским СМИ полгода спустя Х. Клинтон отметила, что Россия (равно как и любая другая страна) не имеет права вето на вступление Грузии в альянс, подчеркнув при этом, что данный вопрос требует единогласного решения всех членов организации⁶³.

⁵⁷ Лавров: делать Каддафи и его родных законной целью коалиции – перебор / РИА Новости. 11.05.2011. Режим доступа: https://ria.ru/arab_ly/20110511/373065748.html; Рогозин призвал НАТО не влезать в гражданскую войну в Ливии / РИА Новости. 6.07.2011. Режим доступа: https://ria.ru/arab_ly/20110706/398112155.html.

⁵⁸ Приходько О.В. Россия – Запад: «перезагрузка» и несбывшиеся ожидания // *Обозреватель – Observer*. – 2012. – № 5. – С. 56-71. [Prihod'ko O.V. Rossiya – Zapad: «perezagruzka» i nesbyvshiesya ozhidaniya (Russia – West: the Reset and its unfulfilled expectations) // *Obozrevatel' – Observer*; 2012, No. 5, pp. 56-71.]

⁵⁹ Press Availability in Brussels, Belgium / U.S. Department of State, 8.12.2011. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/178481.htm>

⁶⁰ Press Availability following Ministerial Meetings at NATO Headquarters / U.S. Department of State, 5.12.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/12/201547.htm>

⁶¹ Press Availability in Brussels, Belgium / U.S. Department of State, 8.12.2011. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/178481.htm>

⁶² Remarks by President Obama and President Saakashvili of Georgia after Bilateral Meeting / The White House, 30.01.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/30/remarks-president-obama-and-president-saakashvili-georgia-after-bilatera>

⁶³ Interview with Eka Kvesitadze of Georgian Public Broadcaster / U.S. Department of State,

«Украинский вопрос» к концу первого срока Б. Обамы обострился по причинам принципиально иного характера. Несмотря на продолжение сотрудничества в сфере экономики, ядерного нераспространения и т.д., в 2012 г. с американской стороны постепенно начала нарастать критика новых киевских властей в связи с якобы имеющим место отходом от западных демократических стандартов. Х. Клинтон даже опубликовала заметку во влиятельном издании *The New York Times*, где, в частности, отметила массовые нарушения на последних на тот момент парламентских выборах в Украине, а также «избирательное правосудие» в отношении ряда оппозиционных лидеров, включая бывшего премьер-министра Ю. Тимошенко⁶⁴.

Как можно предположить посредством ретроспективного анализа, вероятно, подобная риторика вызвала нарастающее раздражение в Кремле, который воспринимал ее как попытки вмешаться во внутренние дела независимого государства (по аналогии с критикой собственно российской «суверенной демократии») и оказать давление на отошедшее от сугубо прозападного курса правительство В. Януковича.

На новых президентских выборах в США 6 ноября 2012 г. Б. Обама одержал победу над кандидатом республиканцев М. Ромни и переизбрался еще на четыре года. Несмотря на все достижения «перезагрузки», к началу второго срока демократической администрации в отношениях между США и Россией сохранился целый ряд противоречий по принципиальным вопросам, к которым за период 2009–2012 гг. успели добавиться и некоторые новые.

* * *

Ни для Дж. Буша-мл., ни для Б. Обамы в период его первого срока Россия и прочие страны постсоветского пространства не входили в число ключевых приоритетов внеш-

ней политики. Оба американских президента не ставили своей задачей кардинально преобразовать отношения с Российской Федерацией и вывести их на уровень широкого стратегического партнерства, не говоря уже о союзе.

Различия в формах и методах проводимой политики были связаны с другими факторами. Представители неоконсервативной администрации Дж. Буша-мл. исходили из того, что Соединенные Штаты так или иначе должны держать под своим контролем все регионы мира, включая даже те, которые не имеют для Вашингтона первоочередной стратегической важности. В свете этого попытки РФ активизировать внешнюю политику в целом и расширить взаимодействие с партнерами по СНГ – в частности, вызвали противодействие со стороны американского руководства, которое приняло особенно жесткие формы уже в период второго срока Дж. Буша-мл. (2005–2008 гг.) и имело своей кульминацией прямой военный конфликт между Россией и прозападно настроенной Грузией.

Демократическая администрация Б. Обамы продемонстрировала более прагматичный подход и выразила готовность временно поступиться своими второстепенными интересами во имя нормализации отношений с Россией и получения от нее помощи по вопросам первоочередной важности (сокращение ядерных арсеналов, нераспространение ОМП, афганская кампания и т.д.). В основном уступки коснулись именно постсоветского пространства – США признали внеблоковый статус Украины, прекратили форсировать вопрос о вступлении в НАТО Грузии, смягчили риторику в сфере диверсификации поставок энергоносителей в Европу и по вопросу о ситуации с Абхазией и Южной Осетией. Отношения между Соединенными Штатами и Российской Федерацией в регионе прекратили носить характер «игры с нулевой суммой».

В целом политику Б. Обамы в отношении России и ее соседей следует признать более взвешенной, разумной и успешной. Практическими результатами жесткого курса Дж. Буша-мл. стали лишь резкое обострение отношений с РФ, а также серьезные внутренние проблемы для двух основных союзников Вашингтона в регионе – Грузии и

64 06.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/06/191878.htm>

⁶⁴ Ukraine's Troubling Trends // *The New York Times*, 24.10.2012. Mode of access: <http://www.nytimes.com/2012/10/25/opinion/hillary-clinton-catherine-ashton-ukraines-election.html>

Украины. Демократам же, не поступившись ключевыми американскими интересами и сохранив свободу рук, за счет некоторого смягчения риторики и политического курса (скорее по форме, нежели по сути) удалось осуществить «перезагрузку» отношений с Россией и получить от Москвы поддержку по всем ключевым для себя вопросам.

Однако, отдавая должное всем объективным достижениям «перезагрузки» американо-российских отношений (особенно тут стоит Договор СНВ-3, с точки зрения автора, в равной степени выгодный для обеих сторон), приходится констатировать, что в период 2009–2012 гг. не было урегулировано ни одно из ключевых противоречий между двумя странами. Прорыва в экономическом сотрудничестве не случилось; политический режим в России продолжал рассматриваться в Вашингтоне как авторитарный; не был найден компромисс ни по вопросу о расширении НАТО на восток, ни по противоракетной обороне, ни по контролю над обычными вооружениями в Европе. Трудно не согласиться с оценкой авторитетного российского исследователя американской внешней политики Т.А. Шаклеиной, согласно которой «перезагрузка» решила именно те задачи, которые решаются в двустороннем отношении было устраниено, однако их вывода на принципиально иной уровень не случилось⁶⁵.

В течение первого срока Б. Обамы, несмотря на общее смягчение риторики и градуса противостояния, не были также урегулированы и противоречия между двумя государствами в российском «ближнем зарубежье». США не признали данный регион «зоной привилегированных интересов» России и не отказались от расширения сотрудничества и поддержки прозападных сил в его странах. Принципиальная оценка итогов российско-грузинской войны августа 2008 г. осталась в силе, как и принципиальная под-

держка идеи интеграции Грузии и Украины в ЕС и НАТО; данный процесс был приторможен, но не остановлен.

К началу второго срока Б. Обамы постсоветское пространство в американо-российских отношениях оставалось потенциальной «миной замедленного действия», способной взорваться в любой момент, что и произошло в первые месяцы 2014 г. Прямое столкновение России с уже второй бывшей советской республикой, стремившейся проводить прозападный курс во внешней политике, привело к затяжному дипломатическому кризису, который продолжается по сей день, и перспектив выхода из него в обозримом будущем не просматривается.

Литература:

Батюк В.И. Механизмы российско-американского партнерства // *Международная жизнь*. – 2010. – №6. – С. 38-51.

Верховная Рада поддержала Януковича в его борьбе с НАТО / *Lenta.ru*, 19.09.2006. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/09/19/nato1/>

Верховная Рада утвердила внеблоковый статус Украины // *Newsland*, 03.06.2010. Режим доступа: <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/512817/cat/94/>

Визит Обамы в Москву: первый день удался // *РИА Новости*, 06.07.2009. Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/20090706/176487154.html>

Военная доктрина Российской Федерации // *Российская газета*, 10.02.2010. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>

Враг у ворот // *Коммерсантъ*, 5 мая 2006. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/671371>

Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / Президент России, 10.02.2007. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

Гончаров В.И. Кризис в области контроля над обычными вооружениями // *Обозреватель – Observer*. – 2009. – №11. – С. 47-58.

Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений / Президент России, 8.04.2010. Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512

Договор РФ и США об ограничении СНВ вступил в силу // *РИА Новости*, 5.02.2011. Режим доступа: <http://rian.ru/politics/20110205/330689558.html>

Дьякова Н.А. Военная политика США в отношении Украины и Грузии (2004 – 2010 гг.) // *США-Канада: экономика, политика, культура*. – 2010. – №10. – С. 90-107.

Корсаков Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона // *США-Канада: экономика, политика, культура*. – 2011. – №2. – С. 22-40.

Лавров: делать Каддафи и его родных законной целью коалиции – перебор / *РИА Новости*, 11.05.2011. Режим доступа: https://ria.ru/arab_ly/20110511/373065748.html

⁶⁵ Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с. [Shakleina, T.A. Rossiya i SShA v mirovoj politike (Russia and the United States in Contemporary World Politics). Moscow: Aspekt Press, 2012. 272 p.]

Лебедев Г.И. Подход США к реализации проекта «Северный поток» // США * Канада: экономика, политика, культура. - 2009. - №11. - С. 79-90.

Михин В.Л. «Перезагрузка» в действии // Обозреватель – Observer. – 2009. – № 12. – С. 25-33.

Обама обещает снять поправку Джексона-Вэника в отношении России // NEWSru.com. 7.07.2009. Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/07jul2009/jacksonn.html>

Польша согласилась разместить элементы новой ПРО США / Lenta.ru, 21.10.2009. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2009/10/21/poland/>

Приходько О.В. Россия – Запад: «перезагрузка» и несбывшиеся ожидания // Обозреватель – Observer. – 2012. – № 5. – С. 56-71.

Проект Договора о европейской безопасности / Президент России, 29.11.2009. Режим доступа: <http://pda.kremlin.ru/news/6152>

Россия разрешила транзит невоенных грузов для Афганистана // NEWSru.com, 12.02.2009. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/12feb2009/tranzit.html>

Смирнов П.Е. Новый старт в российско-американских отношениях и сотрудничество между Россией и НАТО // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №11. – С. 19-37.

Совет Россия-НАТО: история создания и задачи. Справка / РИА Новости, 29.04.2009. Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20090429/169586050.html>

Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы / Президент России, 1.04.2009. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214587.shtml>

Софинский Н.В. Россия – США. К перезагрузке матрицы отношений // Международная жизнь. – 2009. – № 2-3. – С. 73-83.

Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991 – 2002) / Т.А. Шаклеина. – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. – 445 с.

Energy and NATO / The Lugar Energy Initiative, 27.11.2006. Mode of access: <http://lugar.senate.gov/energy/press/speech/riga.cfm>

Georgia «Train and Equip» Program Begins / U.S. Department of Defense, 29.04.2002. Mode of access: <http://www.defense.gov/releases/release.aspx?releaseid=3326>

Historic Visa Agreement between the United States and the Russian Federation Enters into force September 9 / U.S. Department of State, 07.09.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/197476.htm>

Icy Blast from Putin Hints at a New Cold War // *The Sunday Times*, 12.02.2007. Mode of access: <http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/article1368824.ece>

Interview with Eka Kvesitadze of Georgian Public Broadcaster / U.S. Department of State, 6.06.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/06/191878.htm>

Joint Press Availability with Georgian President Saakashvili / U.S. Department of State. 5.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143973.htm>

Joint Statement by the President of the United States of America Barack Obama and the President of the Russian

Federation Vladimir Putin / The White House, 18.06.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/06/18/joint-statement-president-united-states-america-barack-obama-and-preside>

Kosovo Independence: Russia Warns of Separatist Storm / Christian Science Monitor, 20.02.2008. Mode of access: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2008/0220/p06s01-woeu.html>

Kyrgyzstan Threaten to Close U.S. Base // *The Washington Post*, 4.02.2009. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/02/03/AR2009020303459.html?hpid=moreheadlines>

NATO and Russia, Partners for the Future / NATO, 17.12.2009. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_60223.htm

NATO Strasbourg/Kehl Summit Declaration / Center for International Studies, 4.04.2009. Mode of access: <http://cs.cirs.kiev.ua/en/news/news/42-global/66-nato-strasbourgkehl-summit-declaration-.html>

NATO's Role in the 21st Century and the New Strategic Concept / NATO, 9.10.2009. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_57938.htm

Presidential Proclamation to Extend Nondiscriminatory Treatment (Normal Trade Relations Treatment) to the Products of the Russian Federation and the Republic of Moldova / The White House, 20.12.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/12/20/presidential-proclamation-extend-nondiscriminatory-treatment-normal-trad>

Press Availability following Ministerial Meetings at NATO Headquarters / U.S. Department of State, 5.12.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/12/201547.htm>

Press Availability in Brussels, Belgium / U.S. Department of State, 8.12.2011. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/178481.htm>

Putin Issues Nuclear Threat to Ukraine over Plan to Host U.S. Shield // *Guardian.co.uk*, 13.02.2008. Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/feb/13/russia.putin>

Rebuilding America's Defenses / Project for the New American Century, September 2000. Mode of access: <http://newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses.pdf>

Remarks at a Town Hall with Georgian Women Leaders / U.S. Department of State. 05.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143972.htm>

Remarks by President Obama and President Saakashvili of Georgia after Bilateral Meeting / The White House, 30.01.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/30/remarks-president-obama-and-president-saakashvili-georgia-after-bilatera>

Remarks by Vice President Biden at 45th Munich Conference on Security Policy / The White House, 7.02.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-45th-munich-conference-security-policy>

Remarks by Vice President Biden in Ukraine / The White House, 22.07.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-ukraine>; Remarks by the vice president to the Georgian Parliament / The White House. 23.07.2009. Mode of Access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-georgian-parliament>

Remarks with Ukrainian President Viktor Yanukovich / U.S. Department of State. 02.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143924.htm>

Signing Ceremony with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov / U.S. Department of State, 08.09.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197518.htm>

Speech at the 46th Munich Security Conference / Munich Security Conference, 07.02.2010. Mode of Access: <http://www.securityconference.de/Rasmussen-Anders-Fogh.576.0.html?&L=1>.

Speech at Town Hall of Kyiv Polytechnic Institute / U.S. Department of State. 02.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143941.htm>

Statement of Principles / Project for the New American Century, 03.06.1997. Mode of access: <http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm>

Stop Getting Mad, America, Get Smart / Pacific forum CSIS, 4.02.2008. Mode of access: <http://csis.org/files/media/isis/pubs/pac0810a.pdf>

The Good Old Days of the Cold War // Los Angeles Times. 18.02.2007. Mode of access: <http://www.latimes.com/news/opinion/la-op-kennedy18feb18,0,1483277.story?coll=la-opinion-center>.

The National Security Strategy / The White House, March 2006. Mode of access: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>

The Right Direction for U.S. Policy toward Russia / The Commission on U.S. Policy toward Russia, 16.03.2009. Mode of access: <http://www.cfr.org/RussiaReport09.pdf>

Ukraine's Troubling Trends // *The New York Times*, 24.10.2012. Mode of access: <http://www.nytimes.com/2012/10/25/opinion/hillary-clinton-catherine-ashton-ukraines-election.html>

United States-Russia Military Transit Agreement / The White House, 6.07.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/fact-sheet-united-states-russia-military-transit-agreement>.

References:

Bat'uk, V.I. Mehanizmy rossijsko-amerikanskogo partnerstva (Tools of Russian-American Partnership) // *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 2010, No. 6, Pp. 38-51.

D'jakova, N.A. Voennaja politika SShA v otnoshenii Ukrainy i Gruzii (2004 – 2010 gg.) (Analysis of U.S. Military Policy in Georgia and Ukraine (2004–2010)) // *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2010, No. 10, pp. 90-107.

Dogovor RF i SShA ob ogranichenii SNV vstupil v silu (Treaty between Russia and the USA on Limitation of Strategic Defensive Arms) // RIA Novosti, 5.02.2011. Mode of access: <http://rian.ru/politics/20110205/330689558.html>

Energy and NATO / The Lugar Energy Initiative, 27.11.2006. Mode of access: <http://lugar.senate.gov/energy/press/speech/riga.cfm>

Georgia «Train and Equip» Program Begins / U.S. Department of Defense, 29.04.2002. Mode of access: <http://www.defense.gov/releases/release.aspx?releaseid=3326>

Goncharov, V.I. Krizis v oblasti kontrolya nad obychnymi voruzhenijami (Conventional Arms Control Crisis) // *Obozrevatel'* – Observer, 2009, No. 11, pp. 47-58.

Historic Visa Agreement between the United States and the Russian Federation Enters into force September 9 / U.S. Department of State, 07.09.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/197476.htm>

Icy Blast from Putin Hints at a New Cold War // *The Sunday Times*, 12.02.2007. Mode of access: <http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/article1368824.ece>

Interview with Eka Kvesitadze of Georgian Public Broadcaster / U.S. Department of State, 6.06.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/06/191878.htm>

Joint Press Availability with Georgian President Saakashvili / U.S. Department of State. 5.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143973.htm>

Joint Statement by the President of the United States of America Barack Obama and the President of the Russian Federation Vladimir Putin / The White House, 18.06.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/06/18/joint-statement-president-united-states-america-barack-obama-and-preside>

Korsakov, G.B. Tendencii razvitiya voennoj politiki Vashingtona (Trends of U.S. Military Policy) // *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 2011, No. 2, pp. 22-40.

Kosovo Independence: Russia Warns of Separatist Storm / Christian Science Monitor, 20.02.2008. Mode of access: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2008/0220/p06s01-woeu.html>.

Kyrgyzstan Threaten to Close U.S. Base // *The Washington Post*, 4.02.2009. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/02/03/AR2009020303459.html?hpid=moreheadlines>

Lebedev, G.I. Podhod SShA k realizacii proekta «Severnij potok» (U.S. Approach to the North Stream Project) // *SShA * Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2009, №11, pp. 79-90.

Mihin, V.L. «Perezagruzka» v dejstvii («Reset» in Action) // *Obozrevatel'* – Observer, 2009, No. 12, pp. 25-33.

Military Doctrine of Russia // Rossiiskaia gazeta, 10.02.2010. Mode of access: <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>

NATO and Russia, Partners for the Future / NATO, 17.12.2009. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_60223.htm

NATO Strasbourg/Kehl Summit Declaration / Center for International Studies, 4.04.2009. Mode of access: <http://cs.cirs.kiev.ua/en/news/news/42-global/66-nato-strasbourgkehl-summit-declaration-.html>

NATO's Role in the 21st Century and the New Strategic Concept / NATO, 9.10.2009. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_57938.htm

Obama obeshchaet sniat' popravku Dzheksona-Venika v otnoshenii Rossii (Obama Promised to Withdraw Jackson-Vanik Amendment towards Russia) // NEWSru.com, 7.07.2009. Mode of access: <http://www.newsru.com/finance/07jul2009/jackson.html>

Pol'sha soglasilas' razmestit' elementy novoi PRO SShA (Poland Agreed to Place Elements of New Missile Defense System) // Lenta.ru, 21.10.2009. Mode of access: <http://lenta.ru/news/2009/10/21/poland/>

Presidential Proclamation - to Extend Nondiscriminatory Treatment (Normal Trade Relations Treatment) to the Products of the Russian Federation and the Republic of Moldova / The White House, 20.12.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/12/20/presidential-proclamation-extend-nondiscriminatory-treatment-normal-trade>

Press Availability following Ministerial Meetings at NATO Headquarters / U.S. Department of State, 5.12.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/12/201547.htm>

Press Availability in Brussels, Belgium / U.S. Department of State, 8.12.2011. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/178481.htm>

Prihod'ko O.V. Rossiya – Zapad: «perezagruzka» i nesbывshiesya ozhidaniya (Russia - West: the Reset and its unfulfilled expectations) // *Obozrevatel' – Observer*, 2012, No. 5, pp. 56-71.

Proekt Dogovora o evropeiskoi bezopasnosti (Project of European Security Treaty) / President of Russia, 29.11.2009. Mode of access: <http://pda.kremlin.ru/news/6152>

Putin Issues Nuclear Threat to Ukraine over Plan to Host U.S. Shield // *Guardian.co.uk*, 13.02.2008. Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/feb/13/russia.putin>

Rebuilding America's Defenses / Project for the New American Century, September 2000. Mode of access: <http://newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses.pdf>

Remarks at a Town Hall with Georgian Women Leaders / U.S. Department of State. 05.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143972.htm>

Remarks by President Obama and President Saakashvili of Georgia after Bilateral Meeting / The White House, 30.01.2012. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/30/remarks-president-obama-and-president-saakashvili-georgia-after-bilatera>

Remarks by Vice President Biden at 45th Munich Conference on Security Policy / The White House, 7.02.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-45th-munich-conference-security-policy>

Remarks by Vice President Biden in Ukraine / The White House, 22.07.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-ukraine>; Remarks by the vice president to the Georgian Parliament / The White House. 23.07.2009. Mode of Access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-georgian-parliament>.

Remarks with Ukrainian President Viktor Yanukovich / U.S. Department of State. 02.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143924.htm>

Rossii razreshila tranzit nevoennykh gruzov dlia Afganistana (Russia Allowed Transit of Non-Military Goods for Afghanistan) // *NEWSru.com*, 12.02.2009. Mode of access: <http://www.newsru.com/russia/12feb2009/transit.html>

Shakleina, T.A. Rossiya i SShA v mirovoj politike (Russia and the United States in Contemporary World Politics). Moscow: Aspekt Press, 2012. 272 p.

Shakleina, T.A. Rossiya i SShA v novom mirovom poryadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991 – 2002) (Russia and the United States in new world order. Debates in Russian and American Political and Academic Communities (1991 – 2002)). Moscow: Institut SShA i Kanady RAN, 2002. 445 p.

Signing Ceremony with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov / U.S. Department of State, 08.09.2012. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197518.htm>

Smirnov, P.E. Novyj start s rossijsko-amerikanskimi otnoshenijah I sotrudnichestvo mezhdru Rossiej i NATO (New Start in U.S.-Russian Relations and Cooperation between Russia and NATO) // *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 2010, No. 11, pp. 19-37.

Sofinskij, N.V. Rossiya – SShA. K perezagruzke matricy otnoshenij (Russia – the USA. To Reset of the Matrix of Relations) // *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 2009, No. 2-3, pp. 73-83.

Sovet Rossiia-NATO: istoriia sozdaniia i zadachi. Spravka (NATO-Russia Council: History and Objectives) /

RIA Novosti, 29.04.2009. Mode of access: <https://ria.ru/politics/20090429/169586050.html>

Speech at the 46th Munich Security Conference / Munich Security Conference, 07.02.2010. Mode of Access: <http://www.securityconference.de/Rasmussen-Anders-Fogh.576.0.html?&L=1>.

Speech at Town Hall of Kyiv Polytechnic Institute / U.S. Department of State. 02.07.2010. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/143941.htm>

Statement of Principles / Project for the New American Century, 03.06.1997. Mode of access: <http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm>

Stop Getting Mad, America. Get Smart / Pacific forum CSIS, 4.02.2008. Mode of access: <http://csis.org/files/media/csis/pubs/pac0810a.pdf>

The Good Old Days of the Cold War // *Los Angeles Times*. 18.02.2007. Mode of access: <http://www.latimes.com/news/opinion/la-op-kennedy18feb18,0,1483277.story?coll=la-opinion-center>.

The National Security Strategy / The White House, March 2006. Mode of access: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>

The Right Direction for U.S. Policy toward Russia / The Commission on U.S. Policy toward Russia, 16.03.2009. Mode of access: <http://www.cftni.org/RussiaReport09.pdf>

Ukraine's Troubling Trends // *The New York Times*, 24.10.2012. Mode of access: <http://www.nytimes.com/2012/10/25/opinion/hillary-clinton-catherine-ashton-ukraines-election.html>

United States-Russia Military Transit Agreement / The White House, 6.07.2009. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/fact-sheet-united-states-russia-military-transit-agreement>.

Verkhovnaia Rada utverdila vneblokovi status Ukrainy (Verkhovna Rada Adopted Non-Block Status of Ukraine) // *Newsland*, 03.06.2010. Mode of access: <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/512817/cat/94/>

Vizit Obamy v Moskvu: pervyi den' udalsia (Obama's Visit to Moscow: The First Day Was Successful) // *RIA Novosti*, 06.07.2009. Mode of access: <http://www.rian.ru/politics/20090706/176487154.html>

Vrag u vorot (Enemy at the Gate) // *Kommersant*". 5 May 2006. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/Doc/671371>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-72-95>

POLICY OF GEORGE W. BUSH ADMINISTRATION AND
BARAK OBAMA FIRST ADMINISTRATION TOWARDS
THE RUSSIAN FEDERATION AND OTHER STATES
OF THE CIS (2001-2012): A COMPARATIVE ANALYSIS

Fedor D. Solovey

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 28 December 2016 <i>Accepted:</i> 19 May 2017</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the analysis of policies of the two latest American presidents George W. Bush (2001-2008) and Barack Obama (his first administration, 2009-2012) towards Russian Federation and its neighbors – states of the CIS. The author in detail considers main milestones of this policy, its aims, ways, methods and results. The author highlights and analyzes main reasons of degradation of bilateral relations during George W. Bush presidency and considers positive results of “Reset” policy of first Barack Obama’s administration, at the same time noting their limitation and maintenance of disagreements in a few important problems. Policy of the USA towards Russia and other states of the CIS is considered in broader context of fundamental attitudes in foreign policy of neoconservative Republican George W. Bush’ administration and Democratic Barack Obama’s administration. The author makes the main conclusion that as a whole policy of the Democrats towards the Russian Federation and its neighbors was more reasonable, flexible and effective and let the United States because of softening of rhetoric and a few small compromises return relations with Russia to constructive cooperation and get from this country assistance in all key areas. But by the end of the first Barack Obama’s term a few negative trends became obvious, and these trends developed during the second term of Obama’s presidency. Post-Soviet area has remained potential “battlefield” in relations between the two countries, and later this fact has led to the crisis in Crimea and Ukraine, which continues nowadays.</p>
<p>About the author: Postgraduate Student, Department of Post-Soviet History, Faculty of History, Moscow State University e-mail: f.d.solovey@gmail.com</p>	
<p>Key words: Russia, USA, George W. Bush, Barack Obama, American-Russian relations, «Reset», Post-Soviet area, NATO, New START.</p>	

Для цитирования: Соловей Ф.Д. Политика администрации Дж. Буша-мл. и первой администрации Б. Обамы в отношении Российской Федерации и стран СНГ (2001-2012 гг.): сравнительный анализ // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 72-95.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-72-95

For citation: Solovey, Fedor D. Politika administratsii Dzh. Busha-ml. i pervoi administratsii B. Obamy v otnoshenii Rossiiskoi Federatsii i stran SNG (2001-2012 gg.): sravnitel'nyi analiz (Policy of George W. Bush Administration and Barack Obama First Administration towards the Russian Federation and Other States of the CIS (2001-2012): A Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 3, pp. 72-95.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-72-95

КОНФЛИКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И США В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Дарья Владимировна Кочегарова

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия*

Андрей Вадимович Новиков

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 5 марта 2016 <i>Принята к печати:</i> 12 марта 2017</p>	<p>Аннотация: С введением США и странами ЕС политических и экономических санкций, направленных против России, происходит постепенная переориентация России на Восток, в том числе начинают активнее развиваться отношения с постсоветскими республиками Средней Азии и Китаем. В этом контексте, углубление конфликта между Россией и США можно характеризовать как конкурентное столкновение политических интересов. В целом состояние политической конъюнктуры в сложившейся системе международных отношений показывает рост противоречий в политических интересах России и США в республиках Средней Азии. Защита интересов России в Средней Азии диктует расширение взаимодействия и сотрудничества с партнерами по ОДКБ, ЕАЭС и ШОС.</p>
<p>Об авторах: <i>Кочегарова Д.В.</i>, заведующий лаборатории «Социально-политический анализ и прогнозирование» (СПАП) e-mail: dash.koches@gmail.com <i>Новиков А.В.</i>, лаборант Кафедры политологии и социологии e-mail: Camouflage@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: политические интересы, политический конфликт, международные отношения, Россия, США, ЕС, Средняя Азия</p>	

С началом проведения политики санкций, направленных против России, странами ЕС и НАТО, в экспертной среде все чаще можно услышать мнение о последующей переориентации России на Восток. После подписания газовых соглашений с Китаем и решения о закрытии программы «Южный поток» в пользу сотрудничества с Турцией, эти заявления могут быть вполне обоснованы, а значит стоит ожидать более тесного сотрудничества со странами Средней Азии, к которым относятся Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан.

В данном исследовании автор опирается прежде всего на понятие «Средняя Азия», которое является специфическим для мировой науки, но было распространенным в советской науке. Под Средней Азией понимается историко-географический регион на западе Центральной Азии, в которой входят 5 государств-республик: Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Узбекистан, Туркменистан, Республика Таджикистан. Также, для определения этих пяти республик рядом специалистов часто используется политкорректный термин «постсоветская Центральная Азия».

Состояние конфликта между Россией и США стоит характеризовать как конкурентное столкновение интересов. Нельзя сказать, что конфликт в данном регионе является открытым, но необходимо также при этом отметить: столкновение ценностей этих государств само по себе культурно-исторически является конфликтным.

Столкновение политических интересов в регионе является скорее следствием более серьезного противоречия между Россией и США, что позволяет предположить, что это столкновение может быть этапом трансформации конфликта ценностей и может быть сведено к кооперации. Этот подход является достаточно оптимистичным, так как современное состояние политической конъюнктуры показывает, что разнонаправленность политических интересов России и США в настоящее время являются труднопреодолимыми.

Конфликт политических интересов России и США в среднеазиатском регионе следует характеризовать именно как конфликт, а не противоречие, так как:

- противоречие возможно между частями единого целого, проявляющееся в их несогласованности. Россия и США являются самостоятельными субъектами мировой политики и международных отношений, которую можно характеризовать как «единую», но не однородную, не являющуюся единым целым, так как она состоит из разрозненных компонентов;

- глубокие идеологические, экономические, военные и культурные противоречия лежат в основе конфликта между Россией и США;

- Россия и США в полной мере осознают свои национальные интересы, их противоречие, и, соответственно, сам конфликт;

- стремление к доминированию и реваншу имеется у обеих сторон, что является также причиной возникшего конфликтного состояния.

При анализе структуры конфликта автор опирается на следующие положения:

- субъектами конфликта является суверенные государства – Россия и США;

- предметом конфликта является властный ресурс – желание и способность России и США в большей степени, чем кто-либо

влиять на политический процесс в странах Средней Азии;

- источником и основанием политического конфликта является идеологические, экономические и военные противоречия в данном регионе;

- пространственная граница конфликта – географически – это территория 5 суверенных республик Средней Азии;

- внутрисистемная граница – это система международных отношений, политическое и дипломатическое поле взаимодействия России и США с данными государствами;

- временная граница – начиная с распада Советского Союза (1992 год), когда республики Средней Азии начали проводить самостоятельную политику, по настоящее время.

В эволюции среднеазиатской политики США можно выделить несколько этапов, в рамках которых их внешнеполитическая стратегия менялась довольно резко. Для России – страны, имеющей в соответствующем регионе стратегические интересы, понимание логики этих изменений имеет большое значение.

На временном отрезке с 1990-х до 2008 года, а именно до начала президентства Б. Обамы, можно выделить три периода внешней политики США в Средней Азии, характеризующиеся различными целями, задачами и приоритетами:

1. 1991–1992 гг. – администрация Дж. Буша-старшего, 1993–1996 гг. – первая администрация У. Клинтона;

2. 1996–2001 гг. – вторая администрация У. Клинтона;

3. Политика США после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне;

В начале 1990-х годов проходил дипломатический процесс признания новых государств Средней Азии после распада СССР со стороны США. В этот момент у США еще не была выстроена новая целостная политика к образовавшимся государствам Среднеазиатского региона¹. Получалось, что изначально

¹ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. – М.: МОНФ: ИСК РАН, 2005. – С. 10. [Braterskii, M.V.]

США придерживались общей стратегии в отношении постсоветских государств, а это значит, что они выступали за демократизацию политической жизни, за проведение рыночных преобразований. Характерной чертой данного периода является то, что отношения с Россией в это время воспринимались как ключевые, а новые независимые государства занимали периферийные позиции в поле американского внимания.

Среди предполагаемых угроз в данном регионе на протяжении первой половины 1990-х гг. были:

возможная победа фундаменталистов при поддержке Ирана;

наличие ядерного оружия на территории Казахстана, которое могло бы превратиться в «исламскую ядерную бомбу».

Именно поэтому для США первоочередной задачей стало избавление от ядерного наследия СССР в Казахстане путем подписания Договора о нераспространении ядерного оружия. В мае 1992 года Казахстан подписал Лиссабонский протокол к договору СНВ-1. Также Казахстан стал одним из первых получателей средств США по программе Нанна-Лугара («Программа по совместному уменьшению угрозы»)².

Для укрепления независимости и государственности стран Средней Азии были ис-

пользованы идеологические инструменты, посредством которых Россия и Иран, страны, в которых больше всего ожидалось наличие антизападных тенденций, обвинялись в попытках либо «воссоздать советскую империю», либо провести «всемирную исламскую революцию». Так, в октябре 1992 года был принят законопроект «О поддержке свободы», который предусматривал помощь правительства США новым независимым государствам региона непосредственно, так и через МВФ. Такого рода поддержку продолжали оказывать и в период администрации У. Клинтона.

В это время в связи с опасениями США по поводу «экспансии» России и Ирана, в среднеазиатском регионе происходит сближение и успешное взаимодействие с Турцией, которая воспринималась в качестве образца для постсоветских государств региона.

Такие тенденции сохранились и в период первой администрации У. Клинтона. Исходя из этого, можно констатировать, что США активно поддерживали в это время проект реорганизации Средней Азии по модели «тюркского мира», одновременно поддерживая планы внутрирегиональной интеграции Казахстана, Киргизии и Узбекистана как альтернативного варианта СНГ.

В этот период Средняя Азия воспринималась, прежде всего, как «задний двор» России³, а не как зона американских интересов. Это было возможно также исходя из бывших тогда интересов самой администрации, не желающей тратить огромные ресурсы на активную внешнюю политику, в ответ на негодование населения по поводу экономического спада в 1991 году.

Но после подписания Азербайджаном контракта с западными нефтяными компаниями, также называемым «контрактом века», интерес, прежде всего экономический, США к региону заметно усилился. Экономические

SShA i problemnye strany Azii: obosnovanie, vyработка i realizatsiia politiki v 1990-2005 gg (The USA and Problematic Central Asian States: Substantiation, Elaboration and Realization of Policy in 1990-2005). Moscow: MONF: ISK RAN, 2005. P. 10.]

² Шилдс Дж. Программа Нанна-Лугара: отношения между США и странами-получателями помощи // Ядерный контроль. – 1996. – № 16. – С. 17-23; Поттер У.С. Отказ от ядерного оружия: Белоруссия, Казахстан, Украина. – М.: Комитет по критическим технологиям и нераспространению, 1996. – С. 53. [Shilds, Dzh. Programma Nanna-Lugara: otnosheniia mezhdru SShA i stranami-poluchateliami pomoshchi (Nunn-Lugar Program: Relations between the USA and States-Recipients of Assistance) // Iadernyi kontrol', 1996, No. 16, pp. 17-23; Potter, U.S. Otkaz ot iadernogo oruzhiia: Belorussii, Kazakhstan, Ukraina (Abandonment of Nuclear Weapon: Belarus, Kazakhstan, Ukraine). Moscow: Komitet po kriticheskim tekhnologiiam i nerastrostraneniui, 1996. P. 53.]

³ Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990-2005 гг. – М.: МОНФ: ИСК РАН, 2005. – С. 180. [Braterskii, M.V. SShA i problemnye strany Azii: obosnovanie, vyработка i realizatsiia politiki v 1990-2005 gg (The USA and Problematic Central Asian States: Substantiation, Elaboration and Realization of Policy in 1990-2005). Moscow: MONF: ISK RAN, 2005. P. 180.]

планы по развитию нефтедобычи и ее транспортировке стали выходить на первый план. Соперничество с Россией перешло на новый уровень⁴.

С 1996 по 2000 гг. соперничество с Россией в среднеазиатском регионе стало характерной чертой политики США. Оно проявлялось, прежде всего, в военно-политической и экономической сферах, в проектах региональной интеграции.

Следующая фаза изменения политики США по отношению к странам Средней Азии начинается после терактов 11 сентября 2001 года. Проблемы защиты суверенитета стран уходят на второй план, а главным направлением политики становится использование географического положения стран для облегчения ведения войны с Талибаном. Вашингтон обратился к странам Средней Азии за логистической поддержкой, пригласил совместно разрабатывать проекты по созданию самостоятельной афганской экономики.

Возросло влияние США и за счет военно-политических договоренностей, сложившихся со всеми среднеазиатскими государствами кроме Туркменистана⁵.

В США в этот период происходил пересмотр принципов среднеазиатской политики. Поддержку в экспертной среде стала получать точка зрения, характеризующаяся как «агрессивный реализм»⁶, которая пыталась решить дилемму ценностей и интересов. Защита американских интересов была бы более эффективной, а результаты антитеррористической операции – стабильными, если бы удалось сменить политические ориентации режимов Средней Азии в пользу демократического правления. Позже эта попытка привела к так называемым «цветным революциям» в регионе.

Интерес к Средней Азии, исходя из южноазиатской политики США, привел к возникновению нового проекта по реорганизации

структуры регионального порядка называемого «Большая Центральная Азия»⁷, возникший в период правления Дж. Буша-младшего. Суть этого проекта состояла в том, что США должны были содействовать превращению Афганистана в безопасную зону, где государства являются суверенными, преобладает рыночная экономика, системы государственного управления максимально открыты, позитивно поддерживаются международные отношения с Вашингтоном. Для этого, прежде всего, было необходимо противостоять радикальному исламу и наркоторговле, укреплять региональную экономику и региональные связи. По части экономики предполагалось подключить страны региона к мировым финансово-экономическим структурам, развить торгово-транспортные коммуникации, превратив тем самым регион в важный узел товарно-сырьевой транспортировки.

Во второй половине 2000-х позиции США в Средней Азии ослабли, так как приоритеты внешней политики сместились в сторону войны в Ираке. Но при этом фундамент взаимоотношений со странами региона сохранился за счет присутствия в Афганистане.

Однако после «цветной революции» в Киргизии и неудач революционных начинаний в Узбекистане, Америка сменила вектор среднеазиатской политики, и, руководствуясь уже в основном экономическими методами. Таким образом, главной задачей стало создание энергетических транспортных и торговых путей из Центральной Азии к Индийскому океану.

Администрация Б. Обамы видела будущее региона в рамках идеи Нового шелкового пути, который свяжет Среднюю Азию с внешним миром. Но инвестиции по этому проекту все чаще шли и идут из Китая, а не из США и Индии⁸.

Также администрация Б. Обамы начала активизацию диалога с государствами

⁴ Ibid. С. 179.

⁵ Wishnick, E. Strategic Consequences of the Iraq War: U.S. Security Interests in Central Asia Reassessed. Carlisle Barracks: Strategic Studies Inst.: U.S. Army War College, 2004. P. 48.

⁶ Collins, K. Stabilizing or Destabilizing Central Asia? The Great Powers and Central Asia. Berkeley, 2013. P. 19.

⁷ Starr, S.F. A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*, 2015. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/60833/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia>

⁸ Linn, J. Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality Or Mirage? Almaty: Eurasian Development Bank, 2012. Pp.111-113.

Средней Азии. В апреле-мае 2009 года состоялся ряд встреч политических лидеров США и Казахстана, на которые говорилось о «стратегическом характере» американо-казахстанских отношений⁹.

Результатом первых международных контактов руководств среднеазиатских государств с администрацией Б. Обамы стали учреждением своего рода нового механизма взаимодействий – ежегодных двусторонних консультаций, которые призваны охватить полный целый ряд вопросов, составляющих повестку дня для отношений США с данной страной региона. На этих встречах администрация США подчеркнула, что «не претендует на монополию на мудрость» и не собирается «навязывать свою систему»¹⁰, что является главным отличием политики администрации Б. Обамы от внешней политики его предшественников по отношению к данному региону.

Определившись со стратегией действий в Афганистане, США к концу 2009 года сформировали цели политики в отношении стран Средней Азии, а именно, они определили этот регион как один из внешнеполитических приоритетов, который позволит поддерживать действия коалиции в Афганистане. Политика, выработанная администрацией Б. Обамы, зиждилась на 4 составляющих: развитии и диверсификации энергетических ресурсов региона и путей их транспортировки, политической либерализации и соблюдении прав человека, конкурентоспособной рыночной экономике, предотвращении появления «несостоявшихся» государств¹¹.

⁹ Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Сотрудничество Республики Казахстан с Соединенными Штатами Америки // Портал «Mfa.kz», 2015. Режим доступа: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/europe_america/35 [Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan: Relations between Kazakhstan and the USA / Mfa.kz, 2015. Mode of access: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/europe_america/35]

¹⁰ Burns, W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S. – Central Asia Economic Ties / U.S. Department of State, October 7, 2009. Mode of access: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>

¹¹ Blake, R. The Obama Administration's Police on

По сути, этот курс являлся неким синтезом политики предыдущих администраций, но в нем был значительно снижен «градус» демократизации.

После начала президентства Б. Обамы в американскую внешнеполитическую повестку дня также вернулись попытки наладить диалог с Россией. Одной из точек столкновения политических интересов являлась база «Манас» в Киргизии, которая с 2009 по 2014 гг. являлась Центром транзитных перевозок ВВС США. На первой встрече Б. Обамы с президентом России Д. Медведевым Б. Обама заявил, что база направлена на борьбу с исключительно исламскими экстремистами, что также является приоритетом антитеррористической политики России.

С тех пор Россия настаивает на том, что США должны уйти из региона после завершения операции в Афганистане. Но несмотря на это, Россия согласилась участвовать в Северной сети снабжения, тем самым разрешив США совершать 4500 полетов в год через свою территорию, силы коалиции же получили возможность использовать российские железные дороги¹².

Пример Северной сети снабжения является лучшим примером взаимодействия России, США и государств Средней Азии. Это сотрудничество уменьшило конкуренцию среди стран среднеазиатского региона, принесло определенные финансовые выгоды, которые позволили местным правительствам укрепиться. Но сейчас, с окончательным выводом войск из Афганистана, данная тенденция пойдет на спад, что может возродить старые проблемы.

Несмотря на то, что сфера интересов США в данном регионе будет сужаться, не стоит ожидать от Вашингтона полной утраты интереса. Так или иначе, США необходимо быть уверенными в том, что Средняя

South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, John Hopkins University, September 9, 2009 / U.S. Department of State, 2015. Mode of access: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/index.htm>

¹² Gvosdev, N. The Realist Prism: U.S. – Russia Reset on Display of / World Politics Review, 2015. Mode of access: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9347/the-realist-prism-u-s-russia-reset-on-display-in-afghanistan>

и Центральная Азия не превратятся в благодатный край для террористов, не будут создаваться новые транснациональные угрозы.

С уменьшением своего присутствия в регионе и невозможностью контролировать деятельность среднеазиатских режимов «вблизи», США может вернуться к стратегии, которая применялась ими в середине 1990-х годов, а значит, это может привести к новому противостоянию США с Россией и Китаем, что в контексте современной политической и экономической конъюнктуры, может нанести значительный урон в первую очередь России.

До конца 2014 года главной целью Вашингтона оставалась победа в войне в Афганистане, но время от времени США возвращаются к бывшей риторике, где источником проблем в регионе является именно доминирующий там статус России.

В комплекс первоочередных задач, которые Вашингтон будет стремиться реализовать, входят:

В военно-политической сфере – усиление военного присутствия в Средней Азии и формирование плацдарма для возможного вмешательства в дела Ирана, силового сдерживания Китая и оказания давления на Россию, а в перспективе – и на Индию; обеспечение возможности оперативного реагирования на акции международных террористов и исламских радикалов в Афганистане, Пакистане и в других странах Южной Азии и, в меньшей мере, контроля над наркотрафиком;

В экономической сфере – получение доступа к энергоресурсам Средней Азии и прилегающим районам их добычи и контроля маршрутов их поставки на мировые рынки; создание условий для организации, при необходимости, сырьевой блокады Китая и Индии; обеспечение контроля над стратегическими запасами урановой руды;

В идеологической и гуманитарной сфере – подталкивание процессов демократизации в центрально-азиатских государствах по западному образцу и поощрение их режимов в строительстве светских государств по модели союзной Вашингтону Турции.

При решении этих задач Вашингтон будет осуществлять меры, направленные

на постепенный вывод стран региона из-под влияния Москвы; поэтапное включение центрально-азиатских государств в различные международные торгово-экономические союзы, находящиеся под американским контролем, а также вовлечение их в сотрудничество с НАТО.

Интересы России в среднеазиатском регионе обусловлены рядом факторов, основным из которых является ее стремление сохранить позиции евразийской державы, посредством своего влияния на территории постсоветского пространства¹³.

Для сохранения своего влияния России необходимо поддерживать существующие режимы, которые лояльны по отношению к Кремлю и готовы развивать отношения. Но так как политика стран Средней Азии отличается многовекторностью, отношения с Россией давно перестали быть единственными.

Так, например Туркмения изначально заявила о своем внешнеполитическом нейтралитете, а Узбекистан все больше втягивается в сотрудничество с США. Отношения с Таджикистаном также не отличаются постоянностью или благосклонностью к Кремлю. Таким образом, на сегодняшний день, самыми относительно «дружественными» и доверительными являются отношения с Киргизией и Казахстаном.

Исходя из этого, можно определить одну из основных задач России как выстраивание прочных отношений с представителями политической и экономической элиты стран Средней Азии.

Другим национальным интересом является недопущение увеличения влияния на тер-

¹³ Морозов Ю. Влияние военной политики США на обеспечение безопасности в Центральной Азии и на национальные интересы России в регионе / Россия и Америка в XXI веке, 2006-2015. Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=194> [Morozov, Iu. Vliianie voennoi politiki SShA na obespechenie bezopasnosti v Tsentral'noi Azii i na natsional'nye interesy Rossii v regione (Military Policy of the USA and Its Influence on Central Asian Security and National Interests of Russia in the Region) / Rossiia i Amerika v XXI veke, 2006-2015. Mode of access: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=194>]

ритории Средней Азии других стран, а именно США и Китая. Так как Россия сейчас не в состоянии сдерживать влияние других государств в регионе, она стремится найти баланс между конкуренцией и сотрудничеством.

Так, для противостояния Китаю, Россия пытается поддерживать свое влияние через многостороннюю интеграцию – Таможенный союз, Евразийский Союз в 2015 году, а также через ОДКБ.

Для противостояния с США в среднеазиатском регионе у России недостаточно средств, так как Россия сейчас сама нуждается в поиске новых путей развития собственной экономики, и не может в полной мере содействовать развитию стран Средней Азии.

Наличие американских военных баз в регионе формально не несет угрозы России, но может нанести значительный репутационный урон, подтверждает неспособность России быть гарантом безопасности.

Также один из важных национальных интересов России в регионе заключается в сдерживании афганского наркотрафика. По сложившейся системе, Афганистан является производителем, а страны Средней Азии в основном перевозчиками наркотиков. С вступлением Киргизии в Таможенный союз проблемы с увеличением оборота наркотиков могут возрасти, так как перестанет контролироваться переход границы между Казахстаном и Киргизией¹⁴.

Проблема среднеазиатской миграции, которая приносит как определенные выгоды, так и ряд издержек, также входит в число национальных интересов России. Количество мигрантов из Киргизии по разным оценкам составляет от 400 тыс. до 1 млн, а из Узбекистана от 600–700 тыс. до 1,2 млн.¹⁵ Денеж-

ные переводы мигрантов домой составляют большую часть ВВП стран, а также способствуют оттоку капитала из России.

Проблема транзита энергоносителей через территорию России также является одной из важнейших проблем в сфере национальных интересов, и относительно определяет возможность Москвы влиять на финансово-экономические процессы в регионе.

В декабре 2009 года был открыт самый длинный в мире газопровод между Туркменией и Синьцзяном, что для России вполне может стать концом монополии на транспортировку энергоносителей в Средней Азии¹⁶. Также, Россия, к сожалению, оказалась отстранена от строительства стратегической магистрали – газопровода ТАПИ (Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия), соединяющего Среднюю и Южную Азию.

Необходимо отметить, что велико число русского населения, проживающего в среднеазиатском регионе, которым Россия не оказывала существенной поддержки и не использовала это как инструмент политического давления на страны Средней Азии.

Исходя из перечисленных национальных интересов России в данном регионе возможных опасностей и угроз национальной безопасности, необходимо понимать, каким образом Россия будет стремиться их предотвратить. По сути, единственным механизмом на этом пути является интеграция, которую и использует Москва. К организациям с подобными целями можно отнести: Содружество Независимых Государств, Организацию Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Шанхайская Организация Сотрудничества.

Выступая на лидирующих позициях в данных наднациональных структурах, Россия выступает с позиций «охранительной

¹⁴ Николаева Е. Таможенный союз и наркотрафик / Информационно-аналитический портал POLIT.RG, 2010. Режим доступа: <http://www.polit.kg/newskg/550> [Nikolaeva, E. Tamozhennyi soiuz i narkotrafik (Custom Union and Drug Trafficking) / Informatsionno-analiticheskii portal POLIT.RG, 2010. Mode of access: <http://www.polit.kg/newskg/550>]

¹⁵ Садовская Е. Казахстан в Центральноазиатской миграционной подсистеме / Под ред. Ж.А. Зайончковой, Г.С. Витковской. – М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. – С. 290. [Sadovskaia, E. Kazakhstan v Tsentral'noaziatskoi migratsionnoi

subsysteme(KazakhstaninCentralAsianMigration Sub-System) / Ed. by Zh. A. Zaionchkovskaya, G.S. Vitkovskaya. Moscow: ИТ «АдамантЪ», 2009. P. 290.]

¹⁶ Пабст А. Новая большая игра в Центральной Азии // Мир перемен. – 2010. – № 3. – С. 165. [Pabst, A. Novaia bol'shaia igra v Tsentral'noi Azii (New Great Game in Central Asia) // *Mir peremen*, 2010, No. 3, p. 165.]

интеграции»¹⁷, то есть при сохранении ее роли интеграционного центра, гарантирует свое покровительство входящим в организацию странам.

Так как СНГ является достаточно зрелой организацией, изжившей себя и зачастую ассоциирующей с СССР, а ШОС включает в себя Китай, страну, которая также претендует на место хоть и не явного, но лидера для стран Средней Азии, можно прийти к умозаключению, что основными организациями, позволяющими России поддерживать и увеличивать свою роль в регионе являются Евразийский Союз (ЕАС) и ОДКБ.

Ведущей организацией призван стать ЕАС, формирование которого началось в 2011 году, а его предтечей можно считать ЕврАзЭС – организацию региональной экономической интеграции, призванной обеспечить свободу движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала¹⁸. В рамках экономической интеграции также был создан Таможенный союз (ТС) в составе России, Белоруссии и Казахстана, в рамках которого заработал в 2010 первый на постсоветском пространстве наднациональный орган – Комиссия Таможенного Союза.

Оценка деятельности ТС на сегодняшний день весьма противоречива. Имеется мнение, что Россия теряет порядка 1 млрд долларов ежегодно в рамках ТС, так как платит около 90% всех пошлин¹⁹. Некоторые представители политической элиты Казахстана заявляют, что цены в стране за время работы ТС выросли в среднем на 15%²⁰.

¹⁷ Allison, R. *Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asia Survey*, 2008, Vol. 27, Iss. 2, p. 190.

¹⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Консультант-Плюс, 2015. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ [EAEU Treaty of 29.05.2014 / Konsultant-Plus, 2015. Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/]

¹⁹ Сапожков О. Комиссары Евразии // Коммерсантъ, 31 октября 2011. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1807225> [Sapozhkov, O. Komissary Evrazii (Commissars of Eurasia) // Kommersant, 31 Oct. 2011. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/1807225>]

²⁰ Панфилова В. Астана шлет Москве сигнал //

В начале формирования ЕАС при подписании документом политики и экономисты России и Казахстана уже ставили вопрос о его целесообразности. Считается, что проект, в первую очередь, выгоден России, так как он позволит ей вернуть былое влияние в Среднеазиатском регионе. Президент Узбекистана Ислам Керимов в 2011 году публично высказал мнение, что главная цель создания ЕАС для России лежит, прежде всего, в сфере политики, что в России якобы вынашиваются планы по воссозданию советской империи²¹.

В настоящих условиях, после введения широкого спектра санкций против России странами Североатлантического союза и ЕС, которые касаются по большей части торгово-экономической сферы, России уже приходится переориентироваться, отказываться от европейского подхода, как в политике, так и в экономике, и, создание организаций на «восточном», в том числе среднеазиатском направлении, должны привести к положительным результатам.

Конечно, однажды упущенный авторитет России на постсоветском пространстве в Азии будет нелегко вернуть, используя ЕАС как основной инструмент внешней политики. Президент Казахстана Н. Назарбаев в апреле 2012 года в интервью телеканалу «Вести-24» подчеркнул, что речь идет только о создании к 2015 году экономического союза²². Данная позиция является вполне понятной, так как по собственной воле, мало

Независимая газета, 19 марта 2013. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2013-03-19/6_astana.html [Panfilova, V. Astana shlet Moskve signal (Astana Signalizes to Moscow) // *Nezavisimaya gazeta*, 19 March 2013. Mode of access: http://www.ng.ru/cis/2013-03-19/6_astana.html]

²¹ Панфилова В. Отложенная партия Ислама Керимова // Независимая газета, 7 декабря 2011. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2011-12-07/1_karimov.html [Panfilova, V. Otlozhennaya partiia Islama Kerimova (Adjourned Game of Islam Kerimov) // *Nezavisimaya gazeta*, 7 Dec. 2011. Mode of access: http://www.ng.ru/cis/2011-12-07/1_karimov.html]

²² Интервью Н. Назарбаева телеканалу «Россия 24» // Bnews.kz, 2015. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=C3t0VNokwXE> [Interview of N. Nazarbaev for Russia-24 / Bnews.kz, 2015. Mode of access: <http://www.youtube.com/watch?v=C3t0VNokwXE>]

какое правительство захочет вновь оказать себя под политическим влиянием России.

Для того, чтобы старт нового проекта дал толчок новой волне интеграции и оказал влияние на экономическую ситуацию в регионе, экономика, в первую очередь, России должна быть более устойчивой и стабильной, нежели такой, какой она является на сегодняшний день. То же самое относится и к наращиванию политического влияния России в Среднеазиатском регионе.

Перед Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) изначально ставились политические и военно-политические задачи. Членство в данной организации, особенно после переименования ее с ДКБ на ОДКБ, должно было придать особый статус при взаимодействии с другими игроками на международной арене.

Главными целями ОДКБ являются: укрепление мира и региональной безопасности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности государств-членов. Основным направлением работы – борьба с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, с организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией²³.

Преимуществом членства в ОДКБ является возможность для стран, вошедших в его состав, закупать российское вооружение и спецтехнику по внутренним российским ценам. Подорвать этот интерес способны США после вывода войск из Афганистана, передав среднеазиатским странам некоторое количество своей боевой техники.

Из недостатков ОДКБ можно отметить то, что ее устав не предусматривает изначально возможность вмешательства во внутренние дела стран-участниц. Это подтвердилось в ходе кризиса в Киргизии в 2010 году, после чего Россия выступила с предложением внести изменения в устав, расширив функции организации.

²³ Устав Организации договора о коллективной безопасности / Организация договора о коллективной безопасности, 2015. Режим доступа: <http://www.dkb.gov.ru/b/azg.htm> [Charta of CSTO / CSTO, 2015. Mode of access: <http://www.dkb.gov.ru/b/azg.htm>]

Соответствующий шаг был предпринят в декабре 2011 года, когда было принято «Положение о порядке реагирования государств-членов ОДКБ на чрезвычайные ситуации», в котором оговорена возможность привлечения сил и средств КСОР (Коллективные силы оперативного развертывания) в случае возникновения ситуации, которая не может быть ликвидирована государством-членом ОДКБ.

Несмотря на это, главную тенденцию упадка российского влияния в среднеазиатском регионе, созданные Россией международные организации переломить не могут. Экономические, а порой и политические связи стран Средней Азии с Россией ослабевают, возможно, потому, что у них отсутствует конкретная продуманная стратегия по отношению региональным наднациональным проектам экономической и военно-политической направленности. Вступление же в вышеописанные организации осуществляются «на всякий случай», при этом зачастую правительства этих стран проводят параллельно активную политику взаимодействия с США, стоящим во главе НАТО.

Также, вероятно, членство в ОДКБ воспринимается правительствами Среднеазиатского региона как возможность совместно отразить не только внешнюю агрессию, но и внутренние угрозы со стороны радикальной исламской оппозиции.

Для того, чтобы проанализировать национальные интересы России и США в Среднеазиатском регионе. Эти национальные интересы следует разделить по сферам на: идеологические, экономические и военные. Национальные интересы идеологического характера основываются на политических и общественных ценностях, господствующих в государстве или в кругах политической элиты общества. Сфера экономических интересов нацелена, прежде всего, на получение финансовой или материальной выгоды от принятия тех или иных политических решений. В военно-политической сфере интересов главной целью является достижение состояния безопасности государства, общества и человека.

Для определения реальных политических интересов России и США в Средней

Азии стоит обратиться к уставным документам действующих в регионе организаций, союзов и партнерских программ. Для выявления же неофициальных целей следует обратить внимание на публичные выступления лидеров государств и мнения экспертов.

Так, в политико-идеологической сфере, цели Москвы и Вашингтона, конечно, разнятся, но не являются противоположными друг другу. Для США важна политическая либерализация и соблюдение прав человека²⁴, для России ведущую роль играет политическая интеграция стран региона.

Но нельзя отрицать наличие идеологического конфликта. Так, борьба США за либерализацию имеет целью «разворот» среднеазиатских режимов к Западу, а значит, доминирование России в регионе должно сократиться.

Москва, в свою очередь, стремится сохранить свое положение интеграционного центра, поэтому ей важно сократить влияние других крупных держав в Среднеазиатском регионе, а именно – влияние США и Китая.

В экономической сфере США ратуют за создание конкурентоспособных рыночных экономик в государствах Средней Азии, а также за диверсификацию энергетических ресурсов и путей их транспортировки. Если первое положение не является опасностью для России, а скорей даже поддерживается ей, то второе явно направлено на снижение экономической зависимости государств Средней Азии от Москвы, что приводит также и к уменьшению ее политического влияния. Этому Россия пытается противостоять, определяя основными целями региональной экономической политики региональную экономическую интеграцию, которая обеспечивает свободное движение товаров, услуг, рабочей силы и капитала²⁵.

²⁴ Blake, R. The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, John Hopkins University, September 9, 2009 / U.S. Department of State, 2015. Mode of access: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/index.htm>

²⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Консультант-Плюс, 2015. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ [EAEU Treaty of 29.05.2014 / Konsul'tant-Plus,

В военно-политической сфере США объявляли себя активными борцами с радикальным исламом, на что и было направлено их военное присутствие в Афганистане, для снабжения которого использовались транспортные пути и территория государств Средней Азии. Не исключено, что таким образом (демонстрацией военной силы, оружия и специальной техники, а также использование местных баз) они пытались повысить также свой авторитет.

Для России главными целями являлись укрепление мира и региональной безопасности, защита независимости, территориальной целостности государств региона, что можно понимать как сохранение существующих там режимов, которые вполне лояльны по отношению к Кремлю. Неофициально Москва стремится к сохранению своего военного влияния в регионе и сохранению своей роли «гаранта» безопасности.

Исходя из всего вышеописанного, можно сделать вывод, что сферой, в которой конфликт интересов наименее явен, является военно-политическая сфера или сфера безопасности. Это может происходить по ряду причин. Во-первых, более вероятно, что Вашингтон в большей степени был сосредоточен на своей операции в Афганистане и использовал территорию Средней Азии только в качестве транзита, устанавливая не самые тесные связи с правящими режимами. Во-вторых, возможно Москва более уверена в своем устойчивом положении в отношениях со среднеазиатскими государствами и считает их более тесными, нежели они могут быть между теми же государствами и США. В-третьих, сфера безопасности является одной из самых серьезных сфер взаимодействия, где основной ценностью является ценность человеческой жизни, отсутствие угроз, а основной задачей для большинства государств мира является борьба с радикальным исламом.

Так, создание Северной сети снабжения в 2009 году стало не только частью логистической цепочки для снабжения военных сил в Афганистане, но явилось лучшим примером взаимодействия России, США и всех

2015. Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

пяти государств Средней Азии²⁶. Именно поэтому на сферу безопасности следует обращать особое внимание, так как она может стать объединяющим звеном в конфликте политических интересов.

Для того, чтобы понять, каким образом Россия и США влияют на политические процессы, происходящие в государствах Средней Азии, необходимо обратить внимание на политические технологии, используемые с обеих сторон.

Для начала стоит отметить, что политическая деятельность США всегда основывается на публичных выступлениях, документах, стратегиях, которые принимает администрация действующего американского президента. Так, при администрации Дж. Буша-старшего таким документом являлся принятый в 1992 году законопроект «О поддержке свободы», в рамках которого финансовую помощь получали и государства Средней Азии. Во время президентства У. Клинтона начала разрабатываться и действовать с 1994 года программа «Партнерство ради мира», а в 1997 году Вашингтон включил Среднюю Азию в «зону ответственности» командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая в то время контролировала ситуацию на Среднем Востоке.

Идея «Большой Центральной Азии», принадлежавшая Ф. Старру²⁷, легла в основу с рядом переформулированных предложений заявлений госдепартамента США в 2006 году о политике Вашингтона в Центральной Азии²⁸. Таким образом, Вашингтон

обеспечивает свои политические решения, которые влияют на политический процесс в Среднеазиатском регионе, нормативно-правовой основой. США активно используют технологии формирования имиджа для продвижения своих политических интересов. Причем речь идет о формировании как своего собственного образа, так и об изменении оценки образа соперника.

В 2009 году Вашингтон пригласил критику стран Средней Азии за нарушения прав человека: обращаясь к руководству государств региона, администрация США подчеркивала, что не собирается «навязывать свою систему»²⁹.

Заявляя о намерении помочь странам Средней Азии «интегрироваться друг с другом и соседями», администрация США предпочитала не обращать внимание на уже действующие в регионе механизмы многостороннего военно-политического и экономического сотрудничества. Вашингтон и руководство НАТО подчеркнуто игнорировали попытки Секретариата ОДКБ установить контакты с Североатлантическим альянсом³⁰.

Также администрация США демонстрировала скептическое отношение к деятельности и перспективам ШОС, заявляя, что не видит «конкретных достижений» этой организации и не вполне понимает, чем занимается эта структура³¹. Самой распро-

2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/65292.htm

²⁹ Burns, W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S. – Central Asia Economic Ties / U.S. Department of State, October 7, 2009. Mode of access: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>

³⁰ Троицкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша-младшего и Б. Обамы // МГИМО, 2015. Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/z05_2013/troitski.pdf [Troitskii, E.F. Politika SShA v Tsentral'noi Azii: podkhody vtoroi administratsii Dzh. Busha-mladshogo i B. Obamy (US Policy in Central Asia: Approach of the Second Administration of G. Bush and B. Obama) // MGIMO, 2015. Mode of access: http://www.mgimo.ru/files2/z05_2013/troitski.pdf]

³¹ Feigenbaum, E. The Shanghai Cooperation Organization and the Future of Central Asia. Remarks at the Nixon Center / Washington D.C., 2015. Mode of access: http://dushanbe.gov/sp_09062007.html

²⁶ Манкофф Д. Досье дипломата. Опыт нелинейной энциклопедии // Международная жизнь, 7 августа 2013. Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9875> [Mankoff, D. Dos'e diplomata. Opytnelineinoi entsiklopedii (Diplomat's Record. Attempt of Non-Linear Encyclopedia) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 07.08.2013. Mode of access: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9875>]

²⁷ Starr, F. «A Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors // *Foreign Affairs*, 2015. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/60833/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia>

²⁸ Boucher, R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia // STATE.GOV, April 26, 2006. Mode of access: [106 СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА · 2017 Т.8 № 3](http://2001-</p>
</div>
<div data-bbox=)

страненной технологией, используемой как Россией, так и США является технология политических соглашений и союзов.

Как основной инструмент воздействия на внешнюю политику США используют НАТО, учреждая программы, направленные на работу в различных регионах. Программа НАТО «Партнерство ради мира» задействовала государство Средней Азии.

Практика ежегодных двусторонних консультаций, начатая во время администрации Б. Обамы, является результатом первых международных контактов руководств США и среднеазиатских государств³². США также поддерживали проект альтернативной интеграции постсоветского пространства в формате ГУУАМ – региональной организации в составе: Грузии, Украины, Азербайджана, Молдавии, Узбекистана (с 1999 по 2006 гг.)³³. Одновременно США спонсировали и другие проекты по реорганизации постсоветского пространства: Центрально-Азиатский союз (1994-1998), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (1998–2002), Организацию «Центрально-Азиатское сотрудничество» (2002-2005)³⁴.

Через финансирование неправительственных организаций (НПО), таких как Национальный демократический институт и Международный республиканский Институт, Вашингтон поддерживал реформы

и преобразования в странах Средней Азии. Обычно эта поддержка осуществляется в форме грантов для НПО, которые активно участвуют в политических процессах в странах региона по части мониторинга выборов, создания партий. Нередко активисты на местах ведут деятельность, нацеленную на свержение действующих режимов. Создание таких организаций и выделение грантов олицетворяют собой технологию лоббизма и осуществления поддержки политических решений.

Политические технологии, позволяющие Москве проводить свою политику в Среднеазиатском регионе не столь обширны, нежели технологии, применяемые США. Так, самыми широко используемыми технологиями являются технологии политических союзов и соглашений.

Россия является инициатором создания практически всех наднациональных проектов, действующих на постсоветском пространстве, в их числе: СНГ, ЕврАзЭС, проект Евразийского Союза, Таможенный союз, Организация Договора о коллективной безопасности. В рамках этих организаций просматриваются политические цели Москвы, которые в основном, как это было уже сказано, направлены на интеграцию между бывшими союзными республиками.

Также, роль играют и технологии по формированию имиджа России на международной арене, при использовании которых Москва опять-таки использует свое членство или лидерство в международных организациях. Аналогичная ситуация с технологиями лоббизма и поддержки политических решений.

Влияние России на правительства государств Средней Азии в основном основывается на предлагаемом «покровительстве» во внешнеполитических вопросах или на оказании экономической помощи в проектах, касающихся безопасности. Таким образом, Россия стремится сохранить и преувеличить свой авторитет как «гаранта» безопасности в Среднеазиатском регионе.

Говоря о технологиях лоббизма, стоит отметить, что российские НПО достаточно давно действуют на территории Средней Азии. Прежде всего здесь необходимо на-

³² Burns, W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S. – Central Asia Economic Ties / U.S. Department of State, October 7, 2009. Mode of access: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>

³³ Устав Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ / GUAM, 2015. Режим доступа: <http://guam-organization.org/node/449> [Charta of GUAM Organization for Democracy and Economic Development / GUAM, 2015. Mode of access: <http://guam-organization.org/node/449>]

³⁴ Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы / МГИМО, 2015. Режим доступа: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=E3DAB956-8956-310D-0D4C-2235B2392202> [Kazantsev, A.A. Politika SShA v postsovetskoj Tsentral'noi Azii: kharakter i perspektivy (US Policy in Post-Soviet Central Asia: Trends and Prospects) / MGIMO, 2015. Mode of access: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=E3DAB956-8956-310D-0D4C-2235B2392202>]

звать Фонд «Русский мир» и Фонд Горчакова. Кроме того, в регионе действуют, например, такие неправительственные организации, как студенческая «Молодая Евразия» (во всех странах), Центр им. Л. Гумилева (Киргизия), Центр Востока и Запада (Казахстан). В государствах Средней Азии существуют также организации соотечественников.

Сферу деятельности НПО можно охарактеризовать как гуманитарное сотрудничество негосударственных акторов политической жизни стран СНГ, поддержка исторически сложившихся и новых форматов общения граждан постсоветских государств, популяризация русского языка и русской культуры в ближнем зарубежье, связи с соотечественниками. Также российские НПО стремятся утвердить ценности межкультурного человеческого общения.

В соответствии с уставными документами, у каждой российской НПО свои собственные цели и задачи. Одни из них в большей степени акцентируют работу на развитии культурных инициатив, у других приоритетом является образовательная деятельность. Но узкой специализации нет ни у одной структуры, все работают с учетом страновой специфики и в соответствии с финансированием³⁵.

Отметим, что подведомственной структурой Министерства иностранных дел Российской Федерации является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере обеспечения и развития международных отношений Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств, другими иностранными государствами, а также в сфере международного гуманитар-

ного сотрудничества³⁶.

Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, руководство которой осуществляет С. Лавров, является координационным органом, обеспечивающим согласованные действия заинтересованных органов исполнительной власти по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. Комиссия осуществляет работу по обеспечению реализации мероприятий по поддержке соотечественников за рубежом³⁷.

В современных условиях Среднеазиатских регион может стать одним из новых центров мировой политики, в котором столкнутся интересы Запада и России. Конфликт интересов, скорее всего, будет лежать в политико-идеологической и экономической плоскостях, и вряд ли противоречие Москвы и Вашингтона в этих сферах может быть в скором времени преодолено. Сферой, в которой интересы двух мировых политических лидеров солидарны и пересекаются, и является сфера безопасности. Совместная работа на этом направлении уже проводилась, а это значит, что в будущем точку «равновесия» между конкуренцией и сотрудничеством стоит искать именно здесь.

Для России важными направлениями работы в Средней Азии является: сокращение афганского наркотрафика, контроль за миграцией, транзит энергоносителей через территорию России.

В составе государственных органов Российской Федерации также имеется Правительственная комиссия по разработке и реализации антинаркотических программ, обеспечивающих интересы Российской Федерации.

Самым важным и действенным механизмом на пути предотвращения угроз на

³⁵ Российские НПО в Центральной Азии / МГИМО, 2015. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/inno/document267838.phtml> [Russian NGOs in Central Asia / MGIMO, 2015. Mode of access: <http://www.mgimo.ru/news/inno/document267838.phtml>]

³⁶ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) / Правительство Российской Федерации. 2015. Режим доступа: <http://government.ru/department/93/about/>

³⁷ Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом / Правительство Российской Федерации. 2015. Режим доступа: <http://government.ru/department/156/about/>

этих направлениях является интеграция посредством наращивания потенциала международных организаций и экономических связей с государствами Средней Азии.

Стоит также отметить, что политика Вашингтона в Средней Азии является более всеобъемлющей и гибкой, используется широкий спектр политических технологий влияния на политические процессы.

Москве следует обратить внимание, прежде всего, на технологии обеспечения поддержки политических решений. При формировании своего политического имиджа в регионе России также необходимо пересмотреть устоявшийся образ «центра интеграции» и «гаранта безопасности». Возможно, стоит обратить большее влияние на общность исторического прошлого, совместные достижения, единство и дружбу народов. Именно эти ценности были основой бывшей в XX веке интеграции между государствами. Этот опыт является уникальным и может работать только в условиях определенной исторической ментальности, а значит, может стать «козырем» в политике России в Средней Азии.

В целом, реальная практика существовавших в последние годы российско-американских отношений в регионе мало располагает к партнерству. Почти во всех областях двустороннего и многостороннего сотрудничества России со странами Средней Азии Соединенные Штаты выступают как её прямой конкурент. Стратегические цели и задачи Москвы и Вашингтона в регионе часто прямо противоположны, между ними постоянно идет скрытая борьба за усиление своего влияния в государствах Средней Азии.

Основная цель США – укрепить свое политическое влияние в регионе и иметь решающий голос в распределении местных энергетических и других природных ресурсов. Для этого Вашингтон стремится «модернизировать» находящиеся здесь государства и под лозунгом демократизации привести к власти, устраивающие его режимы. В этом плане цели США и интересы России направлены в противоположные стороны.

В то же время, и США, и Россия заинтересованы в конструктивных отношениях в сфере борьбы с терроризмом, распростра-

нением ядерного и других видов оружия массового поражения, а также средств их доставки и технологий производства. Американская антитеррористическая операция в Афганистане в целом отвечала стремлению России не допустить рост влияния международных террористов и исламских радикалов в Средней Азии и их проникновение на территорию РФ.

В свете того, что США взяли на себя роль главного координатора международных усилий по стабилизации обстановки в Афганистане, участие в этом процессе России было дозированным, особенно в сфере поддержки военных усилий коалиции.

С точки зрения закона единства и борьбы противоположностей, взаимодействие России с США в Средней Азии, очевидно, будет осуществляться в форме конкуренции, путем укрепления и расширения собственных позиций в сферах экономики и безопасности. Переход к прямой конфронтации между ними вероятен, но не велик.

Конфронтация означала бы расшатывание региональной стабильности, а это противоречит интересам всех субъектов международных отношений в регионе. НГ некоторые среднеазиатские страны и по экономическим причинам, и по соображениям безопасности воспринимают американское присутствие положительно. Также необходимо подчеркнуть, что на современном этапе численность НПО из стран дальнего зарубежья, действующих в Средней Азии, многократно превосходит численность отечественных структур.

Защита интересов России в Средней Азии требует усиления ее взаимодействия и сотрудничества с партнерами по ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС. Выбор у России небольшой: либо предложить интеграционный проект, связывающий Россию, Среднюю Азию и частично пространство ШОС в рамках стратегических российских интересов, либо вообще отказаться от роли мировой и даже региональной державы. А для этого нужно выработать тактику действий по реализации стратегии Российской Федерации в Средней Азии, включающую:

– разработку и всемерное содействие многосторонним экономическим (энерге-

тическое сообщество, водный консорциум, единые транспортные коммуникации) и гуманитарным проектам в Средней Азии;

- посредничество в урегулировании экономических и иных конфликтов между государствами региона;

- расширение контактов различных общественных и религиозных организаций, а также общественных фондов России с аналогичными объединениями в государствах Средней Азии, включая оппозиционные, с целью разъяснения российских интересов в регионе и установления более тесного взаимодействия с ними;

- использование ошибок политики США в регионе (двойных стандартов и принципов «колониальной» демократизации), а также негативного отношения к их афганской и иракской кампаниям для продвижения в обществах центрально-азиатских государств российской политики;

- оказание всемерной помощи в борьбе с наркотрафиком как основным источником финансирования терроризма и исламского экстремизма и другими нетрадиционными трансграничными угрозами.

Причем все эти действия должны строго учитывать национальные интересы государств региона и не вступать с ними в противоречие.

Суммируя национальные интересы основных внешних игроков в Средней Азии (США, РФ) и политику Вашингтона в сфере региональной безопасности и рассматривая их через призму российских интересов, можно выделить несколько групп наиболее актуальных вызовов и угроз обеспечению стабильности в Средней Азии.

Во-первых, это «традиционные» военные угрозы, связанные с текущими и потенциальными вооруженными конфликтами и войнами в прилегающих к Средней Азии регионах.

Во-вторых, это «нетрадиционные» угрозы: экстремизм и терроризм сепаратистов и исламских фундаменталистов; сохранение внутренней конфликтности и напряженности по линии Казахстан-Узбекистан и в «треугольнике» Узбекистан-Таджикистан-Киргизия; проблемы в области контроля над распространением технологий производства

ядерного оружия и других видов оружия массового поражения, а также неконтролируемая торговля обычными видами оружия; рост наркотрафика; неполная урегулированность миграционных проблем, а также застойные и кризисные явления в экономической и политической сферах в ряде государств региона. «Нетрадиционные» угрозы носят устойчивый характер и в обозримой перспективе в том или ином виде будут проявляться.

В-третьих, это относительно новые процессы, обусловленные перспективой смены правящих элит в большей части государств региона и возможной при этом дестабилизации обстановки, изменением тактики радикальных исламистских организаций в сторону наращивания информационно-пропагандистской деятельности и усилении роли Китая в Средней Азии через двусторонние контакты, через ШОС.

Литература:

Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990-2005 гг. – М.: МОНФ: ИСК РАН, 2005.

Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Консультант-Плюс, 2015. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

Интервью Н. Назарбаева телеканалу «Россия 24» // Vnews.kz, 2015. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=C3t0VN0kwXE>

Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы / МГИМО, 2015. Режим доступа: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=E3DAB956-8956-310D-0D4C-2235B2392202>

Манкофф Д. Досье дипломата. Опыт нелинейной энциклопедии // Международная жизнь, 7 августа 2013. Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9875>

Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Сотрудничество Республики Казахстан с Соединенными Штатами Америки // Портал «Mfa.kz», 2015. Режим доступа: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/europe_america/35

Морозов Ю. Влияние военной политики США на обеспечение безопасности в Центральной Азии и на национальные интересы России в регионе / Россия и Америка в XXI веке, 2006-2015. Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=194>

Николаева Е. Таможенный союз и наркотрафик / Информационно-аналитический портал POLIT.RG, 2010. Режим доступа: <http://www.polit.kg/newskg/550>

Пабст А. Новая большая игра в Центральной Азии // Мир перемен. – 2010. – №3. – С. 165.

Панфилова В. Астана шлет Москве сигнал // Независимая газета, 19 марта 2013. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2013-03-19/6_astana.html

Панфилова В. Отложенная партия Ислама Керимова // Независимая газета, 7 декабря 2011. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2011-12-07/1_karimov.html

Российские НПО в Центральной Азии / МГИМО, 2015. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/inno/document267838.phtml>

Садовская Е. Казахстан в Центральноазиатской миграционной подсистеме / Под ред. Ж. А. Зайончковской, Г. С. Витковской. – М.: ИТ «АдамантЪ», 2009.

Сапожков О. Комиссары Евразии // Коммерсантъ, 31 октября 2011. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1807225>

Троцкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии: подходы второй администрации Дж. Буша-младшего и Б. Обамы // МГИМО, 2015. Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/z05_2013/troitzi.pdf

Устав Организации договора о коллективной безопасности / Организация договора о коллективной безопасности, 2015. Режим доступа: <http://www.dkb.gov.ru/b/azg.htm>

Устав Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ / GUAM, 2015. Режим доступа: <http://guam-organization.org/node/449>

Шилдс Дж. Программа Нанна-Лугара: отношения между США и странами-получателями помощи // Ядерный контроль. – 1996. – № 16. – С. 17-23; Поттер У.С. Отказ от ядерного оружия: Белоруссия, Казахстан, Украина. – М.: Комитет по критическим технологиям и нераспространению, 1996.

Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asia Survey*, 2008, Vol. 27, Iss. 2.

Blake, R. The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, John Hopkins University, September 9, 2009 / U.S. Department of State, 2015. Mode of access: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/index.htm>

Boucher, R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia // STATE.GOV, April 26, 2006. Mode of access: <http://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/65292.htm>

Burns, W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S. – Central Asia Economic Ties / U.S. Department of State, October 7, 2009. Mode of access: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>

Collins, K. Stabilizing or Destabilizing Central Asia? The Great Powers and Central Asia. Berkeley, 2013.

Feigenbaum, E. The Shanghai Cooperation Organization and the Future of Central Asia. Remarks at the Nixon Center / Washington D.C., 2015. Mode of access: http://dushanbe.gov/sp_09062007.html

Gvosdev, N. The Realist Prism: U.S. – Russia Reset on Display of / World Politics Review, 2015. Mode of access: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9347/the-realist-prism-u-s-russia-reset-on-display-in-afghanistan>

Linn, J. Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality Or Mirage? Almaty: Eurasian Development Bank, 2012. Pp.111-113.

Starr, F. «A Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors // Foreign Affairs, 2015. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/60833/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia>

Starr, S.F. A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*, 2015. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/60833/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia>

Wishnick, E. Strategic Consequences of the Iraq War: U.S. Security Interests in Central Asia Reassessed. Carlisle Barracks: Strategic Studies Inst.: U.S. Army War College, 2004.

References:

Braterskii, M.V. SShA i problemnye strany Azii: obosnovanie, vyrabotka i realizatsiia politiki v 1990-2005 gg (The USA and Problematic Central Asian States: Substantiation, Elaboration and Realization of Policy in 1990-2005). Moscow: MONF: ISK RAN, 2005.

Interview of N. Nazarbaev for Russia-24 / Bnews.kz, 2015. Mode of access: <http://www.youtube.com/watch?v=C3t0VNOkWE>

Kazantsev, A.A. Politika SShA v postsovetsoi Tsentral'noi Azii: kharakter i perspektivy (US Policy in Post-Soviet Central Asia: Trends and Prospects) / MGIMO, 2015. Mode of access: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=E3DAB956-8956-310D-0D4C-2235B2392202>

Mankoff, D. Dos'e diplomata. Opyt nelineinoi entsiklopedii (Diplomat's Record. Attempt of Non-Linear Encyclopedia) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 07.08.2013. Mode of access: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9875>

Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan: Relations between Kazakhstan and the USA / Mfa.kz, 2015. Mode of access: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/europe_america/35

Morozov, Iu. Vliianie voennoi politiki SShA na obespechenie bezopasnosti v Tsentral'noi Azii i na natsional'nye interesy Rossii v regione (Military Policy of the USA and Its Influence on Central Asian Security and National Interests of Russia in the Region) / Rossiia i Amerika v XXI veke, 2006-2015. Mode of access: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=194>

Nikolaeva, E. Tamozhenni coiuз i narkotrafik (Custom Union and Drug Trafficking) / Informatsionno-analiticheskii portal POLIT.RG, 2010. Mode of access: <http://www.polit.kg/newskg/550>

Pabst, A. Novaia bol'shaia igra v Tsentral'noi Azii (New Great Game in Central Asia) // *Mir peremen*, 2010, No. 3.

Panfilova, V. Astana shlet Moskve signal (Astana Signalizes to Moscow) // *Nezavisimaia gazeta*, 19 March 2013. Mode of access: http://www.ng.ru/cis/2013-03-19/6_astana.html

Panfilova, V. Otlozhennaia partiia Islama Kerimova (Adjourned Game of Islam Kerimov) // *Nezavisimata gazeta*, 7 Dec. 2011. Mode of access: http://www.ng.ru/cis/2011-12-07/1_karimov.html

Russian NGOs in Central Asia / MGIMO, 2015. Mode of access: <http://www.mgimo.ru/news/inno/document267838.phtml>

Sadovskaia, E. Kazakhstan v Tsentral'noaziatskoi migratsionnoi subsisteme (Kazakhstan in Central Asian Migration Sub-System) / Ed. by Zh. A. Zaiionchkovskay, G. S. Vitkovskaya. Moscow: IT «AdamantЪ», 2009. P. 290.

Sapozhkov, O. Commissary Evrazii (Commissars of Eurasia) // *Kommersant*®, 31 Oct. 2011. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/1807225>

Troitskii, E.F. Politika SShA v Tsentral'noi Azii: podkhody vtoroi administratsii Dzh. Busha-mladshhego i B. Obamy (US Policy in Central Asia: Approach of the Second Administration of G. Bush and B. Obama) // *MGIMO*, 2015. Mode of access: http://www.mgimo.ru/files2/z05_2013/troitzi.pdf

Charta of CSTO / CSTO, 2015. Mode of access: <http://www.dkb.gov.ru/b/azg.htm>

Charta of GUAM Organization for Democracy and Economic Development / GUAM, 2015. Mode of access: <http://guam-organization.org/node/449>

Schilds, Dzh. Programma Nanna-Lugara: otnosheniia mezhdru SShA i stranami-poluchateliami pomoshchi (Nunn-Lugar Program: Relations between the USA and States-Recipients of Assistance) // *Iadernyi kontrol'*, 1996, No. 16, pp. 17-23; Potter, U.S. Otkaz ot iadernogo oruzhiia: Belorussia, Kazakhstan, Ukraina (Abandonment of Nuclear Weapon: Belarus, Kazakhstan, Ukraine). Moscow: Komitet po kriticheskim tekhnologiiam i nerasprostraneniui, 1996.

Allison, R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asia Survey*, 2008, Vol. 27, Iss. 2.

Blake, R. The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, John Hopkins University, September 9, 2009 / U.S. Department of State, 2015. Mode of access: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/index.htm>

Boucher, R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia // STATE.GOV, April 26, 2006. Mode of access: <http://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/65292.htm>

Burns, W. Silk Road Trade and Investment: New Pathways for U.S. – Central Asia Economic Ties / U.S.

Department of State, October 7, 2009. Mode of access: <http://www.state.gov/p/us/rm/2009a/130389.htm>

Collins, K. Stabilizing or Destabilizing Central Asia? The Great Powers and Central Asia. Berkeley, 2013.

Feigenbaum, E. The Shanghai Cooperation Organization and the Future of Central Asia. Remarks at the Nixon Center / Washington D.C., 2015. Mode of access: http://dushanbe.gov/sp_09062007.html

Gvosdev, N. The Realist Prism: U.S. – Russia Reset on Display of / *World Politics Review*, 2015. Mode of access: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9347/the-realist-prism-u-s-russia-reset-on-display-in-afghanistan>

Linn, J. Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality Or Mirage? Almaty: Eurasian Development Bank, 2012. Pp.111-113.

Starr, F. «A Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors // *Foreign Affairs*, 2015. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/60833/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia>

Starr, S.F. A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*, 2015. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/60833/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia>

Wishnick, E. Strategic Consequences of the Iraq War: U.S. Security Interests in Central Asia Reassessed. Carlisle Barracks: Strategic Studies Inst.: U.S. Army War College, 2004.

EAEU Treaty of 29.05.2014 / Konsul'tant-Plius, 2015. Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-96-113>

CLASH OF POLITICAL INTERESTS OF RUSSIA AND THE USA IN CENTRAL ASIAN REPUBLICS

Darya V. Kochegarova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Andrey V. Novikov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> 5 March 2016 <i>Accepted:</i> 12 March 2017</p>	<p>Abstract: Amid further political and economic sanctions imposed by the USA and the EU on the Russian Federation, Russia is experiencing a gradual pivot towards the East; among other states Russia is intensifying its ties with Central Asia and China. From this perspective, deepening conflict between Russia and the USA might be explained as a clash of their political interests. The political environment of the modern system of international relations reflects the rise of political disagreements between Russia and the USA in the Central Asian republics. To pursue its political ends in Central Asia Russia has to promote relations and cooperation within the Collective Security Treaty Organization, the Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organization.</p>
<p>About the authors: <i>Darya V. Kochegarova,</i> Head of the Laboratory «Socio-Political Analysis and Forecasting», Plekhanov Russian University of Economics e-mail: dash.koches@gmail.com <i>Andrey V. Novikov,</i> Laboratory Assistant, Political Science and Sociology Department, Plekhanov Russian University of Economics e-mail: Camouflage@yandex.ru</p>	
<p>Key words: political interests, political conflict, international relations, Russia, USA, EU, Central Asia</p>	

Для цитирования: Кочегарова Д.В., Новиков А.В. Конфликт политических интересов России и США в республиках Средней Азии // *Сравнительная политика.* – 2017. – № 3. – С. 96-113.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-96-113

For citation: Kochegarova, Darya V.; Novikov, Andrey V. Konflikt politicheskikh interesov Rossii i SShA v respublikakh Srednei Azii (Clash of Political Interests of Russia and the USA in Central Asian Republics) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 96-113.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-96-113

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ВЛИЯНИЯ КИТАЯ НА СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эдуард Юрьевич Петров

Министерство экономического развития РФ,
Москва, Россия

Михаил Семенович Семерков

Войсковая часть 9594, Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 27 сентября 2016 Принята к печати: 12 мая 2017</p>	<p>Аннотация: В статье анализируется Центрально-Азиатский регион и влияния КНР на страны данного региона с позиции геополитических рисков. Для анализа берётся классификация рисков и на базе теоретических знаний в данной области анализируется современность взаимоотношений Китая со странами ЦА. Используя результаты собственного исследования, авторы обращают внимание на болевые точки, на которые следует обратить внимание, чтобы потом они не переросли в региональные конфликты.</p>
<p>Об авторах: Петров Э.Ю., юрист-международник, Минэкономразвития РФ e-mail: petroveu@rambler.ru Семерков М.С., старший сотрудник аналитического отдела, Войсковая часть 9594 e-mail: r.cpb@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, риски, геополитические риски, безопасность</p>	

Предлагая конфуцианство в качестве идеологической основы развития человечества в XXI веке, китайские обществоведы отмечают его толерантность, синкретическую направленность, терпимость к плюрализму, высокие и проверенные временем этические установки. Китайские коллеги, убеждая нас в своей правоте, восклицают: «Ведь никто больше в мире не смог создать концепцию цивилизационной гармонии и реализовать её на практике! Только китайцы, опираясь на Конфуция, сделали это»¹.

¹ Бажанов Е.П. Китай: от захолустья до сверхдержавы 21 века // Мир и политика, 18 июля 2012. [Bazhanov, E.P. Kitai: ot zakholust'ia do sverkhderzhavy 21 veka (China: from Backwoods

Авторы статьи солидарны с мнением Е.П. Бажанова в том, что возрастание мощи и амбиций Китая порождает в окружающем мире опасения, страхи и, как следствие, разговоры о необходимости сдерживания «восточного дракона», но нельзя также недооценивать влияние мировых держав на региональные страны, находящиеся в их ореоле и несущие для них как положительные тенденции для развития, так и риски.

Понятие *риски, опасности и угрозы* исторически существовали всегда, но в основном применялись относительно различных состояний и условий существования личности.

to Superpower of the XXIst Century) / *Mir i politika*, 18 July 2012.]

Применительно к политологии и относительно к существованию человеческих социумов разного уровня, они появились как следствие попыток политиков максимально выразить свою озабоченность в развитии своих наций.

Все эти понятия имеют разное значение и разное наполнение (в нашей работе ключевым понятием на котором мы остановимся для характеристики влияния КНР в Центральной Азии – будет понятие риск) и применяются для характеристики состояния отношений между субъектами геополитики, а также для определения качества и уровня напряженности отношений между ними в различных сферах существования.

В рамках нашей статьи можно ввести следующую классификацию рисков:

1. По масштабам реализации угроз – международные и национальные;

2. По локализации источника угроз – внешние по отношению к социально-экономической системе;

3. По сферам возникновения угроз – внешне- и внутривнутриполитические;

4. По сферам реализации угроз – политические и экономические.

Геополитические риски – это негативные тенденции развития человечества, оказывающие негативное воздействие на условия существования государства и снижающие темпы и качество его развития.

Геополитические риски для государства проистекают из внутренних условий его национального развития, а также из внешней сферы влияния².

В целом, геополитика есть борьба основных международных субъектов (государств) за лучшие условия существования и развития и, в конечном счёте, за место и роль

в современном мире и дальнейшей исторической парадигме (историческом процессе).

В системе вышеприведенных категорий А.И. Владимиров² авторы согласны с ним в том, что *риски* могут быть определены в качестве самостоятельного явления и могут претендовать на собственную феноменологию.

Так небезынтересна следующая классификация проблем и рисков, выделяемая Ульрихом Беком³:

1. инсценировка глобальных рисков;

2. манипулирование опасностью;

3. риск как возможность и опасность;

4. стирание грани между риском и его восприятием;

5. риск – это общая проблема, которая предполагает радикальный пересмотр разделения сфер ответственности между наукой, политикой и экономикой.

6. риски таятся повсюду, притом, что допустимые, это риски которые мы согласны допустить, а их объективность – не более чем продукт его восприятия и инсценировки.

В нашем исследовании интерес вызывает следующие тезисы Ульриха Бека:

1. Риск всегда есть угроза пришествия в будущем;

2. Риск не тождествен катастрофе, он есть ожидания катастрофы;

3. Риск не приводит к хаосу, не более чем катастрофа или угроза;

4. Глобальные риски становятся реальными, если начинают представлять опасность с позиции той или иной культуры, или угрожать новой всемирной интеграции и взаимодействию.

Современные глобальные тренды в экономике, стягивающие мир сетевыми связями в единую экономическую систему, превращают интеграцию на региональном и межрегиональном уровне в императив развития Центрально-Азиатского региона. И в данном контексте усиливающееся внимание к Центральной Азии не только крупных держав (РФ, Китай, США и ЕС), но и региональных игроков (Турция, Иран, Индия) является по-

² Владимиров А. “Вызовы”, “Риски”, “Опасности”, “Угрозы”, “Кризисы”, “Катастрофы” и “Крах” как важные категории политологии и теории войны. Режим доступа: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm [Vladimirov, A. “Vyzovy”, “Riski”, “Opasnosti”, “Ugrozy”, “Krizisy”, “Katastrofy” i “Krakh” kak vazhnye kategorii politologii i teorii voyny. (Challenges, Risks Threats, Dangers, Crises, Catastrophes and Collapse as Key Concepts of Political Theory and Theory of War) / Kadet.ru. Mode of access: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm]

³ Ульрих Бек. Инсценировка глобальных рисков. – М.: UNION, 2009. – №1. – С. 17-29. [Bek, U'rikh. Instsenirovka global'nykh riskov (Global Risks Staging). Moscow: UNION, 2009, No.1, pp. 17-29.]

казателем важности региона и нахождения его в фокусе большой международной политики. Следует отметить, что слабость существующих в регионе политических институтов, отсутствие ясных экономических правил игры делают центрально азиатские страны открытыми для различных внешнеполитических влияний. Повышенное стремление мировых держав, в первую очередь КНР и США, к обеспечению экономической безопасности своих прямых инвестиций в Центральной Азии (*далее – ЦА*) может оказать отрицательный эффект и нести риски странам региона, которые не способны конкурировать на своей площадке.

Среди сил, играющих важную роль в регионе, особое место занимает Китай. Его геополитическое положение и современные экономические тенденции диктуют необходимость проявлять все большее внимание к ЦА. Данный фактор обуславливает определенные аспекты взаимодействия Китая с постсоветскими странами в данном регионе. Такое взаимодействие, безусловно, несет в себе широкие возможности для стран региона. Однако совершенно объективным представляется и то, что страны Центральной Азии, значительно уступая своему восточному соседу в экономическом потенциале и политическом авторитете, подвержены определенным вызовам и рискам. Здесь свое проявление находит балансирование между противоречивыми детерминантами, связанными с потребностями стран ЦА в обеспечении национальной безопасности и интересами региональной экономической интеграции⁴.

Регион Центральная Азия привлекателен для КНР по нескольким параметрам, которые при определенной политической и экономической конфигурации могут нести в себе потенциальные риски для стран ЦА.

Во-первых, регион Центральная Азия известен богатыми запасами природных ресурсов и полезных ископаемых (запасы нефти и газа в Казахстане, урана в Таджикистане), доступ к которым стремится по-

лучить Китай. Говоря об энергетической составляющей экономики КНР, необходимо отметить возрастающую тенденцию по усилению зависимости Китая от импорта углеводородов – уже в 2012 году Китай перешагнул «психологическую» планку в 50%, и с этого периода, данная тенденция продолжает усиливаться. В данном контексте можно прогнозировать, что Китай будет диверсифицировать стремление по получению доступа к энергоресурсам именно данного региона, что обусловлено фактором близости ЦА к территории КНР и, следовательно, низкими затратами на их транспортировку.

Во-вторых, учитывая низкий уровень объемов производства в регионе, относительную неконкурентоспособность местных производителей товаров, а также невысокую себестоимость китайских товаров, КНР стремится задействовать имеющиеся средства и ресурсы для завоевания рынков сбыта товаров народного потребления на центрально-азиатском направлении. Последние несколько лет отмечаются случаи, когда китайские предприниматели, обладая конкурентными преимуществами, использовали различные рычаги для получения доступа к наиболее выгодным условиям осуществления бизнеса (получение в аренду выгодных товарных площадей, земельных участков и т.д.).

Так, только по официальным данным, гражданами Китая на территории Киргизии открыто 400 предприятий, а неофициальные цифры доходят до тысячи⁵. Причем доля произведенной продукции и оказываемых услуг предприятиями, фактически принадлежащими китайцам, давно превысила в ВВП республики 30%, что само по себе таит опасность потери государством контроля над своей экономикой. Подтверждением тому, что КНР стремится продвигать политику «экономической экспансии» в регионе, являются его продолжающиеся попытки сформировать зону

⁴ Богатуров А.Д. Международные отношения в Центральной Азии. – М.: Аспект пресс, 2014. [Bogaturov, A.D. Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii (International Relations in Central Asia). Moscow: Aspekt press, 2014.]

⁵ Князев А. Эксперт из Киргизии: Захват Средней Азии – одна из долгосрочных задач Китая / REGNUM, 07.11.2014. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1863906.html> [Kniazev, A. Ekspert iz Kirgizii: Zakhvat Srednei Azii – odna iz dolgosrochnykh zadach Kitaia (Expert from Kirgizstan: Seizure of Central Asia is a Long-Term Objective of China) / REGNUM, 07.11.2014. Mode of access: <http://regnum.ru/news/polit/1863906.html>]

свободной торговли в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества⁶.

При этом, обобщая два вышеизложенных фактора, по распространенному в экспертном сообществе мнению, Китай при проведении внешнеэкономического курса использует принципы «готовая продукция в обмен на сырье». В пользу этого говорит структура внешней торговли между КНР и ЦА, при которой из более чем 46 млрд долларов США общего объема, лишь 5 млрд приходится на стоимость продукции, вывозимой в Китай.

Третья детерминанта, которая обуславливает повышенное внимание Китая к странам Центральной Азии, – это ее географическое положение с точки зрения транзитных и транспортных возможностей.

Интересным представляется то, что, начиная с 2012 года, основным торговым партнером и экспортным реципиентом КНР является Европейский Союз, и прогнозируется, что в течении ближайших лет товарооборот Китай-Европа будет неуклонно расти. В настоящее время основным путем доставки китайской продукции в Европу остается морской маршрут, который, при наличии несомненных преимуществ (крупные объемы перевозок, сравнительно низкие издержки) остается весьма затратным по времени. В этой связи китайская экономика будет стремиться к поиску и развитию трансасиатских транспортных маршрутов, ориентированных именно на европейский регион и западную часть Азиатского континента.

Данные планы китайская сторона стремится воплотить в рамках реализуемой ею инициативы «Экономического пояса Нового Шелкового пути» (глобальный проект «Один пояс – один путь»), который предусматривает строительство транспортной сети и соответствующей инфраструктуры в Центрально-Азиатском регионе для доставки товаров, произведенных Китаем, на европейский рынок. Кроме этого, обнаруженная китайским пра-

вительством 28 марта 2015 года «Концепция и план действий по совместному строительству ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века» предусматривает и «глобальную либерализацию торговых режимов», связанную с устранением/снижением торговых режимов, унификацию таможенных и других регулирующих торговых процедур. В данном документе звучит и призыв к формированию единой финансово-кредитной политики, что предусматривает доступ к кредитной информации, расширение валютных свопов, выпуск участниками проекта «юаневых» облигаций в Китае и т.д.⁷

В настоящее время Поднебесная активно реализует установки по инвестированию проектов в указанных сферах со всеми государствами ЦА. Так, Китай инвестирует в строительство железной дороги, которая свяжет Западный Китай с Ираном, и будет проходить через Киргизию, Таджикистан и Афганистан. При этом инвесторами в качестве главного условия «кредитного» участия выставляется использование именно китайского стандарта железнодорожной колеи, что позволит монополизировать данную сферу и укрепить свое влияние в регионе.

Многие политологи-международники относятся к новой китайской инициативе весьма сдержанно, прогнозируя, что её реализация приведёт к ещё большему росту экономического присутствия Китая в регионе, которое может быстро перерасти в его подавляющее доминирование. Отметим, что важнейшие секторы национальных экономик стран региона, например, нефтегазовой отрасли в Казахстане, или горнорудной промышленности в Таджикистане, контролируются китайскими компаниями. При этом отсутствует явная перспектива, что с реализацией китайской инициативы появятся новые рабочие места для местного населения в регионе. Учитывая опыт работы китайских компаний в различных регионах, в том числе и в России, руководство предприятий стремится полностью трудоустроить на рабочие специальности граждан

⁶ Китай предложил зону свободной торговли в рамках ШОС // Вести.Экономика. Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/65466> [Kitai predlozhit zonu svobodnoi trgovli v ramkakh ShOS (China Proposed a Free Trade Area within the SCO) // *Vesti.Ekonomika*. Mode of access: <http://www.vestifinance.ru/articles/65466>]

⁷ Уянаев С. Китайский проект «Один пояс – один путь» // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №4. – С.12. [Uianaev, S. Kitaiskii proekt «Odin poias – odin put'» (Chinese Project “The Belt and Road”) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No. 4, p. 12.]

своего государств. Используя свои обширные инвестиционные возможности, Китай успешно продвигает в качестве подрядчиков для проектов трубопроводов и транспортных коммуникаций (железные и автомобильные дороги) собственные компании.

Все вышеперечисленное позволяет рассматривать растущее присутствие Китая в Центральной Азии как очень тревожное явление и указывает также на то, что главным и прямым получателем выгод от такого присутствия являются определенные лица в политических кругах и бизнес-структурах, то есть сравнительно узкая прослойка общества и небольшая часть населения.

Иными словами, существенная часть общества стран Центральной Азии уверена в том, что китайская инициатива «Один пояс – один путь» служит интересам скорее самого Китая, нежели интересам государств региона.

Вышеприведённые факторы, с точки зрения авторов, обусловили формирование следующего потенциального риска, связанного с усилением экономического присутствия КНР в регионе Центральная Азия.

Учитывая наличие «афганского фактора», слабость институтов государственной власти в центрально-азиатских государствах, активная деятельность на их территориях сепаратистских и исламских экстремистских организаций, не исключена возможность возникновения очагов напряженности и вооруженных конфликтов. Рассматривая данную алармистскую ситуацию в потенциальном плане, можно с высокой долей вероятности судить, что Пекину будет сложно оставаться в стороне от решения вопросов региональной безопасности и необходимости обеспечения защиты инвестируемых им проектов и своих граждан, работающих на них. При таком развитии ситуации, угроза военного вмешательства оказалась бы крайне нежелательной для существующего в регионе военно-политического статус-кво⁸.

⁸ Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск XX. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 115. [Kitai v mirovoi i regional'noi politike: istoriia i sovremennost' (China in World and Regional Politics: History and Modernity). Vypusk XX. – Moscow: IDV RAN, 2015. P. 115.]

Отдельно стоит отметить угрозу уйгурского национал-сепаратизма и террористической активности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Не смотря на предпринимаемые китайскими властями меры, опасность возникновения и распространения «трех зол» (экстремизм, сепаратизм, терроризм) имеет место быть, в связи с чем не исключены образования новых очагов субрегиональной напряженности, которые могут перерасти в зону этнического конфликта.

Таким образом, можно сделать вывод, что политика Китая в регионе опирается на концепцию многовекторной экономической и политической экспансии, основной целью чего является продвижение региональной экономической интеграции, ускорение строительства единой транспортной сети в рамках реализации проекта ЭПШП, увеличения объемов экспортных поставок и инвестиционной активности в проектах энергетическо-сырьевой сферы, снижение и полная ликвидация торговых барьеров. Вместе с тем, инструментарий и методы для решения задач, возникающих перед КНР в ЦА, отнюдь не всегда соответствуют принципам «взаимной выгоды», декларируемым китайским руководством, что влечет к формированию рисков и угроз.

Литература:

- Бажанов Е.П.* Китай: от захолустья до сверхдержавы 21 века // Мир и политика, 18 июля 2012.
- Богатуров А.Д.* Международные отношения в Центральной Азии. – М.: Аспект пресс, 2014.
- Владимиров А.* «Вызовы», «Риски», «Опасности», «Угрозы», «Кризисы», «Катастрофы» и «Крахи» как важные категории политологии и теории войны. Режим доступа: http://http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm
- Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск XX. – М.: ИДВ РАН, 2015.
- Китай предложил зону свободной торговли в рамках ШОС // Вести.Экономика. Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/65466>
- Князев А.* Эксперт из Киргизии: Захват Средней Азии – одна из долгосрочных задач Китая / REGNUM, 07.11.2014. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1863906.html>
- Ульрих Бек.* Инсценировка глобальных рисков. – М.: UNION, 2009. – №1. – С. 17-29.
- Уянаев С.* Китайский проект «Один пояс – один путь» // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №4.

References:

- Bazhanov, E.P.* Kitai: ot zakholust'ia do sverkhderzhavy 21 veka (China: from Backwoods to Superpower of the XXIst Century) / *Mir i politika*, 18 July 2012.

Bek, Ul'rikh. Instsenirovka global'nykh riskov (Global Risks Staging). Moscow: UNION, 2009, No.1, pp. 17-29.

Bogaturov, A.D. Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii (International Relations in Central Asia). Moscow: Aspekt press, 2014.

Kitai predlozhit zonu svobodnoi torgovli v ramkakh ShOS (China Proposed a Free Trade Area within the SCO) // *Vesti.Ekonomika*. Mode of access: <http://www.vestifinance.ru/articles/65466>

Kitai v mirovoi i regional'noi politike: istoriia i sovremennost' (China in World and Regional Politics: History and Modernity). Vypusk XX. – Moscow: IDV RAN, 2015.

Kniazev, A. Ekspert iz Kirgizii: Zakhvat Srednei Azii – odna iz dolgosrochnykh zadach Kitaia (Expert from Kirgizstan: Seizure of Central Asia is a Long-Term Objective of China) / REGNUM, 07.11.2014. Mode of access: <http://regnum.ru/news/polit/1863906.html>

Uianaev, S. Kitaiskii proekt «Odin poias – odin put'» (Chinese Project “The Belt and Road”) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No. 4.

Vladimirov, A. “Vyzovy”, “Riski”, “Opasnosti”, “Ugrozy”, “Krizisy”, “Katastrofy” i “Krakh” kak vazhnye kategorii politologii i teorii voiny. (Challenges, Risks Threats, Dangers, Crises, Catastrophes and Collapse as Key Concepts of Politology and Theory of War) / Kadet.ru. Mode of access: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-114-119>

THE GEOPOLITICAL RISKS OF CHINA'S INFLUENCE ON CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Eduard Yu. Petrov

*Ministry of Economic Development of Russia,
Moscow, Russia*

Mikhail S. Semercov

Military Unit 9594, Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> 27 September 2016 <i>Accepted:</i> 2 May 2017</p>	<p>Abstract: The article analyzes the Central Asian region and the influence of China on countries of the region from a position of geopolitical risks. For the analysis of the classification of risks taken and on the basis of the theoretical knowledge in this area the article examines relations of China with the Central Asian countries. Using the results of their own research, the authors draw attention to the key points that should draw international attention until they escalate into regional conflicts.</p>
<p>About the authors: <i>Eduard Yu. Petrov,</i> Lawyer (International Law), Ministry of Economic Development of Russia e-mail: petroveu@rambler.ru <i>Mikhail S. Semercov,</i> Senior Employee of the Analytical Department, Military Unit 9594 e-mail: r.cpb@mail.ru</p>	
<p>Key words: China, Central Asia, risks, geopolitical risks, safety</p>	

Для цитирования: Петров Э.Ю., Семерков М.С. Геополитические риски влияния Китая на страны Центральной Азии // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 114-119.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-114-119

For citation: Petrov, Eduard Yu.; Semercov, Mikhail S. Geopoliticheskie riski vliianiia Kitaia na strany Tsentral'noi Azii (The Geopolitical Risks of China's Influence on Central Asian Countries) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 114-119.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-114-119

СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ: ТАКТИКА ОППОЗИЦИОННЫХ АКТОРОВ

Владислав Сергеевич Лапин

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 30 ноября 2016 <i>Принята к печати:</i> 28 мая 2017</p>	<p>Аннотация: Многообразие современных недемократических электоральных политических режимов определяется институциональными, структурными, акторскими (процедурными) различиями внутри сообщества «новых автократий». Траектории политических трансформаций и режимных изменений в таких гибридах зависят во многом от конкретных политических решений и действий ключевых для демократизации акторов. В настоящей статье проанализированы действия оппозиции по мобилизации и внутриоппозиционной кооперации как «выигрышной» тактики в электоральных недемократических режимах соревновательного типа. Эмпирическая часть исследования включает: 1) формирование базы данных публичных протестных акций в электоральном цикле 2015 года (январь-сентябрь) в Центральном федеральном округе России, включающем выборы глав ряда регионов, членов региональных и местных legislatures; 2) статистическую обработку данных об участии/неучастии оппозиционных акторов в публичных протестных акциях, количестве участников акций, совместных акциях оппозиции, тематиках акций; 3) конструирование и измерение эмпирически наблюдаемых признаков, что позволило сегментировать публичную протестную активность на 2 базовые части: гражданская активность и мобилизационная активность – и затем определить: какова доля совместного участия различных оппозиционных партий и движений в мобилизационных акциях. Полученные результаты позволяют ответить на вопросы: в какой мере используют российские оппозиционные акторы в качестве мобилизационного ресурса публичную протестную активность и в какой мере они готовы к взаимодействию друг с другом в публичном протестном поле?</p>
<p>Об авторе: аспирант, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского e-mail: lapinvladislav@rambler.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Демократизация, электоральный режим, соревновательный авторитарный режим, оппозиция, гражданское общество</p>	

Введение

Политический режим как одна из фундаментальных категорий политической науки продолжает оставаться в фокусе не только политологических исследований, но и исследований междисциплинарного характера. Более того, за последние 20 лет изучение политических режимов, их типологизация, анализ траекторий их трансформации стали ключевыми исследовательскими задачами в том числе и применительно к российской политической практике. Такое положение дел обусловлено кризисом теории демократического транзита, чье базисное положение о линейной трансформации режимов – от авторитаризма к консолидированной либеральной демократии, было эмпирически

опровергнуто. Оптимизм транзитологов в отношении режимных трансформаций в ходе «третьей волны» демократизации¹ за последнее десятилетие XX века сменился очевидным разочарованием. В ряде стран действительно закрепились демократические институты, были пройдены этапы либерализации, демократизации и, наконец, консолидации (примеры в посткоммунистических странах: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия). Однако трансформация по представленной схеме далеко не всегда была доведена до своего логического завершения, порождая неоавтократии и гибридные режи-

¹ Huntington, Samuel. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991

мы, в транзитологии ранее называемые переходными. Так, в процессе демократического транзита методы и формы политического взаимодействия, качество функционирования политических институтов закономерно далеки от паттерна либеральной демократии, однако это – переходные издержки. Такое состояние, переходный режим, в теории эволюционирует, окончательно избавляясь от элементов авторитаризма с установлением и укреплением демократических практик и институтов. На практике переходный режим зачастую теряет свои динамические характеристики, стабилизируется, приобретает устойчивость. В этой ситуации, в ситуации проваленного транзита, имеет смысл говорить уже не о переходном режиме, а о гибриде. Современная политическая наука определяет гибридный режим как политический режим, сочетающий в себе элементы авторитаризма и демократии². Данное определение представляется насколько универсальным, настолько и упрощающим политическую практику, поскольку каждый из гибридных режимов отличается своей институциональной средой и институциональным качеством.

Различия между траекториями политических трансформаций и режимных изменений объясняются влиянием двух групп факторов: структурных и процедурных (актор-ориентированных)³. Первая группа состоит из формирующих условия для развития демократии факторов, то есть «объективных» процессов и предпосылок. Вторая – из «субъективных факторов», в

основе которых лежат конкретные политические решения и действия ключевых для демократизации акторов, разрабатывающих политические стратегии и тактики. Такими акторами, инициаторами демократических реформ, могут стать как правящая политическая элита, так и мобилизовавшая массы оппозиция. При этом нельзя с уверенностью сказать, что одна из групп факторов во всех случаях имеет преимущественное значение для режимного изменения. В то же время определенное сочетание структурных и процедурных факторов позволяет выделить конкретные типологические группы⁴. В кластере «проблемные траектории», в который входит и Россия, исследователи наблюдают значительное влияние актор-ориентированных факторов. Возникновение гибридных режимов в странах этой группы обусловлено не столько «неправильными» структурными условиями, сколько действиями политических акторов. Среди значимых процедурных факторов исследователи отмечают наличие и способ давления «снизу» на «старый режим», выраженный, например, в виде массовых демонстраций⁵. Под таким давлением, отмечает уже В. Гельман, правящие группы могут пойти на частичную либерализацию режима, а затем на расширение пространства политического участия⁶. Именно анализу этого фактора – тактики оппозиции, как одного из ключевых политических акторов, и посвящено данное исследование. Отметим, что понятие «оппозиция» в на-

² Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p. 23.

³ Мельвил А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // *Полис*. – 2011. – №3. – С. 164-183. [Mel'vil', A.Ju.; Stukal, D.K. Uslovija demokratii i predely demokratizacii. Faktory rezhimnyh izmenenij v postkommunisticheskikh stranah: opyt sravnitel'nogo i mnogomernogo statisticheskogo analiza (Conditions for Democracy and Limitations of Democratization. Regime Change in Post-Soviet Space: Comparative and Multidimensional Analysis) // *Polis*, 2011, No. 3, pp. 164-183.]

⁴ Мельвил А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // *Полис*. – 2012. – № 2. – С. 8. [Mel'vil', A.Ju.; Stukal D.K.; Mironjuk M.G. Traektorii rezhimnyh transformacij i tipy gosudarstvennoj sostojatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Sustainability) // *Polis*, 2012, No. 2, p. 8.]

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. – №4. – С. 31-43; Гельман В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции // *Pro et Contra*. – 2014. – №1-2. – С. 106-123. [Gel'man, V.Ja. Rascvet i upadok jelektoral'nogo avtoritarizma v Rossii (Rise and Fall of Electoral Authoritarianism in Russia) // *Politija*, 2012, No. 4, pp. 31-43; Gel'man, V.Ja. Trudnoe vozrozhdenie rossijskoj oppozicii // *Pro et Contra*, 2014, No. 1-2, pp. 106-123.]

стоящей работе включает как «системную» (называемую также «лояльной») оппозицию правящей партии, так и несистемную (называемую также «принципиальной»). В работе проанализированы действия оппозиции по мобилизации и внутриоппозиционной кооперации как «выигрышной» тактики в электоральных недемократических режимах соревновательного типа. Эмпирическая часть исследования включает: 1) формирование базы данных публичных протестных акций в электоральном цикле 2015 года (январь-сентябрь) в Центральном федеральном округе России, включающем выборы глав ряда регионов, членов региональных и местных legislatures; 2) статистическую обработку данных об участии/неучастии оппозиционных акторов в публичных протестных акциях, количестве участников акций, совместных акциях оппозиции, тематиках акций; 3) конструирование и измерение эмпирически наблюдаемых признаков, что позволило сегментировать публичную протестную активность на 2 базовые части: гражданская активность и мобилизационная активность – и затем определить: какова доля совместного участия различных оппозиционных партий и движений в мобилизационных акциях. Полученные результаты позволяют ответить на вопросы: в какой мере используют российские оппозиционные акторы в качестве мобилизационного ресурса публичную протестную активность и в какой мере они готовы к взаимодействию друг с другом в публичном протестном поле?

Электоральные недемократические режимы

Либеральная демократия и «чистый авторитаризм» являются полюсами, между которыми схематично располагаются гибриды. Как близко будет расположен гибрид к одной из двух своих крайних точек зависит от того, какие политические институты функционируют в том или ином режиме, как именно эти институты работают, кто принимает политические решения, используется ли репрессивный аппарат, а также от других индикаторов, оригинальность подбора которых и определяет многообразие существую-

щих концептов гибридов и их типологий. Широкое научное признание получили концепты гибридов, основанные на различных электоральных индикаторах: электоральный авторитаризм⁷ и соревновательный авторитаризм⁸.

Андреас Шедлер выделяет два типа политических режимов, находящихся между либеральной демократией и закрытым авторитаризмом: электоральную демократию и электоральный авторитаризм. В типологии Ларри Даймонда по полюсам также расположены либеральная демократия и политически закрытый авторитаризм, однако между ними схематично расположены уже четыре типа политических режимов: электоральная демократия, двойственный или амбивалентный режим, соревновательный авторитаризм, гегемонистский электоральный авторитаризм. Как можно заметить, Даймонд и Шедлер не объединяют либеральную демократию с электоральной демократией в условную общую категорию «чистой демократии» по аналогии с политически закрытым авторитаризмом. В концепции Шедлера электоральные демократии не выходят за рамки минимального предела демократии, предполагающего проведение свободных и честных выборов. Даймонд отмечает, что некоторые страны, оставшиеся в политически серой зоне – между полноценной демократией и прямой диктатурой – являются по факту электоральными демократиями, бесформенными и плохо функционирующими, но многие падают ниже предела электоральной демократии и, вероятно, останутся там в течение очень долгого времени. Тем не менее, он все же относит электоральную демократию к демократическому режиму.

Либеральную и электоральную демократии роднит характер избирательного процесса. Он открыт для участия в нем принципиальной оппозиции, выборы на конкурентной основе проводятся честно

⁷ Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2; Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

⁸ Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

(«free, fair and competitive elections»), то есть соблюдается фундаментальный принцип принятия решения большинством – мажоритарная природа демократии.

Однако может ли демократия сводиться лишь к электоральному процессу? Можно ли при таком измерении демократии игнорировать состояние дел вне выборов со свободой слова, защитой прав меньшинств, независимостью судов? Насколько демократичен режим «free, fair and competitive elections», проводящий, например, «этнические чистки», поддерживаемые большинством? А. Мельвиль крайне точно обозначил проблему так называемых демократий с прилагательными (электоральная, управляемая, имитационная, нелиберальная, делегативная и так далее). Он отмечает, что режим, названный очередной «демократией с прилагательным», необходимо концептуализировать в недемократической понятийной рамке, так как в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело не с «переходными», а с уже консолидированными неоавторитарными режимами⁹. Разделяя эту позицию, дополнительно отметим, что за широким распространением в политическом дискурсе «демократий с прилагательными», вероятно, стоит стремление субъектов принятия политических решений в соответствующих режимах, например: лидера, партии, военных – выглядеть «демократично, но не по западному образцу», для чего и концептуализируются модели так называемых национальных демократий.

Электоральный авторитаризм в отличие от электоральной демократии создает институциональные фасады демократии, включающие регулярные многопартийные выборы главы исполнительной власти и членов национального законодательного собрания, не для установления и укрепления демократических практик и институтов, а для маскировки и воспроизводства своей

авторитарной сущности¹⁰. Так, электоральный авторитаризм характеризуется, прежде всего, проведением «несвободных и нечестных», но регулярных выборов с целью поддержания легитимности. Такие выборы характеризуются: резервированием позиций для ключевых лиц, принимающих решения; маргинализацией оппозиционных партий через убийства, запреты, снятия с выборов кандидатов с помощью избирательного законодательства; препятствованием ведению оппозицией избирательной кампании через СМИ и в публичных местах, часто с использованием насильственных методов; регулированием качественного состава электората (методы регистрации, требования к идентификации); запугиванием избирателей и скупкой голосов, фальсификациями на основе «перераспределительного» подсчета голосов; снятием с избранных должностных лиц их властных полномочий¹¹.

Если электоральная демократия, равно как и либеральная демократия, функционирует по принципу «free, fair and competitive elections», а электоральный авторитаризм – «unfree and unfair election», то соревновательный авторитаризм характеризуется принципом «real, but unfair competition». В соревновательном авторитарном режиме формальные демократические институты широко рассматриваются в качестве основного средства получения и осуществления политической власти¹². Однако использование инкумбентами административного ресурса с целью оказания давления на оппозиционных кандидатов, СМИ, избирательные комиссии не позволяет концептуализировать данные режимы в демократических рамках. В отношении представляющих политическую опасность для инкумбентов оппозиционеров или журналистов применяются насильственные методы, вплоть до арестов и убийств. Поскольку масштаб и глубина различного рода

⁹ Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты. Политология: Лексикон. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. [Mel'vil', A.Ju. Demokratischeskie tranzity. Politologija: Leksikon. (Democratic Transit. Political Science: Lexis) Moscow: «Rossijskaja političeskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2007.]

¹⁰ Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. Pp. 1-23.

¹¹ Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, pp. 36-50.

¹² Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p 52.

электоральных фальсификаций и махинаций напрямую влияют на легитимность выборов, соревновательные авторитарные режимы не практикуют массовые фальсификации. Однако, когда формальные и неформальные «правила игры» меняются в пользу инкубентов, которые начинают действовать более жестко по отношению к своим политическим оппонентам, выборы перестают рассматриваться как хоть и нечестное, но все-таки реальное соревнование. В таких условиях соревновательный авторитарный режим трансформируется в электоральный авторитарный режим, однако возможен и обратный процесс, когда оппозиция консолидируется и мобилизует все доступные ей ресурсы для устранения негативных последствий действий инкубентов.

В электоральной классификации из всех гибридов и неоавтократий наиболее близок к закрытому авторитаризму гегемонистский авторитаризм. Такие режимы проводят регулярные выборы на бесконкурентной основе, широко практикуют нарушения политических и гражданских прав. Правящая партия имеет максимум электоральных преимуществ, в то время как оппозиции полностью закрыт доступ к государственным СМИ, запрещено проводить политические публичные акции, а ее представители подвергаются арестам и нападениям. Правящая партия и ее кандидаты выигрывают в подавляющем большинстве случаев, что приводит к фактической однопартийности. Марк Ховард и Филип Ресслер устанавливают границу в 70% голосов избирателей и выше¹³.

**Операционализация понятий:
соревновательность, мобилизация,
кооперация**

Мы видим, что *соревновательность* выступает ключевым параметром в концептуализации электорального политического режима. При этом данный параметр сам по себе является эмпирически ненаблюдаемым. Соревновательность можно теоретически

операционализировать на двух взаимозависимых уровнях: как *соревновательная возможность* и как *соревновательная практика*. Возможность напрямую определяется качеством институциональной среды, является доказательством, например, зависимости или независимости судов, наличия или отсутствия доступа оппозиции к СМИ. Анализ переменных данного уровня, безусловно, является научно значимым, однако не лишен ряда недостатков. Так, измеряя значения соревновательности, такие как количество принявших участие в выборах различного уровня оппозиционных политических партий, финансовое, медийное и иное ресурсное обеспечение кандидатов и объединений, количество положительных решений избирательной комиссии по устранению предвыборных махинаций и нарушений, исследователь может сфокусироваться на внешних формальностях в ущерб существу параметра и его свойств. Да, в Конституции могут признаваться политический плюрализм и равенство общественных объединений, но насколько политическая практика воспроизводит закрепленные в Основном законе гражданские права и свободы? Не игнорируем ли мы качество электоральных процессов? Если в соревновательном авторитарном режиме, как было отмечено выше, формальные демократические институты широко рассматриваются в качестве основного средства получения и осуществления политической власти, то почему оппозиционные силы на практике не всегда проводят активную мобилизацию, не ведут агрессивную агитацию, не направляют своих наблюдателей на избирательные участки? Таким образом, следование за формальными критериями помогает лишь определить полюс: наличие демократической «оболочки» – демократия, отсутствие электоральных прав – авторитаризм. Очевидно, что большинство современных политических режимов не укладывается в упрощенные концептуальные рамки, поэтому, когда мы имеем дело с множеством гибридов, нам необходим куда более сложный набор переменных. Иначе говоря, важно не только возможно ли само по себе соревнование, но кто и как именно участвует в нем. Являются ли оппозицион-

¹³ Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2, p. 368.

ные партии реальными оппонентами правящей партии или же их функциональная суть заключена в демонстрации той самой демократической «оболочки»? Не является ли само соревнование фикцией?

Расширить такие концептуальные рамки позволяет операционализация соревновательности как политической практики оппозиционных субъектов политики с целью достижения и реализации своих общегрупповых и корпоративных целей и интересов. Более конкретно, эта практика выражается в конкретных действиях акторов по *кооперации* – взаимодействию с другими оппозиционными партиями и движениями – и *мобилизации* – организации массовой поддержки со стороны избирателей. Для того, чтобы перейти от уточненных, но все еще абстрактных понятий к конкретным эмпирически наблюдаемым признакам, необходимо определиться с системными формами кооперации и мобилизации. В мобилизации важнейшую роль играет конфликтное восприятие реальности избирателями, дающее толчок для деятельной активности граждан, в том числе и в сфере политики. В случае отсутствия обратной связи граждане, недовольные тем или иным положением дел, переносят протест в публичную плоскость, организуя и проводя протестные акции: митинги, пикеты, шествия, забастовки. Эти граждане – наиболее близкий для оппозиционных акторов электорат. Задача оппозиции здесь – перенести социальный конфликт в политическую плоскость, формируя у протестующих представление о возможности решения проблемы путем голосования на выборах, и адаптировать свою программу к интересам протестных групп. Игнорирование оппозицией массовой публичной протестной активности граждан как огромного мобилизационного ресурса является признаком формального участия в политическом соревновании. В свою очередь, кооперация внутри оппозиции необходима для расширения протестного электорального ядра и его аккумуляции. Для объединения оппозиционных ресурсов часто бывает достаточно всего одной проблемы: например, отмена в России прямых выборов глав муниципалитетов консолидировала в ряде

регионов весь оппозиционный спектр – от коммунистов до либералов. Отсутствие кооперации приводит к тому, что оппозиция борется не за власть, а за сохранение своих позиций в политической системе, соревнуясь не с правящей партией, а со своими потенциальными союзниками. Таким образом, эмпирически наблюдаемыми признаками стали: для мобилизации – *количество участников публичных протестных акций, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых*, для кооперации – *количество участников публичных протестных акций, организованных несколькими оппозиционными политическими партиями и общественными движениями или прошедших с участием официальных представителей таковых*. Измерение данных признаков позволит сегментировать публичную протестную активность на 2 базовые части: гражданская активность и мобилизационная активность – и затем определить: какова доля совместного участия различных оппозиционных партий и движений в мобилизационных акциях. Высокие значения обозначенных эмпирически наблюдаемых признаков будут говорить о нацеленности оппозиционных акторов на максимизацию электорального результата, низкие – о том, что их электоральная практика носит глубоко формальный характер и является по сути демократической «ширмой», скрывающей авторитарную природу политического режима.

Правитель и правящая бюрократия определяют электоральные принципы и участников электорального процесса, осуществляя жесткий контроль за установленными «правилами игры» на общенациональном уровне. С другой стороны, на региональном и муниципальном уровнях возможно наличие более конкурентной среды, чем на общенациональном. Это обусловлено: во-первых, удаленностью от административного центра государства, что затрудняет контроль за появлением новых игроков и деятельностью региональной управленческой и партийной элиты; во-вторых, наличием сформировавшихся в регионе центров влияния, определяющих уникальную политическую среду,

что затрудняет контроль за установленными универсальными «правилами игры»; в-третьих, близостью региональных игроков к избирателям. На региональном и муниципальном уровнях возможна и активная электоральная мобилизация и консолидация как различных игроков внутри лояльной оппозиции, так и объединение представителей лояльной оппозиции с представителями принципиальной по ключевым для региона/муниципалитета проблемам. Таким образом, для более точного определения места того или иного политического режима в электоральной классификации необходим анализ данных не только общенациональных выборных кампаний, но и уровней ниже, чему и посвящено данное исследование.

Тактика оппозиции

Для измерения эмпирически наблюдаемых признаков автором данного исследования была создана база данных публичных протестных акций в электоральном цикле 2015 года (январь-сентябрь) в Центральном федеральном округе России, включающем выборы глав ряда регионов, членов региональных и местных legislatur. Формирование информационной модели проводилось на основе ежедневного мониторинга общенациональных и региональных средств массовой информации, а также социальных медиа. Все полученные данные о событиях проходили проверку на истинность с помощью анализа максимально доступного количества материалов различных источников по теме. База данных включает 160 мероприятий, организованных как самими политическими партиями, так и протестными общественными группами. Основными критериями для включения событий в базу данных стали: медийный и общественный резонанс, актуальность и «острота» протестной тематики, количество и партийный состав участников. Первый критерий определяется количеством публикаций СМИ о событии, откликом на него в социальных медиа со стороны лидеров общественного мнения, реакцией на него органов государственной власти. Второй – жесткостью риторики участников события, его повесткой и

лозунгами. Третий – сопоставлением информации о количестве и составе участников из разных источников (данные организаторов, СМИ, МВД РФ, «Белого счетчика» и других). Таким образом, одно из «идеальных» для информационной модели событий – ставший главной новостью дня в регионе и вышедший на федеральный медийный уровень митинг с требованием отставки главы региона и его команды, в котором приняли участие несколько сотен человек, включая представителей лояльной и принципиальной оппозиции.

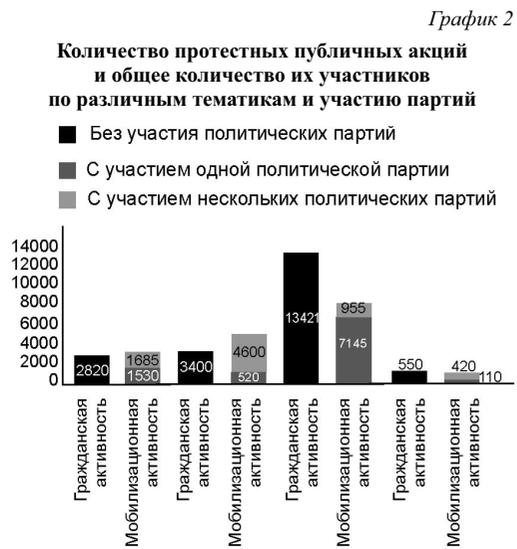
Протестные акции объединены в 4 группы по основным тематикам: *экологическая и градозащитная* (вырубка парков, вредное производство, точечная застройка, строительство автомагистралей), *политическая* (прозрачность выборов, внешняя политика, цензура, отмена прямых выборов глав муниципалитетов), *социально-экономическая* (невыплата зарплат, массовые сокращения на производстве, отмена льгот, давление властей на бизнес, валютная ипотека), *другая или смешанная тематика* (криминал, этнические конфликты, административные реформы по объединению муниципалитетов, сохранение финансирования спортивных клубов и культурных учреждений). Важно отметить, что в базу данных не были включены массовые протестные акции 1 марта 2015 года, посвященные резонансному убийству сопредседателя партии РПР-ПАРНАС Бориса Немцова, как уникальные и нетипичные события. Введение в базу только одного прошедшего в Москве траурного шествия, в котором приняли участие более 50000 человек, существенно исказило бы общую картину. По числу проведенных протестных акций и общему числу принявших в них участие граждан доминирует социально-экономическая тематика (80 акций, 21521 участников, среднее значение массовости участия – 269 человек). Тем не менее самое высокое среднее значение массовости участия наблюдается у группы акций по политической тематике, чьи соответствующие показатели равны 26, 8520, 328. Числовые значения показателей для группы «экология/градозащита» – 42, 6035, 144, «прочее» – 12, 1080, 90 (См. График 1).

Graph 1. The Number of Public Protests and the Number of Participants according to the Issue

В процентном отношении максимальная мобилизационная активность наблюдается в группе «политическая тематика», также для нее характерен самый высокий процент совместного участия различных оппозиционных партий. 60% от общего числа участников событий в данной группе протестовали на акциях, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых, из них доля участников совместных акций оппозиции – 90%. Ключевые игроки в этом блоке – правые непарламентские партии, а именно: члены ныне распавшейся «Демократической коалиции» (РПР-ПАРНАС, «Демократический выбор», «Партия 5 декабря» и «Либертарианская партия»). Ряд совместных акций по данной тематике был организован и поддержан левыми и леворадикальными объединениями: РОТ ФРОНТ, «Левым фронтом», «Объединенной коммунистической партией», «Национал-большевистской платформой». Важное событие здесь – прошедший под политическими лозунгами митинг «За науку и образование» (3000 участников), организованный группой ученых после внесения Минюстом РФ в реестр «иностранцев» фонда «Династия» и поддержанный, в том числе и участием в акции, многими из уже обозначенных непарламентских партий и объединений – и правых и левых. Данное

событие является практическим воплощением описанной выше, на стадии операционализации понятий, модели: конфликт, гражданский протест, мобилизационная активность, кооперация. Многие публичные акции были организованы самими политическими партиями традиционно в формате агитационных митингов. Наименьшее число граждан принимало участие в стихийных провокационных акциях по внешнеполитической тематике (См. График 2).

Graph 2. The Number of Public Protests and the Number of Participants according to the Issue and Parties

В группе «экология / градозащита» значение мобилизационной активности также превосходит значение гражданской, однако по сравнению с предыдущим блоком в меньшей степени. Значительно же упал показатель признака кооперации. 53% от общего числа участников событий в данной группе протестовали на акциях, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых, из них доля участников совместных акций оппозиции – 52%. Ключевые игроки в этом блоке – КПРФ и «ЯБЛОКО», идеологически непримиримые оппоненты, исходя из дискурса партийных лидеров этих политических организаций. Но представители именно этих партий поддержали массовые протесты жителей ряда

районов Москвы против вырубки парков под застройку религиозными объектами, спортивными и торговыми комплексами, публичные протесты жителей Новой Москвы против градостроительной политики правительства города, акции «Коалиции в защиту Воробьевых гор» (также принимали участие правые и левые непарламентские партии) против строительства на территории природного заказника. Важно отметить, что для данного блока событий характерна скоротечная институционализация протестных групп. Недовольные застройкой / вредным производством местные жители самоорганизуются в Сети и на стихийных публичных акциях («народных сходах»), объединяясь в общественные движения – «За парк Торфянка!», «Защитим Поляну в Тропарево!», «Оборона Левобережного» и так далее.

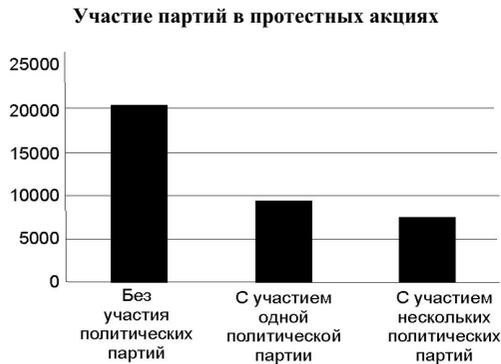
Интересная картина наблюдается в группе «социально-экономическая тематика, где гражданская активность доминирует над мобилизационной, а говорить об оппозиционной кооперации и вовсе не приходится. Всего 38% от общего числа участников событий в данной группе протестовали на акциях, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых, из них доля участников совместных акций оппозиции – 12%. Ключевой игрок в данном блоке – КПРФ. Как заметных игроков можно выделить «Справедливую Россию» и «ЯБЛОКО». Наиболее массовые мобилизационные акции были организованы самими политическими партиями по теме инфляции, безработицы, обвале курса рубля, проблемам в сфере ЖКХ, сохранения льгот для пенсионеров. При этом «Справедливая Россия» в своей публичной протестной активности сконцентрировалась только на проблемах в ЖКХ (коррупция в отрасли, сборы на капитальный ремонт). Для партии «ЯБЛОКО» характерна поддержка акций по теме давления бюрократии на малый бизнес. Основной массив событий, отнесенных к гражданской активности, составляют протесты валютных заемщиков (наиболее массовая акция – 3500 участников); независимых профсоюзов работников малого и среднего бизнеса (1000), образования (250), здраво-

охранения (100), частных пассажирских перевозчиков и работников такси (1500), автолюбителей (100), вкладчиков банков (100), так называемых дольщиков (150). Совместные акции проводили КПРФ и РОТ ФРОНТ. Традиционно взаимодействовали и леворадикалы: «Левый фронт», «Объединенная коммунистическая партия», «Национал-большевистская платформа», «Левое социалистическое действие». Видна и региональная специфика публичного политического взаимодействия. Так, в Липецкой области КПРФ взаимодействовала по теме ЖКХ с партией «Родина», а в Брянской области – по теме давления бюрократии на малый бизнес с партией «ЯБЛОКО».

Заключение

В целом доля участия оппозиционных партий в публичных протестных акциях составила 46%, из них доля совместных – 45% (См. График 3). При этом мероприятия, в которых приняли участие 54% протестующих граждан, вовсе были проигнорированы оппозицией (См. График 3). Эти протестные группы активно самоорганизуются и приобретают субъектность. В качестве уже организованных общественных движений они самостоятельно собирают подписи, привлекают к своим акциям СМИ, направляют обращения официальным представителям органов власти, то есть делают все то, что по неформальному контракту должны делать их представители в законодательной власти или желающие стать таковыми. Довольно высокое значение кооперации обманчиво, поскольку более половины таких акций приходится на политический блок, где активно взаимодействовали, с одной стороны, непарламентские правые (позднее и их коалиция распалась), леворадикалы – с другой. Крайне важно отметить, что крупнейшие игроки – парламентские оппозиционные партии – фактически не взаимодействуют между собой в публичной протестной плоскости. Однако специфика региональной и местной общественно-политической среды способствует появлению самых неожиданных союзов. Один из таких – кооперация КПРФ и партии «ЯБЛОКО» в области градозащиты и экологии.

График 3

Graph 3. Parties in Protets

Проанализировав соревновательную практику, сопоставим ее с оценками соревновательной возможности. В рейтинге Freedom House значение индекса политических прав в России по состоянию на 2015 год составляет 6 (наилучшее значение – 1, наихудшее – 7)¹⁴. Индекс рассчитывается на основе оценки индикаторов в трех подкатегориях: электоральный процесс, политический плюрализм и участие, функционирование правительства. В классификации Марка Ховарда и Филипа Ресслера¹⁵ политические режимы с таким показателем индекса политических прав Freedom House относятся к соревновательным авторитарным и гегемонистским авторитарным, разница между которыми, как уже было отмечено выше, определяется получением правящей партией более 70% голосов избирателей. Исследователи подчеркивают, что политическая оппозиция влияет на электоральную динамику в зависимости от того, создает ли она многопартийную коалицию, или совместно поддерживает единого кандидата в президенты от оппозиции, а также проводит ли мобилизацию, например, антиправительственные протесты. На практике, как мы установили, российская оппозиция отказалась от такой тактики. Даже на уровне

¹⁴ Freedom House. Freedom in the World 2015 / Russia. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/russia>

¹⁵ Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2, p. 368.

уличных протестов оппозиционные игроки редко стремятся к кооперации и игнорируют гражданские протестные инициативы. В таких условиях, при явной ресурсной асимметрии между правящей партией и оппозицией, характерной для всех типов недемократических режимов, при фактическом отказе оппозиции от использования своего базового инструмента – прямой, личной, неформальной коммуникации с избирателем – выборы перестают рассматриваться в качестве соревнования между правящей партией и оппозицией. Выборы в таких условиях более похожи на два отдельных соревнования внутри правящей партии и внутри оппозиции за сохранение и усиление позиций игроков внутри каждого из флангов в политической системе.

Литература:

Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. – № 4. – С. 31-43; Гельман В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции // *Pro et Contra*. – 2014. – № 1-2. – С. 106-123.

Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Политология: Лексикон. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // *Полис*. – 2011. – № 3. – С. 164-183.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // *Полис*. – 2012. – № 2.

Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p. 23.

Freedom House. Freedom in the World 2015 / Russia. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/russia>

Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2.

Huntington, Samuel. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. Pp. 1-23.

Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, pp. 36-50.

References:

Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Freedom House. Freedom in the World 2015 / Russia. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/russia>

Gel'man, V. Ja. Rasvet i upadok jelektoral'nogo avtoritarizma v Rossii (Rise and Fall of Electoral Authoritarianism in Russia) // *Politija*, 2012, No. 4, pp. 31-43; Gel'man, V. Ja. Trudnoe vozrozhdenie rossijskoj oppozicii // *Pro et Contra*, 2014, No. 1-2, pp. 106-123.

Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2.

Huntington, Samuel. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Mel'vil', A. Ju. Demokraticeskije tranzity. Politologija: Leksikon. (Democratic Transit. Political Science: Lexis)

Moscow: «Rossijskaja političeskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2007.

Mel'vil', A. Ju.; Stukal D.K.; Mironjuk M.G. Traektorii rezhimnyh transformacij i tipy gosudarstvennoj sostojatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Sustainability) // *Polis*, 2012, No. 2.

Mel'vil', A. Ju.; Stukal, D.K. Uslovija demokratii i predely demokratizacii. Faktory rezhimnyh izmenenij v postkommunističeskikh stranah: opyt sravnitel'nogo i mnogomernogo statističeskogo analiza (Conditions for Democracy and Limitations of Democratization. Regime Change in Post-Soviet Space: Comparative and Multidimensional Analysis) // *Polis*, 2011, No. 3, pp. 164-183.

Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. Pp. 1-23.

Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, pp. 36-50.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130>

COMPETITIVE AUTHORITARIAN REGIME: TACTICS OF OPPOSITION ACTORS

Vladislav S. Lapin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> 30 November 2016 <i>Accepted:</i> 28 May 2017</p>	<p>Abstract: Varieties of modern nondemocratic electoral political regimes is determined by institutional, structural, actor-oriented (procedural) differences between «the new autocracies». The trajectories of political transformation and regime changes in these hybrids depend largely on the specific political decisions and actions of key political actors in the process of democratization. This article analyzes the actions of the opposition from the angle of mobilization and cooperation as «winning» tactics in the electoral competitive nondemocratic regimes. The empirical part of the article includes: 1) forming a public protests database in the electoral cycle of 2015 (January-September) in the Central Federal District of Russia, which includes the regional authority elections, members of regional and local legislatures; 2) statistical processing of data of opposition's participation / nonparticipation in public protests, number of protesters, opposition cooperative actions, issues of protests; 3) designing and measuring empirically observable features of protests make it possible to segment the public protest activity into 2 basic parts: civic activity and mobilization activity – and then to analyze the scope of cooperation of various opposition parties in mobilization actions. These results make it possible to answer the following questions: to what extent Russian opposition actors use public protest activity as mobilization resource and to what extent they are prepared for cooperation in a public protest field?</p>
<p>About the author: Postgraduate Student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod e-mail: lapinvladislav@rambler.ru</p>	
<p>Key words: democratization, electoral regime, competitive authoritarian regime, opposition, civil society</p>	

Для цитирования: Лапин В.С. Соревновательный авторитарный режим: тактика оппозиционных акторов // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 120-130.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130

For citation: Lapin, Vladislav S. Sorevnovatel'nyi avtoritarnyi rezhim: taktika oppozitsionnykh aktorov (Competitive Authoritarian Regime: Tactics of Opposition Actors) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 120-130.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ КИТАЮ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Андрей Владимирович Виноградов

*Российский университет дружбы народов,
Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 декабря 2016 <i>Принята к печати:</i> 2 июня 2017</p>	<p>Аннотация: Китайская экономическая модель, проложившая путь «китайскому экономическому чуду», приближается к исчерпанию своих возможностей. Перед новым поколением руководства во главе с Си Цзиньпином стоит задача поиска новой модели развития, сравнимая по сложности с задачей, которую на рубеже 1980-х годов решил Дэн Сяопин. Принимаемые новым генеральным секретарем ЦК КПК меры по концентрации полномочий и укреплению личной власти обоснованы необходимостью смены курса. Однако в результате этих шагов в значительной степени оказалась разрушена система институционального авторитаризма, создававшаяся на протяжении последних 40 лет и обеспечившая экономические успехи Китая в этот период. Нынешние вызовы Китаю исходят не только от необходимости изменить экономическую модель, но и реакции власти на эту необходимость. В условиях неопределенности новых ориентиров реформ, отсутствии очевидных конкурентных преимуществ, усилении внешних вызовов и глубоких изменений в китайском обществе Китай вновь оказался на пороге серьезных вызовов, ответ на которые позволит оценить эффективность проведенных преобразований не только с социально-экономической, но и с исторической точки зрения.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., профессор, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России e-mail:vinogradov-a.v@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: политическая система КНР, институциональный авторитаризм, коррупция, Си Цзиньпин, китайская модель общественного развития</p>	

Став ведущей экономической державой, Китай превратился в критически важный фактор мирового развития, оказывая на него непосредственное, постоянное и мощное воздействие. С самого начала китайских реформ это влияние было преимущественно позитивным, а на определенном этапе экономический рост Китая превратился в главный двигатель мировой экономики. Одновременно Китай успешно боролся с негативным влиянием мировых и региональных финансово-экономических кризисов и внёс важный вклад в мировую стабильность. Существенное замедление темпов его экономического роста в последние годы означает неизбежную смену его роли и, как минимум, сокращает то позитивное влияние, какое он оказывал на мировую экономику на протяжении последних 30 лет. Из позитивного

фактора мирового развития он может превратиться в негативный, а период адаптации к его новому качеству будет периодом повышенных рисков нестабильности и для самого Китая и для мира. Вопрос заключается лишь в том, какие ответные действия могут потребоваться от китайского руководства и мирового сообщества, чтобы нейтрализовать негативное воздействие и последствия этого переходного периода и сократить период волатильности.

Социально-экономическая модель

Сформировавшаяся в КНР в последние два десятилетия XX в. успешная модель экономического роста опиралась на его главное конкурентное преимущество – дешёвую рабочую силу и благоприятную международ-

ную конъюнктуру. Для того чтобы воспользоваться этими возможностями, на рубеже 1980-х годов китайскому руководству потребовалось совершить крайне ответственный и смелый шаг – отказаться от идеологических принципов, положенных в фундамент китайской государственности основателями КНР. Провозгласив возможность отдельным гражданам и районам обогащаться первыми, Дэн Сяопин обеспечил существенное повышение темпов экономического развития, но, одновременно, нарушил основополагающие принципы государства и главную опору социальной стабильности – традиционные представления о социалистической справедливости. В качестве нового ориентира им была предложена концепция ускоренного экономического роста и повышения благосостояния населения. Неизбежными следствиями этого поворота стал раскол между социально-политической, идеологической и экономической платформами китайского государства, потеря общественным строем внутренней целостности, поддержание которой с этого момента стало требовать постоянных ситуационных усилий и положило начало глубокой эволюции китайского государства.

Второй поворотной точкой, открывшей Китаю путь к современности, стало провозглашение политики открытости внешнему миру. Выход на внешний рынок позволил объединить дешевую рабочую силу внутри страны и природные ресурсы, капиталы и технологии внешнего мира, что, в конечном счете, обеспечило высокие темпы экономического развития и рождение китайского экономического чуда.

На протяжении двух десятилетий с 1992 года все свои проблемы – экономические, социальные и даже социально-политические, Китай решал за счет высоких темпов экономического развития, обеспечивавших, хотя и с разной скоростью, повышение уровня жизни всему населению. За эти годы в значительной степени были утрачены навыки использования других инструментов государственного управления, политические функции руководства ослабли, а идейно-политические средства управления общественной жизнью постепенно превратились

в ритуальную декорацию роста. В обществе получили распространение новые ценности, свойственные рыночной экономике, произошла переориентация и самого руководства с идейно-политических методов управления на экономические. Из государства, где политика руководит экономикой, на протяжении всего периода реформ, особенно после 1992 года, Китай постепенно превращался в государство, где экономика руководит всем. Роль бизнеса в государстве значительно выросла. Как только целью развития были признаны не социальная справедливость и равенство, а экономический рост и национальное возрождение, исчезли основания для социально-политической дискриминации предпринимательского класса. Началось активное проникновение в бизнес партийно-государственной элиты, в т.ч. членов семей высшего руководства. В результате возникали стабильные формы сочетания власти и модернизированной экономики, прежде всего, за счет семейной унии власти и бизнеса. Однако общество оказывалось за пределами этого альянса. Эти явления стали причиной роста социальной напряженности и могли реально угрожать власти компартии, так же как в 1940-е годы они стали одной из главных причин политического и исторического поражения ГМД на континенте.

Но и связываемый с именем Бо Силая альтернативный вариант экономического и политического развития, в соответствии с которым следовало возродить идейно-политические средства социального регулирования, свойственные начальному периоду КНР, усилить принципы социальной справедливости и контроль за деятельностью бизнеса, мог привести к снижению деловой активности, экономическому кризису и длительной социально-политической нестабильности. Но, главное, реставрация распределительной модели угрожала экономическому росту в момент, когда сложились благоприятные предпосылки для решения многих задач социально-экономического развития и достижения главной общенациональной цели – возрождения Китая.

Оба варианта точно обозначили главную проблему 2000-х годов, предложив свои версии как вернуть целостность обще-

ственному строю за счет синхронизации политического и экономического развития, но не получили поддержки в партии. Китайское руководство в 2000-е годы отдало предпочтение эволюционному пути, положившись на созданный за годы реформ политический механизм, обеспечивавший поддержание стабильности в условиях быстрого экономического роста. Между тем ситуация в стране радикальным образом изменилась.

На начальном этапе в 1980-е годы сглаживать асинхронность политики и экономики и обеспечивать стабильность и динамизм новой общественной системы, сочетающей власть КПК и рынок, удавалось в «ручном» режиме, за счет высокого авторитета Дэн Сяопина и других руководителей, затем в 1990-е годы – за счет высоких темпов роста. Сейчас перед Китаем стоит задача сохранить динамизм экономического развития и стабильность социально-политической ситуации, но уже в условиях снижения темпов и необходимости для Си Цзиньпина утвердиться в качестве общепризнанного национального лидера.

Ориентированная на экспорт экономическая модель, исчерпав запасы дешевого ручного труда, приближалась к естественному пределу своих возможностей, вслед за этим пропало главное преимущество Китая на внешней арене. Однако, несмотря на очевидные изъяны, использование этой модели приносило ощутимые экономические выгоды. Именно в эти годы, за 10 лет (2002–2012 гг.) КНР сумела перейти с шестого на второе место по объему ВВП и решить главную национальную задачу – восстановить статус Китая как великой мировой державы.

В отличие от подавляющего большинства стран, начавшееся с 2010 г. снижение темпов роста для Китая означало не только относительное ухудшение экономических показателей. Оно показало, что действовавшая модель больше не справляется с возложенными на нее функциями. Перед Китаем встал стратегический выбор: либо смириться и приспособиться к «новой нормальности», чтобы без очевидных преимуществ конкурировать с другими странами мира, постепенно приводя темпы роста в соот-

ветствие с мировыми и подстраивая под них свою социально-экономическую политику. Либо попытаться найти новые конкурентные преимущества и новую экономическую модель, которая не была бы в такой степени подвержена влиянию внешних факторов, и на ее основе продолжить поиск новой модели общественного развития. Смена модели развития, таким образом, не выглядела неизбежной. Но и ее сохранение также представлялось невозможным – снижение темпов вело к обострению социальных, религиозных и национальных проблем, росту социально-политической нестабильности и т.д., а для КПК это означало отказ от руководящей и направляющей роли в общественном развитии, отход от ее авангардного характера.

Вместе с тем она уже фактически произошла в том смысле, что старая модель общественного развития уходит в прошлое, но не как действующий механизм хозяйствования, который еще длительное время будет сохраняться, а как модель общественного развития, основанная на высоких темпах роста и решения за счет этого абсолютного большинства социально-экономических и социально-политических задач.

В практическом плане для предыдущего, «четвертого» поколения китайского руководства вопрос заключался в следующем: начать структурную перестройку и сознательно пойти на существенное снижение темпов или продолжить политику поддержания высоких темпов, решая тем самым главные стратегические задачи – повышения уровня экономического развития, уровня жизни населения и совокупной государственной мощи. Необходимость борьбы с кризисом и неготовность населения идти на жертвы подталкивали руководство страны отдать предпочтение политике поддержания темпов.

Однако сделав выбор в пользу сохранения темпов и действовавшей модели, оно способствовало углублению существовавших проблем и противоречий, делало их ликвидацию более сложной и затратной. Под влиянием конъюнктурных соображений время было упущено, и Си Цзиньпину в итоге досталась задача не менее сложная, чем Дэн

Сяопину на рубеже 1980-х – сменить модель развития, но в абсолютно других условиях – отсутствия конкурентных преимуществ, ухудшения мировой экономической конъюнктуры, снижения темпов и, как следствие, обострения социальных проблем и внутренних противоречий. Произошедшая в 2012 г. смена руководства, таким образом, отражала назревшую потребность в смене модели развития, но, совпав с этой задачей во времени, многократно усилила риски нестабильности.

Курс Си Цзиньпина

Серьезно усложняющим принятие окончательного решения фактором является неопределенность параметров и целевых ориентиров новой модели в отличие от начала 1980-х, когда существовало общее понимание приоритетности высоких темпов. Сегодня ясно лишь то, от чего в старой модели необходимо и неизбежно придется отказаться, но как на практике создать новую эффективную, основанную, по многочисленным экспертным оценкам, на внутреннем потреблении, не ясно. Одним из главных препятствий по практическому решению этой задачи является отсутствие готовой перспективной модели внутреннего потребления, поскольку существующая сегодня в развитых странах модель не подходит Китаю ни по энергетическим, ни по продовольственным, ни по экологическим параметрам. Китаю предстоит вновь определить цели своего развития, на этот раз уже не только количественные, но и качественные, и найти для этого необходимые ресурсы, не только материальные.

От того, как будет решаться эта задача, зависит, будет ли новая модель основой новой долгосрочной стратегии развития или будет переходной, подчиненной задачам преодоления кризиса, ориентированной на поддержание экономической стабильности и удержание под контролем социально-политической ситуации. Таким образом, первым фактором, затрудняющим деятельность нового руководства, является отсутствие ясной программы действий и неопределенность идеологии реформ, жизненно важной для КПК.

Идеологической платформой Си Цзиньпина в условиях расколотого по уровню доходов и благосостояния населения и по уровню развития регионов могла стать только общенациональная, консолидирующая идея, которая в отличие от борьбы за восстановление социальной справедливости или фактической канонизации неравенства объединяла бы, а не раскалывала общество. Так возникла и получила официальный статус «китайская мечта» – идея великого возрождения китайской нации, продолжившая вслед за идеей Ху Цзиньтао о гармоничном обществе поиски китайским руководством новой, неклассовой идеологии. Эта декларация Си Цзиньпина о великом возрождении тем не менее также требовала конкретных политических решений, поскольку прочность общенационального консенсуса в условиях бурных социально-экономических трансформаций напрямую зависит от остроты социальных конфликтов, важнейшим из которых общество считает отсутствие социальной справедливости и ее главную причину – коррупцию.

Другим усложняющим деятельность Си Цзиньпина фактором является то, что даже успешное по историческим меркам решение стоящих перед Китаем социально-политических и экономических задач будет связано с неизбежным снижением темпов экономического развития и роста уровня жизни и не принесет ему быстрого признания в партии и популярности в обществе. Си Цзиньпин будет первым за 25 лет китайским руководителем, успехи которого в силу неблагоприятной конъюнктуры будут оцениваться не чистым позитивом, а борьбой с негативом, сложной для восприятия современниками. Политические плоды успешно проведенной реформы достанутся не ему, а следующим поколениям руководства, в то время как ответственность за ее провал будет исключительно персональной. Вне зависимости от окончательных итогов его правление станет периодом борьбы и испытаний, а смена модели развития займет не одно десятилетие и превзойдет отпущенные ему временные рамки.

Помимо сложных социально-экономических проблем, которые стоят перед Китаем, сильное психологическое давление на

Си Цзиньпин оказывает приближающееся в 2021 г. столетие КПК, которое предполагает подведение итогов деятельности партии за весь исторический период и повышает персональную ответственность действующего партийного лидера. Решение всех этих задач потребовало от него внутренней мобилизации и, как следствие, концентрации власти.

Принимая в расчет перечисленные обстоятельства, Си был вынужден определить для себя основные направления деятельности по повышению авторитета и практического подтверждения своей легитимности не в успешной экономической деятельности, а, прежде всего, в политической. В этих условиях эпицентр общественно-политической жизни в Китае впервые с судьбоносного 1989 г. смещается из экономики в сферу политики, а главными вновь становятся политические решения и демонстрация политической воли.

В отличие от Дэн Сяопина, уже обладавшего к началу реформ высоким авторитетом в партии и обществе, Си Цзиньпин начал укрепление личных позиций с улучшения своего облика в публичном пространстве. Для этого впервые для китайских руководителей такого ранга им была использована семья, которая дополнила его образ политического деятеля положительными личными характеристиками. Си Цзиньпин в общенациональном масштабе отметил 100-летний юбилей своего отца Си Чжунсюня, бывшего вице-премьером Госсовета КНР в конце 1950-х и в начале 1980-х. Помимо авторитета отца он активно использовал популярность жены, народной артистки КНР Пэй Лиюань, на протяжении длительного времени гораздо более известной, чем сам Си Цзиньпин. У Китая впервые появилась полноценная первая леди, ставшая неотъемлемой частью имиджа нового главы государства.

Для повышения авторитета у населения он организовал прямой диалог с народом, положив в 2013 г. начало кампании отстаивания «линии масс». В авторитарных режимах обращение к народу – это не только способ повышения личного авторитета и легитимности, но и способ укрепления своих позиций за пределами партии, необходимых для проведения реформ и преодоления

сопротивления партийно-государственного аппарата. В 1980-е годы приданием публичного характера авторитарной власти М. Горбачев в СССР и Чжао Цзыян в КНР пытались заручиться поддержкой народа для проведения непопулярных у партноменклатуры решений.

Все усилия нового главы государства по созданию позитивного облика могли принести искомый результат только при эффективном контроле за СМИ и интернет пространством. Введение правил обязательной регистрации в блогосфере, кампании с «фальшивыми журналистами и новостями», «незаконными СМИ», начавшиеся с конца 2011 г., были дополнены новыми решениями. Си Цзиньпин создал и возглавил Руководящую группу по интернет и кибербезопасности и все более заметное внимание уделяет работе со СМИ.

Меры по укреплению авторитета Си сопровождались массовым изданием его трудов и мощной пропагандистской кампанией, близкой по масштабам к формированию культа личности или, во всяком случае, намного превосходящей аналогичные кампании всех других китайских лидеров с начала реформ.

В немалой степени это объясняется тем, что сформировавшийся в Китае механизм политической преемственности с приходом Си Цзиньпина также столкнулся с непредвиденными трудностями. Раньше основная проблема при передаче власти заключалась в том, что лидер, уходя из жизни, не оставлял после себя преемника, что вело к нарушению социально-политической стабильности. Теперь он оставляет преемника, но и сам окончательно не уходит из политического процесса. После 18 съезда компартия впервые столкнулась с ситуацией, когда в руководстве страны продолжили активно функционировать два бывших генеральных секретаря – Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, сохраняющие свой авторитет и влияние, и действующий генсек, у которого лишь формально были высокие посты, не тождественные в авторитарном государстве политической власти.

В условиях отсутствия крупных вызовов государству с влиянием предшественников на проведение реформ можно было

мириться, но необходимость принятия ответственных радикальных решений заставила Си приступить к ограничению их влияния, а для этого начать демонтаж важнейших элементов институализированного авторитаризма, созданного за годы реформ.

Уголовные дела против бывшего члена Постоянного комитета (ПК) ПБ Чжоу Юнкана и заместителя председателя Центрального Военного совета (ЦВС), члена ПБ Сюй Цайхоу, входивших в высшее партийное и военное руководство еще 3 года назад на последнем съезде партии, дали ясный сигнал силовикам, региональным и отраслевым элитам об отсутствии у них иммунитета, а также, и это главное, стали предупреждением предшественникам против попыток оспаривать или противодействовать текущим изменениям.

Серьезным потенциалом ограничения неформальных отношений обладает усиление правового характера государства, внимание к которому привлекается каждый раз, когда нужно избавиться от инерции традиционной культуры и сопротивления реформам со стороны бюрократии. Нынешние призывы к «всеобъемлющему верховенству закона», «управлению государством в соответствии с законом», в действительности, ограничивают власть авторитета, которым до сих пор обладают лидеры КПК третьего и четвертого поколений, и усиливают позиции действующего руководства, выводя его из-под опеки предшественников.

Предпринятые в рамках сложившегося политического механизма меры по ограничению внешнего влияния на руководство оказались недостаточными. Си Цзиньпин попытался укрепить личную власть с помощью дополнительных полномочий, которые формально не нарушали бы существующее распределение функций в ПК ПБ. Во-первых, возглавив Руководящую группу по углублению реформы, он отодвинул от выработки стратегических решений в области экономики премьера Ли Кэцяна. Во-вторых, создав и возглавив Совет Государственной (национальной) безопасности, он поставил под свой прямой контроль силовые и правоохранительные структуры и замкнул на себя

часть контрольных функций, которые были сосредоточены у Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) и Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД), тем самым автоматически понизив роль других членов ПК ПБ. Наконец, встав во главе Руководящей группы по интернету и кибербезопасности, он поставил под свой контроль информационные потоки, создав дополнительный рычаг воздействия на формирование общественного мнения.

Появление новых центральных органов существенно сократило объем распределения властных полномочий между высшими должностными лицами в партии и государстве. В результате существенно снизилась эффективность политических механизмов, обеспечивавших стабильность за счет разделения власти и полномочий внутри высшего руководства и ограничения действующего поколения руководителей со стороны предшественников. Столь заметное повышение роли первого лица неизбежно ведет к искажению принципов организационного строения и нарушению вертикальных и горизонтальных связей в высшем руководстве, подтачивая его единство и сплоченность. Когда все равны в своем неравенстве перед первым лицом, может возникнуть желание бросить ему вызов, конечно, только в том случае, если его авторитет в обществе может быть оспорен, а авторитет Си Цзиньпина пока еще может.

Поиск новой социально-экономической модели потребовал, таким образом, усиления роли авторитарного государства, ради этого пришлось вносить изменения в механизмы институализированного авторитаризма, которые складывались на протяжении последних 40 лет и обеспечивали общественно-политическую и экономическую стабильность. Мотивацию этих действий нового генерального секретаря следует признать обоснованной, продиктованной необходимостью выполнения задач, возникших перед страной. Но внесение даже отдельных изменений в отлаженную и многоуровневую систему неизбежно вызывает волну изменений в других ее частях и механизмах.

Главной целью созданной за годы реформ политической системы было обеспечение преемственности курса, а его центральной задачей – поддержание стабильности при передаче власти. Смена курса не рассматривалась в качестве ее приоритетных функций. Появление новых социально-экономических и внешнеполитических задач, которые могли повлиять на распределение властных полномочий в руководстве страны, также не учитывалось, их решение оставалось прерогативой членов высшего руководства на основе консенсуса. В результате сформировался динамичный, гибкий и, вместе с тем, стабильный механизм, уравновешенный внутренним разделением полномочий, предназначенный, однако, только для поддержания простого, линейного развития. Когда возникла задача осуществить смену курса, выяснилось, что он недостаточно мобилен и централизован, это и привело к концентрации власти у первого лица, необходимой для принятия масштабных и ответственных решений. Но даже этим изменения уже не могли закончиться.

Китайское общество

Формально, отсутствие новых политических субъектов позволяло по-прежнему ограничивать политические преобразования высшим эшелоном власти. Однако реформы вызвали глубокие изменения в китайском обществе, которое быстро теряет статус традиционного. И это потребовало установления новых взаимоотношений между властью и обществом, соответствующих изменившейся природе последнего. Во-первых, политика «одна семья – один ребенок», изначально направленная на повышение уровня жизни, разрушительно повлияла на нормы конфуцианского социального порядка, в основе которого лежит почитание старших и традиций, и требует другого, ориентированного на изменения, инновации и молодежь.

Во-вторых, в результате индустриализации, массового оттока крестьян в город и роста численности городского населения разрушаются традиционное сознание и социальные связи. Быстро растет средний класс, который хотя и не имеет артикулиро-

ванной политической позиции, все же обладает высоким уровнем образования, знает иностранные языки, выезжает за границу и, в целом, занимает активную жизненную позицию. Легитимизация инициативы и инноваций в ходе реформ разрушает представления о ценности преемственности и неизменности авторитета, которые были главной характерной чертой китайской цивилизации.

В-третьих, монетизация власти в условиях открытости позволяет вывозить капиталы и привилегии (например, до самого последнего времени рождение второго ребенка), что подрывает нравственный авторитет партии и бросает вызов ее легитимности. В новой системе координат государство утрачивает сакральный характер и обусловленную им общественную поддержку и должно искать новую, на новых принципах, вводя в политический процесс меняющееся общество и ориентируясь на его новые ценности.

Разрывы, которые длительное время были частью поступательного движения и роста благосостояния, сейчас превращаются в проблемы практической политики – обеспечения социальной справедливости и преодоления разрывов в уровнях доходов, образовавшихся в ходе быстрого, но неравномерного развития. Центральной из них на государственном уровне, по общему мнению, стала коррупция.

Свободное предпринимательство при авторитарном режиме неизбежно имеет коррупционную составляющую, в которой проявляется подчиненное отношение бизнеса к власти любого уровня и покровительственное отношение власти к бизнесу. У коррупции две функции: экономическая – негативная, препятствующая свободной конкуренции, и социокультурная – позитивная, стабилизирующая отношения власти и бизнеса.

Разрешив на начальном этапе реформ чиновникам участвовать в экономической жизни, государство в максимальной степени использовало их активность для создания рыночной системы. Целью борьбы с коррупцией на том этапе являлось не ее искоренение, а удержание в определенных рамках,

чтобы не позволить появиться новым политическим субъектам в самом бюрократическом классе, и чтобы общество, недовольное нарушением официально декларируемых принципов социальной справедливости, не выступало против власти под лозунгом борьбы с коррупцией. Этим двойственным отношением длительное время было обусловлено отсутствие крупных успехов в антикоррупционной борьбе. До Си Цзиньпина она была инструментом политической борьбы, разрушения родственных, клановых и земляческих связей и способом укрепления личных позиций за счет контрольных и репрессивных функций, поэтому всегда останавливалась, когда ее политическое цели были достигнуты и в правящем классе наступало единство. До Си Цзиньпина более 80% чиновников за коррупционные преступления отделялись предупреждением и только 3% подвергались уголовному преследованию. В целом, это был высокодоходный и мало рискованный бизнес. Сейчас число привлеченных к ответственности увеличилось на порядок.

По мере того, как обострялись проблемы социальной справедливости, борьба с коррупцией начала перемещаться из сферы внутриэлитных отношений в сферу отношений власти и общества. Мировой кризис с неожиданной стороны показал, что государство может быть слабым не только с отсталой экономикой, что было причиной начала реформ в 1978 году, но и с искаженными принципами социальной справедливости. Актуальной стала задача оздоровить государство, поддержать авторитет власти в глазах населения и для этого лишить государственных чиновников и предпринимателей незаслуженных льгот и привилегий.

К тому же в условиях уже состоявшегося рынка коррупция все больше препятствует честной конкуренции и повышению эффективности экономики, тянет общество назад, в переходный период, поскольку может комфортно существовать только как посредник между двумя экономическими укладами – традиционным и современным. Она выполнила свою историческую роль и из фактора, стабилизирующего отношения власти и бизнеса, превратилась в фактор

дестабилизирующий отношения власти и общества. В этой ситуации решения, которые были приняты 30 и более лет назад, потребовали ревизии. Возникла задача найти новую модель отношений между модернизированной властью и модернизирующимся обществом. Это стало одной из главных причин, почему при Си Цзиньпине борьба с коррупцией не остановилась как прежде, решив некоторые текущие политические задачи, а из формы внутриэлитной борьбы превратилась в борьбу с порочными общественными отношениями.

Начавшаяся в 2012 г. антикоррупционная кампания с массовым возбуждением уголовных дел против высокопоставленных партийно-государственных чиновников за 4 года привела к волне кадровых перестановок, сравнимой только с возвращением в 1978–1979 гг. в руководство страны ветеранов, пострадавших в «культурную революцию». Частично новые массовые назначения способствуют укреплению позиций Си, преодолению инерции и сопротивления бюрократического аппарата, но в долгосрочном плане создают разрыв между поколениями и разрушают механизмы преемственности власти, подвергая риску основы авторитарной системы.

Политические вызовы системе

Чем на фундаментальном уровне опасен авторитаризм в абсолютной версии, к которой под давлением обстоятельств движется Си Цзиньпин?

Первое. Сосредоточив в ущерб коллегиальности беспрецедентные полномочия по проведению реформы, Си Цзиньпин тем самым многократно увеличил риски принятия необоснованных решений, характерные для всех автократических режимов, неподконтрольных ни органам власти, ни обществу.

Для надлежащего выполнения возросших обязанностей, он неизбежно должен будет все больше опираться на аппарат. Перераспределение полномочий внутри партийного руководства постепенно будет уступать место наделению властью чиновников и функционеров, не обладающих необходимой мерой политической ответственности и

авторитетом. Реальная власть в государстве может сместиться к всесильному в обществе и бесправному по отношению к вождю аппарату и породить гигантские деформации в соблюдении принципов социальной справедливости и морали, что способно ухудшить нравственный климат в обществе не меньше, чем легализация семейной унии власти и собственности, с которой борется нынешнее руководство. Одним из очевидных последствий концентрации власти может стать преобладание в окружении Си слабых, несамостоятельных фигур, что создаст благоприятный фон для сохранения им полномочий сверх установленного законами и Уставом КПК срока. Отдаленным следствием этого станет появление в качестве возможных преемников слабых фигур, несоответствующих требованиям авторитарной системы (как после смерти Мао и Сталина), которое вместе с разрушением системы преемственности может привести к серьезному ослаблению власти.

В этой связи настораживает появившаяся в ближайшем окружении лидера партии жена. Как и жена Мао Цзэдуна Цзян Цин и жена Бо Силая Гу Кайлай на определенном этапе она может не удовлетвориться церемониальной ролью первой леди. И если для того, чтобы поставить себе на службу авторитет отца, достаточно было отметить его 100-летний юбилей, то жена для выполнения своей функции все время должна находиться рядом, превращаясь не только в невольного свидетеля, но и участника, обретая право решающего голоса.

Второе. Концентрация полномочий в одних руках не только ликвидирует разделение властей в руководстве партии, но и многократно повышает роль контрольных функций. В условиях отсутствия правовой культуры рост злоупотреблений контрольных и репрессивных органов неизбежен, что еще больше усилит роль аппарата и одновременно понизит роль партийных органов, создаст новые противоречия в правящем классе. Уже сейчас вторым человеком в партийно-государственной иерархии в Китае считается первый секретарь ЦКПД Ван Цишань.

Третье. Следствием этого станет усиление сословно-корпоративной замкнутости и

клановости высшего руководства. В Китае уже говорят о формировании новой, шэньсийской группировки в составе Си Цзиньпина, Ван Цишаня и Юй Чжэншэна. А это значит, что кланы «принцев», «комсомольцев», «шанхайцев» отодвинуты от власти и могут стать организационным ядром внутрипартийной оппозиции.

Четвертое. Идеологическая легитимизация преемников до самого последнего времени не противоречила идеологическим принципам предшественников. Главным приоритетом для Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао оставалось быстрое экономическое развитие, а возникающие в результате неравномерность и неравенство нейтрализовывались высокими темпами роста. Сейчас ситуация меняется. Перед Си стоит задача не просто провести корректировку политики, а поменять идеологические принципы реформ и, одновременно, сохранить преемственность, как до него это сделал Дэн Сяопин. Для социально неоднородного общества, каким стал Китай в результате реформ, такой объединяющей идеей может быть только общенациональная идея возрождения, фактически уже состоявшегося, но еще не определившего направление дальнейшей эволюции. Но в идее возрождения может быть заложен разный социально-исторический смысл. Утверждение в общественном мнении идеи Великого возрождения может не привести к серьезным последствиям внутри страны, но обладает явным конфликтным потенциалом на внешней арене. Эволюции КПК в сторону националистической и великодержавной идеологии будут способствовать происходящие изменения в партийном и государственном аппарате.

Освободившиеся в результате антикоррупционной чистки места часто занимают представители более молодого поколения, немалая часть которых училась на Западе и, обладая высоким уровнем образования, профессиональными и деловыми качествами, не всегда является убежденными приверженцами коммунистической идеологии, и без того серьезно деформированной в Китае. Поколение технократов во главе с Цзян Цзэмином в интересах высоких темпов по-

шло на превращение классовой партии в общенародную, допустив в нее предпринимателей и представителей крупного бизнеса. Поколение западнообразованных экономистов и юристов (Си Цзиньпин и Ли Кэцян имеют докторские степени по праву) может пойти еще дальше и подвергнуть глубокой ревизии идеологическую доктрину КПК. Испугавшись недвусмысленной классовой окраски проектов политического реформирования появившегося накануне 18 съезда, китайское руководство сейчас может столкнуться с другим, не менее серьезным идеологическим вызовом.

Формирующийся в результате кадровых назначений и необеспеченный новым идеологическим единством бюрократический аппарат сам подвержен внутренним противоречиям и может оказаться не в состоянии дать согласованный ответ на вызовы времени.

Пятое. Энергичные действия Си Цзиньпина, разрушающие клановые и земляческие связи, коррупционные цепочки парткомов, правоохранительных органов и бизнеса, встречают мощное сопротивление в центре и на местах.

Разрешив отдельным регионам обогащаться раньше других, Пекин, с одной стороны, переложил на них решение многих острых социально-экономических проблем, но, одновременно, повысил их самостоятельность. Результатом этого стала реализация регионами своих конкурентных преимуществ внутри страны (близость к Гонконгу, морю, привлекательность для иностранных инвесторов и т.д.), быстрый экономический рост и, как следствие, существенный рост экономического потенциала. В регионах возникли различные, отвечающие конкретным условиям социально-экономические модели, которым соответствовали разные идеологии развития: «гуандунская», «чунцинская» и др.

В условиях успешного экономического развития возникавшие противоречия регионов с центром и межрегиональная конкуренция считались трудностями роста и не воспринимались в качестве угрозы для центральной власти, но в кризис такая самостоятельность, помноженная на экономический

потенциал провинций и интересы региональных элит, может привести к обострению традиционной китайской болезни – регионализма. Регулярная ротация высших руководителей провинций препятствует формированию региональных политических ядер лишь частично. Региональные элиты, прежде всего экономические, гораздо менее мобильны. Именно с этим связано обилие коррупционных дел против провинциальных руководителей второго уровня (зампредов и членов провинциальных ПК СНП, НПКСК, народных правительств и парткомов).

Недооценивать негативные последствия разрушения традиционных социальных структур и отношений нельзя. Разрушая в годы «культурной революции» препятствия на пути преобразования китайского общества в современное, Мао Цзэдун одновременно уничтожил фундаментальные основания его единства. Попытку привести в соответствие новые экономические реалии и методы государственного управления в 1990-х годах предпринял и Цзян Цзэминь, но он подчеркивал, что наряду с управлением по закону, нужно править добродетелью, сохраняя тем самым пространство для традиционных отношений. Определить допустимый порог разрушения социальной ткани для Си Цзиньпина будет очень сложно, поскольку ресурса прочности в виде благоприятной экономической и социально-политической ситуации, которая давала бы ему возможность для исправления ошибок, у него нет.

Станут ли его шаги эффективным ответом на возникшие вызовы или сами, в случае неудачи, превратятся в угрозы, потому что существовавший механизм поддержания политической стабильности будет демонтирован, а новый не будет эффективен? Перед системой возник, может быть, самый главный вызов – проверка эффективности механизма отбора высших должностных лиц. Способна ли современная китайская система отбирать таких же харизматичных лидеров как Дэн Сяопин, продолжит ли Си эту традицию или его ждет судьба М. Горбачева?

Несмотря на растущие риски, положение Си Цзиньпина не выглядит безнадежным, у него есть некоторые надежные

ресурсы усиления, на которые он может рассчитывать.

В результате почти 40-летней интеграции во внешний мир, Китай исчерпал свои внутренние конкурентные преимущества, но приобрел их на международной арене. В первую очередь, это большие золотовалютные резервы, значительный промышленный потенциал и широкие торгово-экономические связи, которые он может использовать.

«Великое возрождение» как стратегическая цель Китая предполагает не только выход в первые ряды государств мира по уровню экономического развития, но и восстановление роли регионального лидера и мирового статуса. Совместить достижение этих целей можно только в многополярном мире, идею которого Китая энергично отстаивает. Активность КНР на внешней арене все еще, хотя и все менее последовательно, сдерживается установкой Дэн Сяопина «не высовываться», отсутствием богатого опыта международной деятельности и колебаниями относительно необходимости значительных непроизводительных расходов на формирование благоприятного образа на международной арене, но уже неизбежна.

На внешней арене перед Китаем стоят две задачи. Первая – определить свое место в глобальном мире. Ее решение на практике требует особых отношений с США, которые несмотря на все усилия, Китаю установить не удастся. США ни с кем не намерены делить свое лидерство, на котором построена американская общественно-экономическая система. Равенство будет означать утрату лидерства и крах американской модели. Стратегическое сдерживание – неизменный курс США в отношении Китая, рост которого обостряет противоречия между двумя государствами, неуклонно приближая их к критической точке. Напряжение в двусторонних отношениях усиливается в результате увеличения американского военного присутствия в АТР и умелого использования США опасений восточноазиатских соседей относительно экономического и военно-политического возвышения КНР.

Китай, длительное время избегавший обострения, во втором десятилетии XXI в. принял вызов. Перед НОАК поставлена за-

дача не только защиты суверенитета и территориальной целостности, но и обеспечения безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и киберпространстве. КНР твердо придерживается своей бескомпромиссной позиции по территориальным спорам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, увеличивает военные расходы темпами, превышающими темпы роста ВВП в среднем почти в полтора раза, его реальные военные расходы на 40-50% превышают официальные и составляют, по оценкам, от 1/3 до 1/2 американских.

Приближение острой фазы пока сдерживают тесные экономические связи двух стран, технологическая зависимость Китая от Запада и отсутствие у него военных союзников в регионе. США, более свободные в выборе средств, одновременно с наращиванием военного присутствия пытаются преодолеть свою зависимость от торгово-экономических отношений с Китаем созданием зон свободной торговли с ЕС и в АТР (в частности, Транстихоокеанского партнерства) без китайского участия и, соответственно, сменой торговых потоков. Но и на это Китай отвечает симметрично, решая свою вторую внешнеполитическую задачу.

Вторая задача – реализация «китайской мечты» о возрождении на международной арене. В силу культурных особенностей ни один сценарий развития не предусматривает превращение Китая в мирового гегемона. Стратегия успеха для Китая предполагает консолидацию на национальном и региональном уровне, а не выход на глобальный. Поэтому его ближайшей задачей является воссоздание китайской ойкумены, которая бы охватывала на начальном этапе Восточную Азию, а затем, возможно, и большую часть Евразии и Африки. В китайском экспертном сообществе Китай уже называют «великой евразийской державой».

В рамках реализации этого курса Китай приступил к созданию евразийского регионального порядка, положив в основу инфраструктурный экономический проект «Один пояс – один путь» (Экономический пояс Шелкового пути, охватывающий с ответвлениями Северо-Восточную и Центральную Азию, Ближний и Средний Вос-

ток и Африку, и Морской Шелковый путь XXI в., пролегающий вдоль Юго-Восточной и Южной Азии, Восточной Африки и Ближнего Востока). Для реализации этого проекта были созданы, базирующиеся на значительных китайских золотовалютных резервах, финансовые институты АБИИ, Фонд Шелкового пути, Банк БРИКС и т.д., которые дают Китаю возможность использовать свои конкурентные преимущества на международной арене. Экономическая интеграция этого регионального пространства во главе с Китаем вместе с ростом внутреннего потребления может существенно сократить его зависимость от американского рынка.

Сценарии развития

Для руководства страны важнейшим итогом предпринимаемых в КНР мер является сохранение социально-политической стабильности, власти КПК и современного китайского государства. В этом отношении поиск и создание новой модели экономического развития является важной, но все же подчиненной целью. Именно этим продиктовано повышенное внимание Си Цзиньпина на политическом вопросе и вопросе государственного управления. Концентрация власти является не только инструментальным фактором, но и стратегическим, обеспечивающим внутреннюю стабильность. Но одной личной власти без успехов в экономике или при значительном ухудшении социально-экономической ситуации будет недостаточно, и тогда возможны крупные перестановки в действующем руководстве или ограничение полномочий первого лица. Новейшая история КПК знает такие примеры, так было с Председателем ЦК Хуа Гофэнгом, генеральными секретарями ЦК Ху Яобаном и Чжао Цзяньном в 1980-е годы, а принципиальную готовность политического класса к такому радикальному сценарию показали дела Бо Силая, Чжоу Юнкана и др.

Однако поражение нынешнего руководства серьезно затормозит предпринимаемые им усилия по смене действующей социально-экономической модели и будет означать вхождение Китая в длительную

фазу политической нестабильности, следствием которой станет обострение внутренних противоречий, национальных и религиозных проблем, усиление регионализма, прежде всего, в Синьцзяне, других национальных образованиях, а также и восточных провинциях, далеко ушедших вперед в экономическом развитии и не желающих делиться своим благосостоянием, особенно в условиях снижения темпов роста.

Очередная смена политического руководства Китая в 2022 г. до того, как будут созданы контуры новой экономической модели, также усилит факторы нестабильности. Поэтому все более вероятным, по мнению западных наблюдателей, представляется сценарий продления полномочий Си Цзиньпина в целях завершения контуров новой экономической модели. Прецеденты в новейшей китайской истории такого варианта событий есть. Дэн Сяопин, а затем и Цзян Цзэминь после передачи власти несколько лет сохраняли за собой пост Председателя ЦВС (а Ху Цзиньгао уже, вероятно, не один раз пожалел, что его передал). Однако это потребует ревизии основ существующей политической системы и переход Китая в новую фазу политического развития.

Одним из промежуточных показателей динамики политической ситуации станет 19 съезд КПК, который подведет итоги антикоррупционной чистки, подтвердит принципы обновления власти и, возможно, внесет ясность относительно дальнейшей судьбы Си Цзиньпина. В соответствии с действующими механизмами на съезде должен существенно обновиться состав ПК ПБ, из 7 членов которого 5 (включая Ван Цишаня) должны будут оставить свои посты по достижению предельного возраста, и быть избраны в состав ПК представители следующего 6-го поколения руководителей, которыми, скорее всего, станут самые молодые члены нынешнего ПБ Сунь Чжэнцай и Ху Чуньхуа.

За годы реформ Китай сделал поворот от классовой борьбы к экономическому развитию, теперь ему предстоит если не обратный переход, то, во всяком случае, начало движения от ценностей экономического развития к новой государственной идеологии, в

основе которой лежат ценности социальной справедливости и идеи возрождения Китая.

Трудности, связанные со сменой модели, для Китая больше, чем для многих других стран мира представляют серьезную угрозу государству. Совершив в XX в. в результате революционных преобразований переход на новый социально-исторический уровень, Китай до конца не овладел присущим этому уровню типом развития, а лишь в определенной степени сумел приспособить к нему свой традиционный цивилизационный архетип. На протяжении последних четырех десятков лет он использовал свои традиционные ресурсы для интеграции в современность (дешевую и большую по численности рабочую силу, конфуцианскую трудовую этику, организующую роль партии и мобилизующую роль государства и т.д.). Но Китай смог эффективно мобилизовать имеющиеся ресурсы только потому, что в начале реформ определил конечную цель – вписаться в современность, и выбрал направление движения – в сторону технически передового Запада. Мировой кризис, показав изъяны западного общества, воодушевил сторонников самобытного пути развития, но одновременно оставил Китай наедине с новыми вызовами, впервые в новейшей истории примерив на него, пока чисто теоретически, роль исторического лидера. И тогда выяснилось, что в условиях кризиса Китай не ведет поиск принципиально новых решений, а по инерции старается сгладить его негативное влияние, искусственно поддерживая темпы роста, доводя, в частности, накопление в отдельные годы до 50% ВВП и более, в результате фундаментальные проблемы не решаются, а ретушируются и загоняются вглубь.

Такая антикризисная политика дает основания полагать, что Китай пока научился преодолевать кризисы единовременно, но не смог эту способность интегрировать в свой тип развития. Оказавшись наедине с неизвестными вызовами, не имея перед собой образца для подражания, он испытывает серьезные трудности с поиском ответа на них. Поэтому при следующем аналогичном вызове, который, возможно, уже наступил, ему вновь предстоит затяжной период мучительных поисков.

Необходимость одновременной смены экономической модели, решения острых социальных проблем и региональных противоречий и поиска новой внешнеполитической стратегии подталкивает к глубокому и радикальному преобразованию общественного строя с неясными последствиями и перспективами. Несмотря на то, что эта трансформация может пройти мирно и растянуться на много лет, ее последствия могут быть разрушительными, как в СССР, или впечатляющими как в Китае в результате реформ Дэн Сяопина.

Главный вопрос предстоящего десятилетия: не утратил ли китайский управленческий класс после десятилетий успешных реформ способности принимать смелые решения, достаточно ли у него легитимности сделать стратегический выбор и в ближайшие 10–15 лет перейти к новой модели развития, сохранив преемственность в политической сфере? Сможет ли Си Цзиньпин не разрушить авторитарную систему, поддавшись влиянию экономических требований, а Китай еще раз удивить асинхронностью экономического и политического развития?

Литература:

Бородич В.Ф. Внутриполитическая борьба как фактор политики реформ в современном Китае // Новые аспекты социально-политического развития КНР. – М.: ИДВ РАН Информационные материалы. Серия г. Выпуск 22, 2015. Часть 1. – С. 37-48.

Бородич В.Ф. Политические новации решений III Пленума ЦК КПК 18 созыва // 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ (Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. Москва, 12, 14 марта 2014 г.). – С. 31-43.

Виноградов А.В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №1. – С. 89-96.

Виноградов А.В. Политическая модернизация: проблемы институализации в Китае и России // Вестник Санкт-Петербургского Государственного Университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. СПб., 2012. – №2. – С. 66-77.

Виноградов А.В. Политическая система КНР при Си Цзиньпине: новые вызовы и угрозы // Новые аспекты социально-политического развития КНР. – М.: ИДВ РАН Информационные материалы. Серия г. Выпуск 22. Часть 1, 2015. – С. 5-16.

Гуаньюй синь синши ся дан ней чжэнчжи шэнхо дэ жогань чжуньцэ. (О некоторых нормах внутрипартийной политической жизни в новых условиях.) Принято 27 октября 2016 г. 6-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва.

Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-11/02/c_1119838382.htm

Китай на новом этапе экономической реформы. Сб. статей / отв. ред. А.В. Островский. – М., Ленанд, 2015. – 302 С.

Королев А.Н. Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 2. – С. 90-107.

Королев А.Н. Социальная эффективность политических режимов – имеет ли демократия значение? // Россия и АТР. – 2016. – № 3 (93). – С. 82-106.

Михеев В., Луконин С., Чже С. Китай: режим личной власти и новая пятилетка // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 10. – С. 5-16.

Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. – М., 2016. – 589 С.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. – Пекин, 2014. – 630 С.

Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Ван Хуй. Шэньхуа гайгэ, шифан дунли, цуцзинь шэхуй гунпин чжэньи (Углублять реформы, высвободить движущие силы, способствовать равенству и справедливости) // «Жэньминь жибао», 11 марта 2014 года.

Чжунго гунчаньдан дан ней цзяньду тяоли. (Положение о внутрипартийном контроле КПК.) Принято 27 октября 2016 г. 6-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва. *Режим доступа:* http://news.xinhuanet.com/politics/2016-11/02/c_1119838242.htm

Чжунгун чжунян гуаньюй цюаньянь шэньхуа гайгэ жогань чжунда вэньти дэ цзюэдин. (Постановление 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ.) (12 ноября 2014 г.). *Режим доступа:* http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm

China's Core Executive. Leadership Styles, Structures and Process under Xi Jinping / Ed. By S.Heilmann, M.Stepan // *Merics Paper on China*. Berlin, 2016, No. 1. 100 p.

References:

Borodich, V.F. Politicheskie novatsii reshenii III Plenuma TsK KPK 18 sozyva (Political Innovations of the III Plenum of CC of CPC) // 3-i Plenum TsK KPK 18-go sozyva: novoe rukovodstvo i strategiiia reform (Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Tsentra politicheskikh issledovani i prognozov Kitaia IDV RAN. Moscow, 12, 14 March 2014). Pp. 31-43.

Borodich, V.F. Vnutripoliticheskaia bor'ba kak faktor politiki reform v sovremennom Kitae (Political Struggle as a Factor of Reforms in Modern China) // *Novye aspekty sotsial'no-politicheskogo razvitiia KNR*. Moscow: IDV RAN Informatsionnye materialy. Seriiia G. No. 22, 2015. Part 1. Pp. 37-48.

China's Core Executive. Leadership Styles, Structures and Process under Xi Jinping / Ed. By S.Heilmann, M.Stepan // *Merics Paper on China*. Berlin, 2016, No. 1. 100 p.

Kitai na novom etape ekonomicheskoi reform (China at a New Stage of Economic Reforms). Sb. statei / Ed. by A.V. Ostrovskii. Moscow, Lenand, 2015. 302 p.

Korolev, A.N. Reagirovanie politicheskogo rezhima KNR na bazovye nuzhdy naseleniia (Response of the Political Regime in China to the Basic Needs of Population) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, No. 2, pp. 90-107.

Korolev, A.N. Sotsial'naia effektivnost' politicheskikh rezhimov – imeet li demokratiia znachenie? (Social

Effectiveness of Political Regimes – Does Democracy Matter?) // *Rossia i ATR*, 2016, No. 3 (93), pp. 82-106.

Mikheev, V.; Lukonin, S.; Chzhe, S. Kitai: rezhim lichnoi vlasti i novaia piatiletka (China: Authoritarian Regime and New Five-Year Plan) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, No. 10, pp. 5-16.

On Some Partisan Rules in Modern China / Approved by 6th Plenum of CC of CPC of 18th Convocation (In Chinese). Mode of access: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-11/02/c_1119838382.htm

Rumiantsev, E.N. Vnutrennaia i vneshnaia politika Si Tszin'pina (Domestic and Foreign Policy of Xi Jinping). Moscow, 2016. 589 p.

Vinogradov, A.V. Politicheskaia modernizatsiia: problemy instutualizatsii v Kitae i Rossii (Political Modernization: Problems of Institutionalization in China and Russia) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Seriiia 6. Filosofiiia. Kul'turologiia. Politologiia. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia. SPb., 2012, No. 2, pp. 66-77.

Vinogradov, A.V. Politicheskaia sistema KNR pri Si Tszin'pine: novye vyzovy i ugrozy (Political System of China under Xi Jinping: New Challenges and Threats) // *Novye aspekty sotsial'no-politicheskogo razvitiia KNR*. Moscow: IDV RAN Informatsionnye materialy. Seriiia G. No. 22. Part 1, 2015. –Pp. 5-16.

Vinogradov, A.V. Vlast', biznes i korruptsiia v Kitae (Authority, Business and Corruption in China) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2014, No. 1, pp. 89-96.

Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii (On Governance). Beijing, 2014. 630 p.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-131-145>

POLITICAL CHALLENGES FOR CHINA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Andrei V. Vinogradov

*The Peoples' Friendship University of Russia,
MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14 December 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 2 June 2017</p>	<p>Abstract: The Chinese economic model, which paved the way to «Chinese economic miracle» is running out of its capabilities. The new generation of leadership led by Xi Jinping is facing an extremely complicated task that can be compared to the one Deng Xiaoping had solved at the turn of 1980's – to elaborate a new model of development. Measures adopted by the new General secretary of the CPC Central Committee in order to concentrate powers and to strengthen personal power are justified by the need to change political course. However, as a result of these steps, the system of institutional authoritarianism that for the past 40 years was being created and provided economic success to China has been significantly demolished. Current challenges for China originate not only from the necessity to change the economic model, but also from the reaction of the authorities to this need. Amidst uncertainty of new reference points for the reforms, lack of obvious competitive advantages, strengthening of external challenges and deep changes in Chinese society, China has again appeared on the verge of serious challenges, the answer to which will help evaluate the effectiveness of the reforms not only from socio-economic but also from a historical perspective.</p>
<p>About the author: Doctor of Political Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia; Principal Research Fellow, Center of Regional Projects and Comprehensive Chinese Studies, MGIMO University, Russian Ministry of Foreign Affairs</p> <p>e-mail: vinogradov-a.v@mail.ru</p>	
<p>Key words: political system of China, the institutional authoritarianism, corruption, Xi Jinping, the Chinese model of social development in the 21st century</p>	

Для цитирования: Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 131-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-131-145

For citation: Vinogradov, Andrei V. Vnutripoliticheskie vyzovy Kitaiu v nachale 21 veka. (Political Challenges for China at the Beginning of the 21st Century) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 131-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-131-145

СТРАТЕГИЯ ИНДИИ ПО НАЛАЖИВАНИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ КАБИНЕТОВ М. СИНГХА И Н. МОДИ

Кристина Александровна Ананьина

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> <i>Принята к печати:</i></p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются подходы двух кабинетов – бывшего премьер-министра Индии М. Сингха и нынешнего главы индийского правительства Н. Моды – к развитию внешнеэкономических связей в области атомной энергетики. Компаративный анализ позволяет сделать вывод, что курс Н. Моды не противоречит приоритетным направлениям развития индийской ядерной энергетики, разработанным в годы правления оппозиционного Объединенного прогрессивного альянса во главе с М. Сингхом, а именно – налаживанию внешнеэкономических связей с крупнейшими поставщиками природного урана и реакторных технологий наряду с созданием условий для выхода индийского бизнеса на мировой ядерно-энергетический рынок в качестве поставщика реакторов малой и средней мощности, ядерных материалов и сырья, а также услуг по проектированию, возведению и эксплуатации атомных электростанций.</p>
<p>Об авторе: аспирантка, Кафедра востоковедения, МГИМО МИД России e-mail: ananina.k.a@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Индия, ядерная энергетика, уран, М. Сингх, Н. Моды, Объединенный прогрессивный альянс, Национальный демократический альянс, «Соглашение 123», МАГАТЭ, ДНЯО, ГЯП, международные режимы экспортного контроля</p>	

Политика Индии по развитию внешнеэкономических связей в области ядерной энергетики после подписания в 2008 г. индийско-американского стратегического соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях подчинена задаче обеспечения наиболее благоприятных внешних условий для модернизации экономики страны. Она направлена на диверсификацию поставщиков как уранового сырья, так и реакторных технологий. Одновременно Индия стремится сотрудничать с компаниями-лидерами, обладающими наиболее современными ядерными материалами (Россия, Франция, США) либо

высококачественным природным ураном и его концентратами (Россия, Казахстан, Франция, Австралия, Канада, Намибия).

Подход кабинета М. Сингха

Подход ушедшего в отставку правительства М. Сингха по налаживанию внешнеэкономических связей со странами-членами Группы ядерных поставщиков (ГЯП) был направлен на достижение трех основных целей – удовлетворить потребность индийской атомной энергетики в урановом сырье, получить доступ к современным реакторным технологиям и занять место поставщика ре-

акторов малой и средней мощности на мировом ядерно-энергетическом рынке¹.

Доступность уранового сырья играет критически важную роль для ядерной энергетики любой страны, поскольку уран – основное топливо для всех типов реакторов. Собственные запасы урана у Индии незначительны. Данные об их объеме разнятся, поскольку министерство атомной энергетики не публикует официальную статистику. По сведениям Международной ассоциации атомной энергетики, в 2011 г. разведанные запасы урана составили 102,6 т, предполагаемые – 37,2 т, на июль 2015 г. совокупный объем запасов был равен 191,6 т². Объемы добычи урана в Индии также невелики. В 2015 г. они составили 385 т (12 место в мире), что значительно превышает показатель 2008 г., равный 271 т, но, тем не менее, не позволяет Индии полностью удовлетворить свои потребности в урановом сырье³. Особенность индийского урана состоит в том, что он представляет собой низкокачественную руду, которую нужно подвергнуть предварительной переработке, прежде чем загружать в реактор⁴.

Незначительность запасов и их низкое качество определяют высокую конечную стоимость индийского урана (в четыре-пять раз дороже импортного), а также рост зависимости Индии от внешних поставок уранового концентрата, которые в 2013 г. покрывали 40% потребностей отрасли⁵. В этой

связи в качестве приоритетных задач кабинет М. Сингха выдвигал, с одной стороны, диверсификацию поставщиков урана и приобретение долей в уранодобывающих предприятиях за рубежом, а с другой стороны, увеличение добычи внутри страны за счет разведки новых урановых месторождений и наращивания объемов эксплуатации старых⁶. В 2005–2006 гг. правительство анонсировало планы по инвестированию 700 млн долларов США⁷ в разведку месторождений в штатах Джаркханд (Бандухуранг, Багджата и Мохулдин), Телингана (Ламбапур-Педдагатту) и Мегхалая (Домиасиат-Мавтхабах)⁸. В итоге, благодаря увеличению объемов добычи и импорта Индии удалось нарастить средний коэффициент использования установленных мощностей (КИУМ) АЭС с 50–60% до 70–80% в период с 2008 г. до 2014 г.⁹

В соответствии с реализуемой индийским руководством трехстадийной программой по развитию ядерной энергетики зависимость от урана в будущем должна снизиться за счет перехода на торий, запасы которого в Индии составляют 13% мировых (319 т)¹⁰. Однако перспектива широкомасштабного применения ториевого топливного цикла пока очень туманна, поэтому импортные поставки урана будут оказывать

¹ Mishra, S. India's Civil Nuclear Network: A Reality Check // *Air Power Journal*, Vol. 5, No. 4, Winter 2010 (October-December), pp. 112-113. Mode of access: https://www.academia.edu/534757/Indias_Civil_Nuclear_Network_A_Reality_Check

² Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

³ World Uranium Mining Production / World Nuclear Association, April 2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

⁴ Mishra, S. India's Civil Nuclear Network: A Reality Check / *Air Power Journal*, Vol. 5, No. 4, Winter 2010 (October-December), p. 107. Mode of access: https://www.academia.edu/534757/Indias_Civil_Nuclear_Network_A_Reality_Check

⁵ Nuclear Power in India / World Nuclear

Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

⁶ Manmohan Calls for Building Energy Security // *The Hindu*, 07.08.2005. Mode of access: <http://www.thehindu.com/2005/08/07/stories/2005080704920800.htm>

⁷ Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

⁸ Крупнейшие месторождения урана сосредоточены также в штатах Карнатака и Андхра Прадеш.

⁹ Шульга И. Ядерная реинкарнация // *Атомный эксперт*, 30.03.2015. Режим доступа: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya> [Shulga, I. Jadernaja reinkarnacija (Nuclear Reincarnation) // *Atomnyj jekspert*, 30.03.2015. Mode of access: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya>]

¹⁰ Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

определяющее воздействие на развитие отрасли. Подтверждением этому тезису служит инициатива правительства Н. Модии о создании стратегических резервов урана объемом 5000–15000 Мт, которых должно хватить на 5–10 лет¹¹. Инициатива запущена в рамках реализации зафиксированного в «Соглашении 123» положения об обязательстве Соединенных Штатов обеспечить Индию гарантированными поставками уранового топлива в случае их непредвиденного срыва.

Сотрудничество Индии с международными поставщиками реакторных технологий и уранового сырья после ратификации в 2008 г. индийско-американского соглашения о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях можно разделить на два периода – до и после вступления в силу закона о гражданской ответственности за ядерный ущерб 2010 г. До 2010 г. правительство Объединенного прогрессивного альянса (ОПА), возглавляемое премьер-министром М. Сингхом, проводило активный курс по налаживанию взаимодействия со странами-членами ГЯП, в частности, были подписаны соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики с Францией (2008 г.), Намибией (2009 г.), Монголией (2009 г.), Россией (2010 г.), Канадой (2010 г.) и Аргентиной (2010 г.)¹². Индия также подтвердила свою приверженность ранее заключенным договорам с Чехией (1967 г.)¹³ и Вьетнамом (1986 г.)¹⁴. Закон о гражданской ответственности за ядерный ущерб охладил пыл потенциальных иностранных партнеров. Тем не менее, в 2011 г. кабинету М. Сингха удалось заключить еще

два соглашения о сотрудничестве в области ядерной энергетики с Казахстаном и Республикой Корея на основе подписанных еще в 2009 г. меморандумов о взаимопонимании¹⁵.

Производимые в Индии тяжеловодные реакторы средней мощности (PHWR-700) неспособны покрыть растущие потребности страны в энергии, поэтому посредством развития связей с зарубежными поставщиками атомной продукции Индия ищет возможности трансферта иностранных технологий по производству реакторов большой мощности. Поставщиками по локализации готовы выступить ведущие индийские машиностроительные компании, как «Larsen&Tourbo» (L&T), «Bharat Heavy Electricals» (BHEL), «Bharat Forge Ltd.», «Alstom», «Hindustan Construction Co.» (HCC). Некоторые из них освоили ряд сложных технологий по производству труб парогенераторов, поковок для них и реакторных корпусов¹⁶. Корпорации способны выполнять весь спектр работ – от поставки оборудования до сдачи энергетического объекта «под ключ»¹⁷.

Компания «L&T» входит в число лидеров энергетического машиностроения Индии. Она выпускает парогенераторы, приводы систем управления, корпуса и клапаны под давлением¹⁸. Участвует в строительстве прототипа реактора на быстрых нейтронах (PFBR-500)¹⁹. В 2009 г. «L&T» подписала три соглашения с зарубежными поставщиками: одно – с американской компанией «Westinghouse» о производстве комплектую-

¹¹ India to Build a 'Strategic Uranium Reserve' // *The Indian Express*, 19.07.2015. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/india/india-others/india-to-build-a-strategic-uranium-reserve/>

¹² Important Agreements / Government of India. Department of Atomic Energy. Mode of access: <http://dae.nic.in/?q=node/75>

¹³ List of Governmental Agreements / State Office for Nuclear Safety. SUJB. Mode of access: <http://www.sujb.cz/en/international-cooperation/governmental-agreements/>

¹⁴ Important Agreements / Government of India. Department of Atomic Energy. Mode of access: <http://dae.nic.in/?q=node/75>

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Шульга И. Ядерная реинкарнация // Атомный эксперт, 30.03.2015. Режим доступа: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya> [Shulga, I. Jadernaja reinkarnacija (Nuclear Reincarnation) // *Atomnyj jekspert*, 30.03.2015. Mode of access: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya>]

¹⁷ Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

¹⁸ Larsen&Tourbo / Российское атомное сообщество. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/Larsen-Toubro> [Larsen&Tourbo / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/Larsen-Toubro>]

¹⁹ Ibid.

щих для двухконтурного водяного реактора мощностью 1000 МВт (AP-1000), другое – с канадской государственной корпорацией «Atomic Energy of Canada» (AECL) о разработке стоимостной модели для усовершенствованного тяжеловодного реактора типа «CANDU» мощностью 1000 МВт (ACR-1000), третье – с американской корпорацией «General Electric Hitachi» о предоставлении услуг по управлению строительством кипящих ядерных реакторов третьего поколения (ABWR)²⁰. В 2010 г. «L&T» подписала меморандум о взаимопонимании с британским предприятием «Rolls Royce» по выполнению инженерно-проектных работ (в том числе по системам контроля и управления), производству комплектующих для легководных реакторов (LWR) и утилизации радиоактивных отходов.

В январе 2009 г. специализирующаяся на производстве заготовок и поковок для АЭС «Bharat Forge Ltd» заключила контракт с французской государственной компанией «Areva» о производстве реакторных комплектующих как для индийского рынка, так и для экспорта за рубеж. Ожидается, что к проекту присоединится «BHEL» совместно со своим техническим партнером «Sheffield Forgemasters», британским гигантом в области тяжелого машиностроения²¹. Корпорация «BHEL» является крупнейшим производителем энергооборудования в Индии (более 180 наименований), ее доля в этом секторе составляет 70%²².

В августе «General Electric Hitachi» достигла предварительного соглашения с индийской инжиниринговой консалтинговой компанией «Tata Consulting Engineers Ltd» по разработке потенциальных проектных решений и изучению системы подготовки кадров для возведения и эксплуатации планируемых к постройке в Индии шести экономически упрощенных кипящих водо-водяных

реакторов (ESBWR) мощностью 1350 МВт каждый²³. «Tata Consulting Engineers Ltd» специализируется на проектировании инженерных объектов, среди которых электростанции общей установленной мощностью более 41000 МВт. Компания также реализовала проекты, финансируемые Всемирным Банком, Азиатским банком развития и Программой развития ООН²⁴.

В сентябре совместное предприятие по предоставлению консультационных услуг в области разработки проектов сооружения АЭС создали «Hindustan Construction Co» (HCC) и британская фирма «AMEC PLC»²⁵. «HCC» обладает богатым опытом строительства реакторов. Компания участвовала в возведении половины всех ядерных мощностей Индии, включая 6 блоков АЭС «Раджастхан» и АЭС «Куданкулам»²⁶. «AMEC» специализируется на техническом проектировании и управлении многоотраслевыми энергетическими проектами²⁷.

Третья ключевая задача, обозначенная кабинетом М. Сингха по развитию внешнеэкономических связей в области ядерной энергетики, была нацелена на расширение индийского экономического присутствия в странах с энергосистемами небольшой

²⁰ Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx> (last visited: 21.04.2016).

²¹ Ibid.

²² Bharat Heavy Electrical Limited. Mode of Access: <http://www.bhel.com/about.php>

²³ Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

²⁴ Tata Consulting Engineers Limited (TCE) / Российское атомное сообщество. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/tata-consulting-engineers-limited-tce> [Tata Consulting Engineers Limited (TCE) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/tata-consulting-engineers-limited-tce>]

²⁵ Engineering Giants Gear to Set up Nuclear Projects // *Business Standard*, 31.08.2010. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/companies/engineering-giants-gear-to-set-up-nuclear-projects-110083100003_1.html

²⁶ Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

²⁷ Engineering giants gear to set up nuclear projects // *Business Standard*, 31.08.2010. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/companies/engineering-giants-gear-to-set-up-nuclear-projects-110083100003_1.html

мощности. Индия могла бы стать поставщиком самых дешевых в мире реакторов²⁸. Государственная компания «NPCIL» накопила богатый опыт проектирования, сооружения и обслуживания тяжеловодных реакторов малой и средней мощности (PHWR-220 и PHWR-540), которые на протяжении многих лет демонстрировали высокую степень надежности и производительности. Из-за относительно низкой стоимости (1317–1416 долларов США за кВт для блоков PHWR на старых площадках, 2350–2400 долларов США за кВт – на новых площадка²⁹) они могли бы заинтересовать, например, небогатые государства Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Частные индийские компании (например, «Larsen&Tourbo», «BHEL», «BFL» и «Alstom») также проявляют интерес к экспорту комплектующих для реакторов (например, отдельных узлов) и программного обеспечения для управления АЭС, однако без первого шага со стороны государства в лице корпорации «NPCIL» действовать им тяжело в силу проблем совместимости их оборудования с продукцией других поставщиков реакторов³⁰.

В сентябре 2010 г. председатель Комиссии по атомной энергетике Индии С. Банерджи, выступая на 54-й Генеральной конференции МАГАТЭ, заявил, что «NPCIL» намерена приступить к экспорту тяжеловодных реакторов малой и средней мощности (PHWR-220 и PHWR-540), а также необходимого для их функционирования сырья – обогащенного урана, тяжелой воды и цир-

кониевых сплавов³¹. Помимо реакторных технологий, индийские компании могут конкурировать на мировом рынке и как поставщики специальных сталей, крупногабаритных поковок, контрольно-управленческих систем, программного обеспечения и услуг по эксплуатации АЭС³².

Индия производит конкурентоспособную продукцию и в смежных с ядерно-энергетической областях: медицине, сельском хозяйстве, опреснении и очистке воды. Технологии в сфере ядерной медицины используются для диагностики и лечения онкологических заболеваний, стерилизации медицинского оборудования, разработки лазеров, применяемых в хирургическом лечении³³. Мемориальный центр Таты в Мумбаи является подведомственным министерству ядерной энергетики Индии учреждением, специализирующемся на лечении различных видов злокачественных опухолей. В сельском хозяйстве ядерные технологии применяются для повышения урожайности культур посредством изменения свойств семян на генетическом уровне и применении ионизирующей радиации для повышения срока хранения продуктов. В 2007 г. в штате Махараштра был открыт завод по демонстрационному применению малых доз радиации «Крушак», который занимается фитосанитарной обработкой манго, экспортируемых в США³⁴. Ядерные технологии по опреснению и очистке воды широко применяются в засушливых регионах Индии. В Калпаккаме в штате Тамилнаду на АЭС «Мадрас» действует установка мощностью 6,3 л в день для опреснения морской воды с использованием ядерной энергии³⁵.

Таким образом, разработанная правительством М. Сингха программа по налажи-

²⁸ Mishra, S. India's Civil Nuclear Network: A Reality Check // *Air Power Journal*, 2010, Vol. 5, No. 4, p. 116. Mode of access: https://www.academia.edu/534757/Indias_Civil_Nuclear_Network_A_Reality_Check

²⁹ Шульга И. Ядерная реинкарнация // Атомный эксперт, 03.03.2015. Режим доступа: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya> [Shulga, I. Jadernaja reinkarnacija (Nuclear Reincarnation) // *Atomnyj jekspert*, 30.03.2015. Mode of access: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya>]

³⁰ Mishra, S. India's Civil Nuclear Network: A Reality Check // *Air Power Journal*, 2010, Vol. 5, No. 4, p. 116. Mode of access: https://www.academia.edu/534757/Indias_Civil_Nuclear_Network_A_Reality_Check

³¹ Time for India to Export Nuclear Power Reactors and Peaceful Nuclear Technologies / IDSA, 20.01.2011. Mode of Access: http://www.idsa.in/idsacomments/TimeforIndiatoExportNuclearPowerReactorsandPeacefulNuclearTechnologies_120111

³² Ibid.

³³ Splitting Atoms for the Progress and Prosperity of the Nation / Government of India. Department of Atomic Energy. P. 9.

³⁴ Ibid. P 12.

³⁵ Hybrid Desalination Plant at Kalpakkam // *The Hindu*, 06.12.2012. Mode of access: <http://www.thehindu.com/sci-tech/science/hybrid-desalination-plant-at-kalpakkam/article4167670.ece>

ванию внешнеэкономических связей с поставщиками ядерного топлива и технологий, носила долгосрочный и многовекторный характер. Она основывалась на учете трех критериев при выборе торгового партнера: объем запасов урана у потенциального поставщика; тип ядерных технологий, которыми он владеет и готов делиться; уровень и характер отношений с Индией в политической и экономической областях. Одновременно кабинет М. Сингха прорабатывал проекты выхода Индии на международный ядерно-энергетический рынок в качестве продавца недорогих реакторных технологий и радиоизотопов для коммерческого использования в медицине, сельском хозяйстве и гидрологии.

Подход кабинета Н. Моди

Пришедшее к власти в 2014 г. правительство Национального демократического альянса (НДА) Н. Моди продолжило курс кабинета М. Сингха, несмотря на то, что ранее Бхаратия джаната парти (БДП) и ее партнеры по коалиции находились в оппозиции, критикуя индийско-американское соглашение 2008 г. и лоббируя в 2010 г. принятие закона о гражданской ответственности за ядерный ущерб. Завоевав большинство в парламенте (282 места из 543), БДП обрела свободу действий по претворению в жизнь выгодных ей внутри- и внешнеполитических инициатив. Тем не менее, два года правления кабинета Н. Моди продемонстрировали, что подход нового премьер-министра в области ядерной энергетики радикальным образом не отличается от курса его предшественника. Наоборот, он направлен на решение наболевших вопросов, которые не удалось довести до завершения кабинету М. Сингха.

Сохраняя приверженность планам будущего правительства расширить мощности атомных электростанций до 13,5 ГВт к 2022 г.³⁶ и до 63 ГВт к 2032 г.³⁷, кабинет

Н. Моди продолжил активно налаживать внешнеэкономические связи с крупнейшими поставщиками урана и реакторных технологий. В августе 2014 г. «Uranium Corporation of India Ltd» (UCIL, «Урановая корпорация Индии») подписала контракт с узбекской государственной компанией «Навоийский горно-металлургический комбинат» о поставках 2000 тонн уранового концентрата до 2018 г.³⁸ В начале сентября 2014 г. заключено соглашение о сотрудничестве в сфере использования атомной энергии в мирных целях с Австралией³⁹, глобальным лидером по запасам природного урана (29% всех мировых запасов или 1706100 т по состоянию на 2013 г.⁴⁰).

Перспективы двустороннего сотрудничества в области ядерной энергетики обсуждались и во время сентябрьского визита премьер-министра Н. Моди в Китай⁴¹. В декабре в ходе ежегодного российско-индийского саммита достигнута договоренность с государственной корпорацией «Росатом» о сооружении в Индии серии энергоблоков по российским проектам в течение 20 лет и поставках оборудования для второй очереди АЭС «Куданкулам»⁴². В ноябре 2015 г. согла-

³⁸ India Widens N-Fuel Base, Signs Up Uzbek Firm For Uranium Supplies // *The Indian Express*, 27.08.2014. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/business/business-others/india-widens-n-fuel-base-signs-up-uzbek-firm-for-uranium-supplies/>

³⁹ India, Australia Seal Civil Nuclear Deal // *The Hindu*, 06.09.2014. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/nuclear-deal-will-finally-allow-australian-uranium-to-india-tony-abbott/article6383173.ece>

⁴⁰ World Uranium Mining Production / World Nuclear Association, April 2016. Mode of Access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

⁴¹ Modi in China: The Nuclear Dimension // *The Indian Express*, 14.05.2015. Mode of Access: <http://indianexpress.com/article/blogs/modi-in-china-the-nuclear-dimension/>

⁴² Россия и Индия договорились о строительстве 12 энергоблоков АЭС // *Лента.ru*, 11.12.2014. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2014/12/11/india/> [Rossija i Indija dogovorilis' o stroitel'stve 12 jenergloblokov AES (Russia and India Agreed on Constructing 12 Nuclear Reactors) // *Lenta.ru*, 11.12.2014. Mode of access: <https://lenta.ru/news/2014/12/11/india/>]

³⁶ Nuclear Power Share in Electricity Generation / Parliamentary Questions and Answers. Lok Sabha Budget Session, 02.03.2016. P. 1. Mode of access: <http://dae.nic.in/writereaddata/parl/budget2016/lsus1078.pdf>

³⁷ Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

шение о сотрудничестве в сфере использования атомной энергии в мирных целях было заключено с Великобританией⁴³, а в декабре подписан меморандум о взаимопонимании в области ядерной энергетики с Японией⁴⁴.

Однако наиболее значимыми достижениями кабинета Н. Модии можно считать ратификацию Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ 2009 г. и Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г.

25 июля 2014 г. вступил в силу Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ от 15 мая 2009 г.⁴⁵ Изначально Соглашение о гарантиях между правительством Индии и МАГАТЭ было заключено с целью лоббирования для Индии изъятия из Руководящих принципов ГЯП, которое позволило бы ей выйти на мировой рынок ядерно-энергетической продукции. Особенность договора с Индией состояла в его отличии от типового соглашения о гарантиях 1997 г. касательно доступа к информации, которую Индия была готова предоставить международным инспекторам⁴⁶. Индия согласилась информировать Агентство только о своем ядерно-энергетическом экспорте, отказавшись от предоставления сведений об импорте, объемах добычи и запасов урана, а также проводимых в области ядерного топливного цикла исследованиях⁴⁷. Не предусматривался и доступ инспекторов на незавершенные ядерные установки⁴⁸.

Ратификация Индией Дополнительного протокола к Соглашению о гаранти-

ях МАГАТЭ от 15 мая 2009 г. нацелена на разделение гражданской и военной составляющих индийской ядерной программы⁴⁹. Дополнительный протокол регламентирует правила приема и работы международных инспекций, а также накладывает на страну обязательства по экспортному контролю за ядерными материалами и технологиями, чтобы предотвратить их нецелевое использование. Предусматривается выдача многократных виз сотрудникам МАГАТЭ для инспектирования поставленных под контроль организации 20 объектов гражданской ядерной программы Индии⁵⁰. В их число входит восемь предприятий Комплекса по производству ядерного топлива в Хайдерабаде и хранилища отработавшего ядерного топлива в Тарапуре, а также атомные реакторы, установленные на АЭС «Раджастанхан», АЭС «Куданкулам», АЭС «Какрапар» и АЭС «Тарапур»⁵¹. Инспекторам предоставляются гарантии беспрепятственного взаимодействия с помощью контрольно-измерительной аппаратуры и приборов наблюдения, уже установленных на всех ядерных объектах гражданского назначения⁵².

Ратификация Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ от 15 мая 2009 г., по замыслу кабинета Н. Модии, должна укрепить доверие к Индии со стороны Соединенных Штатов и мирового сообщества как к ответственному государству, которое привержено использованию ядерных технологий в мирных целях и выполнению взятых на себя международных обязательств, прежде всего, индийско-американского соглашения 2008 г. о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях⁵³. Несмотря на безукоризненную репу-

⁴³ Important Agreements / Government of India. Department of Atomic Energy. Mode of access: <http://dae.nic.in/?q=node/75>

⁴⁴ India, Japan Sign MoU on Peaceful Use of Nuclear Energy // *The Times of India*, 12.12.2015. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/India-Japan-sign-MoU-on-peaceful-use-of-nuclear-energy/articleshow/50149098.cms>

⁴⁵ Dixit, A. India's Additional Protocol Enters into Force / IAEA, 25.07.2014. Mode of access: <https://www.iaea.org/newscenter/news/indias-additional-protocol-enters-force>

⁴⁶ Crail, P. IAEA Approves India Additional Protocol / Arms Control Association, 31.03.2009. Mode of access: https://www.armscontrol.org/act/2009_04/IndiaProtocol

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ IAEA to Get More Access to India's Nuclear Programme // *The Times of India*, 23.06.2014. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/IAEA-to-get-more-access-to-Indias-nuclear-programme/articleshow/37090811.cms>

⁵⁰ India More Open to N-Inspections // *The Hindu*, 23.06.2014. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/india-more-open-to-ninspections/article6139494.ece>

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Nuclear Deal: India to Ratify Additional Protocol to Indian Specific Safeguard Agreement // *The*

тацию в области ядерного нераспространения Индии пока не удалось зарекомендовать себя с положительной стороны в вопросе обеспечения безопасности ядерных материалов⁵⁴. Согласно индексу безопасности 2014 г. в рамках Инициативы по сокращению ядерной угрозы, Индия занимает третье место с конца после КНДР и Ирана (41 пункт из 100), уступая даже Пакистану (46 пунктов из 100)⁵⁵. Главная причина столь низкой позиции – директивный, а не юридически обязательный характер норм, регулирующих ядерную энергетику⁵⁶.

Примечательно, что Дополнительный протокол был ратифицирован парламентом Индии спустя месяц после вступления в должность нового премьер-министра страны Н. Моды (26 мая 2014 г.) и накануне заседания ГЯП в Буэнос-Айресе (26–27 июня 2014 г.), что продемонстрировало стремление нового кабинета продолжать реализуемый прежним правительством курс на вступление в ГЯП наряду с обретением членства во всех ключевых экспортно-контрольных режимах (ЭКР) – Режиме контроля за ракетной технологией (РКРТ)⁵⁷, Вассенаарских договоренностях и Австралийской группе. Пока официальной заявки на вступление в ГЯП Индия не направляла. Главные составляющие этой задачи – максимально широкая мобилизация поддержки среди влиятельных участников ЭКР, поиск приемлемой юриди-

ческой формулировки, которая позволит Индии, находящейся за рамками Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), рассчитывать на положительное рассмотрение заявки о членстве в группе⁵⁸.

Вторая цель, которую преследовал кабинет Н. Моды, состояла в том, чтобы продемонстрировать серьезное намерение правительства НДА продвигаться по пути реализации подписанных ранее с зарубежными партнерами соглашений по поставкам природного урана и различной ядерно-энергетической продукции, в том числе в рамках проектов по локализации⁵⁹. Для претворения в жизнь межгосударственных соглашений и корпоративных контрактов руководству Индии требовалось поставить под международный контроль те объекты своей ядерной программы, где предполагалось использовать импортируемую продукцию и урановое сырье в гражданских целях⁶⁰. Как уже отмечалось выше, в перечень таких объектов вошли 8 предприятий ядерного топливного цикла и 12 реакторов на четырех АЭС. Список объектов будет дополняться по мере заключения новых внешнеэкономических соглашений и сооружения дополнительных энергоблоков⁶¹. Например, под гарантии МАГАТЭ планируется поставить два блока АЭС «Нарора»⁶². Постановка

Indian Express, 23.06.2014. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/india/india-others/india-to-grant-greater-ease-to-iaea-to-monitor-its-civilian-nuclear-programme/>

⁵⁴ Panda, A. India to Open Nuclear Program to Greater IAEA Scrutiny // *The Diplomat*, 24.06.2015. Mode of Access: <http://thediplomat.com/2014/06/india-to-open-nuclear-program-to-greater-iaea-scrutiny/>

⁵⁵ Panda, A. India Ranked Below China, Pakistan for Nuclear Security // *The Diplomat*, 11.01.2014. Mode of Access: <http://thediplomat.com/2014/01/india-ranked-below-china-pakistan-for-nuclear-security/>

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Присоединение к РКРТ – безусловный приоритет Нью-Дели. 4 июля 2015 г. подана официальная заявка на членство, однако в ходе очередного пленарного заседания в Роттердаме (5–9 октября 2015 г.) решение по Индии было заблокировано Италией.

⁵⁸ Iqbal, A. India to Seek Obama's Support to Join Nuclear Club // *The Dawn*, 03.01.2015. Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1154769>

⁵⁹ Panda, A. India to Open Nuclear Program to Greater IAEA Scrutiny // *The Diplomat*, 24.06.2015. Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/06/india-to-open-nuclear-program-to-greater-iaea-scrutiny/>

⁶⁰ Шульга И. Ядерная реинкарнация // Атомный эксперт, 03.03.2015. Режим доступа: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya> [Shulga, I. Jadernaja reinkarnaciya (Nuclear Reincarnation) // *Atomnyj jekspert*, 30.03.2015. Mode of access: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya>]

⁶¹ Ibid.

⁶² Число ядерных объектов под гарантиями МАГАТЭ в Индии возрастет до 22 / Российское атомное сообщество, 30.12.2014. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2014/12/30/54132> [Число ядерных объектов под гарантиями МАГАТЭ в Индии возрастет до 22 (India to Put 22 Nuclear Facilities Under IAEA Safeguards) / *Rossijskoe atomnoe soobshhestvo*,

под международный контроль гражданской ядерной инфраструктуры позволило Индии создать в июне 2015 г. один из важнейших механизмов регулирования гражданско-правовой ответственности за ядерный ущерб в случае возникновения техногенной аварии на любом из энергоблоков, находящихся под гарантиями МАГАТЭ, – Ядерный страховой пул, участниками которого стали индийский и зарубежные страховые компании⁶³.

Поскольку ратификация Дополнительного протокола предусматривает установление контроля за экспортом индийской ядерно-энергетической продукции, Индия может приступить к практическому воплощению планов по выходу на рынки развивающихся стран с энергосистемами малой мощности в качестве поставщика реакторных технологий, ядерных материалов и сырья, обогащенного уранового топлива и услуг по проектированию, сооружению и эксплуатации атомных энергоблоков.

Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. В 2014 г. достигнута предварительная договоренность с Вьетнамом о сооружении индийских реакторов малой мощности (PHWR-220)⁶⁴. В ходе визита новоизбранного президента Шри-Ланки М. Сирисены в Индию в феврале 2015 г. было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере использования атомной энергии в мирных целях.⁶⁵ Соглашение

предусматривает обмен опытом по утилизации радиоактивных отходов, ликвидации последствий аварий на АЭС и коммерческому использованию ядерных изотопов⁶⁶. Во время переговоров не исключалась и возможность оказания Индией в будущем содействия Шри-Ланке по возведению АЭС⁶⁷.

Таким образом, ратификация Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ от 15 мая 2009 г., с одной стороны, позволила Индии зарекомендовать себя как ответственную ядерную державу, приверженную выполнению взятых на себя международных обязательств, развитию своей ядерной программы в мирных целях и присоединению к ключевым экспортно-контрольным режимам, в том числе ГЯП. С другой стороны, Индия получила возможность приступить к выполнению договоренностей, ранее достигнутых с зарубежными партнерами. Практическим шагом к ее реализации стало создание летом 2015 г. Ядерного страхового пула с участием иностранных компаний.

Постановка части ядерно-энергетической инфраструктуры Индии под контроль МАГАТЭ позволяет иностранным поставщикам быть уверенными в том, что импортируемые Индией ядерные материалы и сырье не используются для нужд военной ядерной программы. Одновременно открытие индийского рынка создает конкуренцию между поставщиками, позволяющую руководству страны согласовывать наиболее выгодные для себя условия контрактов. Наконец, обязательства, накладываемые Дополнительным протоколом по экспортному контролю, разрешают Индии приступить к выходу на международный ядерно-энергетический рынок в качестве продавца реакторных технологий малой и средней мощности и сопутствующих услуг.

Вторым достижением кабинета Н. Модии стала ратификация индийским парламентом

30.12.2014. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2014/12/30/54132>

⁶³ Индия: Страхование ядерного ущерба потребует привлечения средств из-за рубежа / СКЦ Росатома, 15.12.2011. Режим доступа: <http://www.sk.ru/press/news/item/4177409/> [Indija: Strahovanie jadernogo usherba potrebuje privlechenija sredstv iz-za rubezha (India: Insurance Against Liability for Nuclear Damage Will Require Foreign Investment) / SKC Rosatoma, 15.12.2011. Mode of access: <http://www.sk.ru/press/news/item/4177409/>]

⁶⁴ India Ignores China's Frown, Offers Defence Boost to Vietnam // *The Times of India*, 29.10.2014. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/India-ignores-Chinas-frown-offers-defence-boost-to-Vietnam/articleshow/44965272.cms>

⁶⁵ Sri Lanka President Signs Nuclear Deal with India PM // *Al Jazeera*, 16.02.2015. Mode of access: [http://www.aljazeera.com/news/asia/2015/02/sri-](http://www.aljazeera.com/news/asia/2015/02/sri-lanka-president-signs-nuclear-deal-indian-pm-150216125615071.html)

[lanka-president-signs-nuclear-deal-indian-pm-150216125615071.html](http://www.aljazeera.com/news/asia/2015/02/sri-lanka-president-signs-nuclear-deal-indian-pm-150216125615071.html)

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Pre-Emptying China, India Inks Nuclear Pact with Sri Lanka // *The Hindu*, 17.02.2015. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/preempting-china-india-inks-nuclear-pact-with-sri-lanka/article6902874.ece>

4 февраля 2016 г. Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г.⁶⁸ Конвенция вступила в силу в апреле 2015 г. после присоединения к ней Японии⁶⁹. Причиной тому является статья 20, которая устанавливает, что только в случае присоединения к Конвенции не менее пяти государств, суммарная мощность установленных ядерных энергоблоков которых будет составлять не менее 400 ГВт, документ может вступить в силу⁷⁰. Индия подписала Конвенцию в октябре 2010 г.⁷¹ Кроме нее и Японии, подписантами документа являются Аргентина, Марокко, ОЭА, Румыния и США⁷².

⁶⁸ Индия ратифицирует конвенцию о дополнительном возмещении за ядерный ущерб // Российское атомное сообщество, 08.02.2016. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2016/02/08/63166> [Indija ratificiruet konvenciju o dopolnitel'nom vozmeshhenii za jadernyj ushherb (India to Ratify Convention on Supplementary Compensation for Nuclear Damage) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo, 08.02.2016. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2016/02/08/63166>]

⁶⁹ Вступила в силу конвенция о дополнительной компенсации за ядерный ущерб / Российское атомное сообщество, 20.04.2015. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/04/20/56357> [Vstupila v silu konvencija o dopolnitel'noj kompensacii za jadernyj ushherb (Convention on Supplementary Damage for Nuclear Damage Comes into Force) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo, 20.04.2015. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/04/20/56357>]

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Индия подписала конвенцию о дополнительном возмещении за ядерный ущерб / Центр новостей ООН, 27.10.2010. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=14483#.VzAs9uTVH6M> [Indija podpisala konvenciju o dopolnitel'nom vozmeshhenii za jadernyj ushherb (India Signs Convention on Supplementary Damage for Nuclear Damage) / Centr novostej OON (UN News Centre), 27.10.2010. Mode of access: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=14483#.VzAs9uTVH6M>]

⁷² Вступила в силу конвенция о дополнительной компенсации за ядерный ущерб / Российское атомное сообщество, 20.04.2015. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/04/20/56357> [Vstupila v silu konvencija o dopolnitel'noj kompensacii za jadernyj ushherb (Convention on Supplementary Damage for Nuclear Damage Comes into Force) /

Примечательно, что присоединиться к Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г. могут только государства-участники Венской конвенции 1963 г. о гражданской ответственности за ядерный ущерб либо Парижской конвенции 1960 г. об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии. Изъятие для стран, не являющихся подписантами данных международных договоров, действует только в случае совместимости их национального законодательства с положениями Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г. и Протоколом 1997 г., вносящим поправки в Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб. Не являясь участником Венской и Парижской конвенций, Индия воспользовалась существующим изъятием ввиду принятого индийским парламентом 10 августа 2010 г. Закона о гражданской ответственности за ядерный ущерб и уже в октябре 2010 г. подписала Конвенцию о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г. на основе соответствия принятого парламентом закона Протоколу 1997 г.⁷³

В Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г. определяется единый правовой механизм выплат компенсаций жертвам ядерных аварий⁷⁴. Размер

Rossijskoe atomnoe soobshhestvo, 20.04.2015. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/04/20/56357>]

⁷³ Frequently Asked Questions and Answers on Civil Liability for Nuclear Damage Act 2010 and Released Issues / Ministry of External Affairs, 08.02.2015. Mode of access: http://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/24766/Frequently_Asked_Questions_and_Answers_on_Civil_Liability_for_Nuclear_Damage_Act_2010_and_related_issues

⁷⁴ Индия подписала конвенцию о дополнительном возмещении за ядерный ущерб / Центр новостей ООН, 27.10.2010. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=14483#.VzAs9uTVH6M> [Indija podpisala konvenciju o dopolnitel'nom vozmeshhenii za jadernyj ushherb (India Signs Convention on Supplementary Damage for Nuclear Damage) / Centr novostej OON (UN News Centre), 27.10.2010. Mode of access: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=14483#.VzAs9uTVH6M>]

компенсаций может быть увеличен за счет взносов государств-участников Конвенции. Сумма каждого взноса рассчитывается на основе установленных в стране-подписанте мощностей атомных электростанций, плюс оценочной шкалы ООН⁷⁵. Ратификация Конвенции вносит больше определенности в решение проблемы, связанной с неограниченной гражданской ответственностью за ядерный ущерб поставщиков реакторных технологий, но, тем не менее, пока не позволяет говорить о выработке универсального подхода.

Теоретически за счет взносов подписантов Конвенции может быть возмещена оставшаяся часть выплат пострадавшим, превышающая 300 млн СДР (26,1 млрд индийских рупий или 392 млн долларов США) – максимально возможного размера компенсации за ущерб, причиненный в результате аварии на АЭС, в соответствии со ст. 6 (1) Закона о гражданской ответственности за ядерный ущерб 2010 г.⁷⁶ Из 26,1 млрд индийских рупий – 11,1 млрд индийских рупий будет восполнен центральным правительством, а 15 млрд индийских рупий – оператором ядерной установки⁷⁷.

В ст. 6 (2) оговаривается максимальная ответственность оператора ядерной установки, составляющая 15 млрд индийских рупий (225 млн долларов США). Для ее покрытия в июне 2015 г. был создан механизм перераспределения рисков – Ядерный страховой пул

Индии (India Nuclear Insurance Pool) размером в 15 млрд индийских рупий, из которых 7,5 млрд индийских рупий (113 млн долларов США) внесла Генеральная страховая компания Индии (General Insurance Corporation of India) и консорциум из 11 страховых компаний, включающий как государственные «Oriental», «New India Assurance», «United India», «National Insurance», так и частные «ICICI Lombard General Insurance», «Tata AIG General», «Reliance General Insurance», «Chola MS General Insurance», включая компании со смешанным индийско-японским участием – «IFFCO Tokio General Insurance» и «SBI General and Universal Sompo General»⁷⁸. Сначала предполагалось, что оставшаяся сумма будет полностью выплачена государством в зависимости от размера нанесенного ущерба. Однако, в итоге, британский ядерный страховой пул («Nuclear Risk Insurer») согласился присоединиться к консорциуму, предоставив 5 млн индийских рупий, а 1 млн индийских рупий добавила одна из частных индийских страховых компаний, название которой не разглашается⁷⁹.

Пул был создан с целью покрытия рисков не только операторов АЭС, но и поставщиков оборудования, к которым может быть переадресована претензия о выплате финансовой компенсации пострадавшим в случае техногенной катастрофы в соответствии со ст. 17 Закона о гражданско-правовой ответственности за ядерный ущерб. Разработаны три схемы страхового покрытия⁸⁰. Первая –

⁷⁵ Индия ратифицирует конвенцию о дополнительном возмещении за ядерный ущерб / Российское атомное сообщество, 08.02.2016. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2016/02/08/63166> [Indija ratificiruet konvenciju o dopolnitel'nom vozmeshhenii za jadernyj ushherb (India to Ratify Convention on Supplementary Compensation for Nuclear Damage) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo, 08.02.2016. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2016/02/08/63166>]

⁷⁶ Frequently Asked Questions and Answers on Civil Liability for Nuclear Damage Act 2010 and Released Issues / Ministry of External Affairs, 08.02.2015. Mode of access: http://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/24766/Frequently_Asked_Questions_and_Answers_on_Civil_Liability_for_Nuclear_Damage_Act_2010_and_related_issues

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ India Nuclear Insurance Pool Launched // *The Business Standard*, 13.06.2015. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/finance/india-nuclear-insurance-pool-launched-115061201250_1.html

⁷⁹ Union Minister Jitendra Singh Announces 1500 Crore Rupees Nuclear Insurance Pool // NDTV, 13.06.2015. Mode of Access: <http://www.ndtv.com/india-news/union-minister-jitendra-singh-announces-rs-1500-crore-nuclear-insurance-pool-771343>

⁸⁰ Frequently Asked Questions and Answers on Civil Liability for Nuclear Damage Act 2010 and Released Issues / Ministry of External Affairs, 08.02.2015. Mode of access: http://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/24766/Frequently_Asked_Questions_and_Answers_on_Civil_Liability_for_Nuclear_Damage_Act_2010_and_related_issues

для операторов. Вторая – для поставщиков оборудования и материалов «под ключ». Третья – для прочих поставщиков. Ставка страхования будет зависеть от котировки риска: вероятности риска, потенциальной тяжести разрушений и подверженности последствиям возможной аварии проживающих рядом с ядерной установкой людей и недвижимого имущества⁸¹. Управление пулом будет осуществлять Генеральная страховая компания (GIC), а государственная страховая компания «New India Assurance» – заниматься выработкой стратегий и схем страхования для операторов и поставщиков⁸².

Создание Ядерного страхового пула Индии, по словам его председателя Сринивасана, окончательно решает проблему неограниченной финансовой ответственности поставщиков дефектного оборудования в случае предъявления им регрессивного иска оператором ядерной установки⁸³. Компаниям, заинтересованным работать на индийском ядерно-энергетическом рынке, считает федеральный министр Джитендра Сингх, могут уже приступить к переговорам по согласованию взаимоприемлемых условий технико-коммерческих контрактов, не противоречащих индийскому законодательству⁸⁴.

Однако условия полисов Ядерного страхового пула по-прежнему находятся в проработке, что не позволяет зарубежным поставщикам перейти к непосредственному заключению контрактов из-за высокой степени юридической неопределенности касательно конкретных деталей реализации

каждого из вариантов страховых схем. Пока страхованию подлежит только холодная зона ядерно-энергетических установок, но страховое обеспечение планируется расширить и на горячую зону реакторов, и на недвижимое имущество⁸⁵. В декабре 2015 г. в индийской прессе появилось сообщение о том, что государственная компания «NPCIL», оператор всех индийских атомных электростанций, хочет, чтобы страховщики вдвое увеличили объем предоставляемых средств, поскольку действующая схема, в рамках которой они зарабатывают 700 млн индийских рупий за внесение 15 млрд индийских рупий в год в качестве страхового покрытия, не предусматривает варианта возникновения нескольких техногенных катастроф в течение одного года, как это было, например, на АЭС «Фукусима», когда одновременно произошло семь тяжелых аварий – на четырех реакторах и на трех хранилищах⁸⁶. Страховщикам подобное предложение крайне невыгодно, так как более 700 млн рупий в качестве страховых отчислений «NPCIL» предлагать не хочет⁸⁷.

Остаются неясными и другие вопросы: 1) будет ли страхование носить обязательный характер для поставщика? 2) предусматривается ли отдельная страховая схема для индийских компаний-поставщиков? 3) каким образом оператор и поставщики будут урегулировать претензии – напрямую или через страховые компании? 4) что будет принято за дату начала действия страхового полиса – момент подписания контракта (в интересах страховых компаний), момент загрузки топлива в реактор, когда для поставщика топлива непосредственно возникают риски с расщепляющимися материалами, или момент физической отгрузки оборудования на склад (в интересах поставщиков ядерно-энергетического оборудования)? 5) будет ли оператору АЭС выдаваться единый страховой полис или несколько полисов

⁸¹ Ibid.

⁸² Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

⁸³ India Nuclear Insurance Pool Launched // *The Business Standard*, 13.06.2015. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/finance/india-nuclear-insurance-pool-launched-115061201250_1.html

⁸⁴ Frequently Asked Questions and Answers on Civil Liability for Nuclear Damage Act 2010 and Released Issues / Ministry of External Affairs, 08.02.2015. Mode of access: http://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/24766/Frequently_Asked_Questions_and_Answers_on_Civil_Liability_for_Nuclear_Damage_Act_2010_and_related_issues

⁸⁵ India Nuclear Insurance Pool Launched // *The Business Standard*, 13.06.2015. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/finance/india-nuclear-insurance-pool-launched-115061201250_1.html

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Ibid.

в соответствии с количеством заключенных контрактов? б) насколько может возрасти сумма контрактов в результате применения страховых схем?

Сохраняющаяся неопределенность в отношении способа функционирования Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г. и Закона о гражданско-правовой ответственности за ядерный ущерб 2010 г. в целом, а также разрабатываемых страховых схем в частности не умаляет достигнутого кабинетом Н. Модии прогресса в области разработки индийского режима ответственности за ядерный ущерб, признаваемого международным сообществом. Полное оформление подобного режима – и законодательное, и институциональное – требует времени. Судя по сообщениям индийской прессы, работа в этом направлении активно ведется, однако в силу секретности информации, представляющей коммерческую тайну, детали переговоров и условия контрактов огласке не предаются, только финальные решения.

Таким образом, в подходе кабинета Н. Модии к развитию внешнеэкономических связей в области ядерной энергетики наблюдается преемственность. Если при М. Сингхе был создан задел для реализации намеченных планов в виде подписанных международных соглашений, широкой сети контактов, оформленных в договоры о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях, и утвержденных правительством планов по увеличению мощностей атомных электростанций, то в течение двух лет правления кабинета Н. Модии удалось создать из задела прочный фундамент для дальнейшего поступательного развития отрасли. Во-первых, прояснить вопрос о гражданской ответственности за ядерный ущерб путем ратификации Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ от 15 мая 2009 г., Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г. и создания Ядерного страхового пула, без чего невозможно перевести достигнутые договоренности с зарубежными компаниями в практическую плоскость. Во-вторых, заключить новые соглашения с перспективными поставщиками урана и ядерных технологий.

Наконец, включить вопрос о сотрудничестве в области ядерной энергетики в двустороннюю торговую повестку с развивающимися странами.

Литература:

Вступила в силу конвенция о дополнительной компенсации за ядерный ущерб / Российское атомное сообщество, 20.04.2015. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/04/20/56357>

Индия подписала конвенцию о дополнительном возмещении за ядерный ущерб / Центр новостей ООН, 27.10.2010. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=14483#.VzAs9uTVH6M>

Индия ратифицирует конвенцию о дополнительном возмещении за ядерный ущерб / Российское атомное сообщество, 08.02.2016. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2016/02/08/63166>

Индия: Страхование ядерного ущерба потребует привлечения средств из-за рубежа / СКЦ Росатома, 15.12.2011. Режим доступа: <http://www.sk.ru/press/news/item/4177409/>

Россия и Индия договорились о строительстве 12 энергоблоков АЭС // Лента.ру, 11.12.2014. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2014/12/11/india/>

Число ядерных объектов под гарантиями МАГАТЭ в Индии возрастет до 22 / Российское атомное сообщество, 30.12.2014. Режим доступа: http://www.atomic-energy.ru/news/2014/12/30/54132_soobshhestvo, 30.12.2014. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2014/12/30/54132>

Шульга И. Ядерная реинкарнация // Атомный эксперт, 03.03.2015. Режим доступа: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnaciya>

Crail, P. IAEA Approves India Additional Protocol / Arms Control Association, 31.03.2009. Mode of access: https://www.armscontrol.org/act/2009_04/IndiaProtocol

Dixit, A. India's Additional Protocol Enters into Force / IAEA, 25.07.2014. Mode of access: <https://www.iaea.org/newscenter/news/indias-additional-protocol-enters-force>

Engineering Giants Gear to Set up Nuclear Projects // Business Standard, 31.08.2010. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/companies/engineering-giants-gear-to-set-up-nuclear-projects-110083100003_1.html

Frequently Asked Questions and Answers on Civil Liability for Nuclear Damage Act 2010 and Released Issues / Ministry of External Affairs, 08.02.2015. Mode of access: http://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/24766/Frequently_Asked_Questions_and_Answers_on_Civil_Liability_for_Nuclear_Damage_Act_2010_and_related_issues

Hybrid Desalination Plant at Kalpakkam // *The Hindu*, 06.12.2012. Mode of access: <http://www.thehindu.com/sci-tech/science/hybrid-desalination-plant-at-kalpakkam/article4167670.ece>

IAEA to Get More Access to India's Nuclear Programme // *The Times of India*, 23.06.2014. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/IAEA-to-get-more-access-to-Indias-nuclear-programme/articleshow/37090811.cms>

India Ignores China's Frown, Offers Defence Boost to Vietnam // *The Times of India*, 29.10.2014. Mode of

access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/India-ignores-Chinas-frown-offers-defence-boost-to-Vietnam/article6139494.ece>

India More Open to N-Inspections // *The Hindu*, 23.06.2014. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/india-more-open-to-ninspections/article6139494.ece>

India Nuclear Insurance Pool Launched // *The Business Standard*, 13.06.2015. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/finance/india-nuclear-insurance-pool-launched-115061201250_1.html

India to Build a 'Strategic Uranium Reserve' // *The Indian Express*, 19.07.2015. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/india/india-others/india-to-build-a-strategic-uranium-reserve/>

India Widens N-Fuel Base, Signs Up Uzbek Firm For Uranium Supplies // *The Indian Express*, 27.08.2014. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/business/business-others/india-widens-n-fuel-base-signs-up-uzbek-firm-for-uranium-supplies/>

India, Australia Seal Civil Nuclear Deal // *The Hindu*, 06.09.2014. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/nuclear-deal-will-finally-allow-australian-uranium-to-india-ony-abbott/article6383173.ece>

India, Japan Sign MoU on Peaceful Use of Nuclear Energy // *The Times of India*, 12.12.2015. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/India-Japan-sign-MoU-on-peaceful-use-of-nuclear-energy/articleshow/50149098.cms>

Iqbal, A. India to Seek Obama's Support to Join Nuclear Club // *The Dawn*, 03.01.2015. Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1154769>

Manmohan Calls for Building Energy Security // *The Hindu*, 07.08.2005. Mode of access: <http://www.thehindu.com/2005/08/07/stories/2005080704920800.htm>

Mishra, S. India's Civil Nuclear Network: A Reality Check // *Air Power Journal*, 2010, Vol. 5, No. 4. Mode of access: https://www.academia.edu/534757/Indias_Civil_Nuclear_Network_A_Reality_Check

Modi in China: The Nuclear Dimension // *The Indian Express*, 14.05.2015. Mode of Access: <http://indianexpress.com/article/blogs/modi-in-china-the-nuclear-dimension/>

Nuclear Deal: India to Ratify Additional Protocol to Indian Specific Safeguard Agreement // *The Indian Express*, 23.06.2014. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/india/india-others/india-to-grant-greater-ease-to-iaea-to-monitor-its-civilian-nuclear-programme/>

Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

Nuclear Power Share in Electricity Generation / Parliamentary Questions and Answers. Lok Sabha Budget Session, 02.03.2016. P. 1. Mode of access: <http://dae.nic.in/writereaddata/parl/budget2016/lsus1078.pdf>

Panda, A. India Ranked Below China, Pakistan for Nuclear Security // *The Diplomat*, 11.01.2014. Mode of Access: <http://thediplomat.com/2014/01/india-ranked-below-china-pakistan-for-nuclear-security/>

Panda, A. India to Open Nuclear Program to Greater IAEA Scrutiny // *The Diplomat*, 24.06.2015. Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/06/india-to-open-nuclear-program-to-greater-iaea-scrutiny/>

Pre-Emptying China, India Inks Nuclear Pact with Sri Lanka // *The Hindu*, 17.02.2015. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/preempting-china-india-inks-nuclear-pact-with-sri-lanka/article6902874.ece>

Splitting Atoms for the Progress and Prosperity of the Nation / Government of India. Department of Atomic Energy.

Sri Lanka President Signs Nuclear Deal with India PM // *Al Jazeera*, 16.02.2015. Mode of access: <http://www.aljazeera.com/news/asia/2015/02/sri-lankan-president-signs-nuclear-deal-indian-pm-150216125615071.html>

Tata Consulting Engineers Limited (TCE) / Российское атомное сообщество. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/tata-consulting-engineers-limited-tce> [Tata Consulting Engineers Limited (TCE) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/tata-consulting-engineers-limited-tce/>

Time for India to Export Nuclear Power Reactors and Peaceful Nuclear Technologies / IDSA, 20.01.2011. Mode of Access: http://www.idsa.in/idsacomment/TimeforIndiaToExportNuclearPowerReactorsandPeacefulNuclearTechnologies_120111

Union Minister Jitendra Singh Announces 1500 Crore Rupees Nuclear Insurance Pool // *NDTV*, 13.06.2015. Mode of Access: <http://www.ndtv.com/india-news/union-minister-jitendra-singh-announces-rs-1500-crore-nuclear-insurance-pool-771343>

World Uranium Mining Production / World Nuclear Association, April 2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

World Uranium Mining Production / World Nuclear Association, April 2016. Mode of Access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

World Uranium Mining Production / World Nuclear Association, April 2016. Mode of Access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

References:

Chislo jadernyh obektov pod garantijami MAGATE v Indii vozrastet do 22 (India to Put 22 Nuclear Facilities Under IAEA Safeguards) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo, 30.12.2014. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2014/12/30/54132>

Crail, P. IAEA Approves India Additional Protocol / Arms Control Association, 31.03.2009. Mode of access: https://www.armscontrol.org/act/2009_04/IndiaProtocol

Dixit, A. India's Additional Protocol Enters into Force / IAEA, 25.07.2014. Mode of access: <https://www.iaea.org/newscenter/news/indias-additional-protocol-enters-force>

Engineering Giants Gear to Set up Nuclear Projects // *Business Standard*, 31.08.2010. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/companies/engineering-giants-gear-to-set-up-nuclear-projects-110083100003_1.html

Frequently Asked Questions and Answers on Civil Liability for Nuclear Damage Act 2010 and Released Issues / Ministry of External Affairs, 08.02.2015. Mode of access: http://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/24766/Frequently_Asked_Questions_and_Answers_on_Civil_Liability_for_Nuclear_Damage_Act_2010_and_related_issues

Hybrid Desalination Plant at Kalpakkam // *The Hindu*, 06.12.2012. Mode of access: <http://www.thehindu.com/sci-tech/science/hybrid-desalination-plant-at-kalpakkam/article4167670.ece>

IAEA to Get More Access to India's Nuclear Programme // *The Times of India*, 23.06.2014. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/IAEA-to-get-more-access-to-indias-nuclear-programme/articleshow/30149098.cms>

timesofindia.indiatimes.com/india/IAEA-to-get-more-access-to-Indias-nuclear-programme/articleshow/37090811.cms

India Ignores China's Frown, Offers Defence Boost to Vietnam // *The Times of India*, 29.10.2014. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/India-ignores-Chinas-frown-offers-defence-boost-to-Vietnam/articleshow/44965272.cms>

India More Open to N-Inspections // *The Hindu*, 23.06.2014. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/india-more-open-to-ninspections/article6139494.ece>

India Nuclear Insurance Pool Launched // *The Business Standard*, 13.06.2015. Mode of access: http://www.business-standard.com/article/finance/india-nuclear-insurance-pool-launched-115061201250_1.html

India to Build a 'Strategic Uranium Reserve' // *The Indian Express*, 19.07.2015. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/india/india-others/india-to-build-a-strategic-uranium-reserve/>

India Widens N-Fuel Base, Signs Up Uzbek Firm For Uranium Supplies // *The Indian Express*, 27.08.2014. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/business/business-others/india-widens-n-fuel-base-signs-up-uzbek-firm-for-uranium-supplies/>

India, Australia Seal Civil Nuclear Deal // *The Hindu*, 06.09.2014. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/nuclear-deal-will-finally-allow-australian-uranium-to-india-tony-abbott/article6383173.ece>

India, Japan Sign MoU on Peaceful Use of Nuclear Energy // *The Times of India*, 12.12.2015. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/India-Japan-sign-MoU-on-peaceful-use-of-nuclear-energy/articleshow/50149098.cms>

Indija podpisala konvenciju o dopolnitel'nom vozmeshhenii za jadernyj ushherb (India Signs Convention on Supplementary Damage for Nuclear Damage) / Centr novostej OON (UN News Centre), 27.10.2010. Mode of access: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=14483#.VzAs9uTVH6M>

Indija ratificiruet konvenciju o dopolnitel'nom vozmeshhenii za jadernyj ushherb (India to Ratify Convention on Supplementary Compensation for Nuclear Damage) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo, 08.02.2016. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2016/02/08/63166>

Indija: Strahovanie jadernogo ushherba potrebuet privlechenija sredstv iz-za rubezha (India: Insurance Against Liability for Nuclear Damage Will Require Foreign Investment) / SKC Rosatoma, 15.12.2011. Mode of access: <http://www.skcr.ru/press/news/item/4177409/>

Iqbal, A. India to Seek Obama's Support to Join Nuclear Club // *The Dawn*, 03.01.2015. Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1154769>

Manmohan Calls for Building Energy Security // *The Hindu*, 07.08.2005. Mode of access: <http://www.thehindu.com/2005/08/07/stories/2005080704920800.htm>

Mishra, S. India's Civil Nuclear Network: A Reality Check // *Air Power Journal*, 2010, Vol. 5, No. 4. Mode of access: https://www.academia.edu/534757/Indias_Civil_Nuclear_Network_A_Reality_Check

Modi in China: The Nuclear Dimension // *The Indian Express*, 14.05.2015. Mode of Access: <http://indianexpress.com/article/blogs/modi-in-china-the-nuclear-dimension/>

Nuclear Deal: India to Ratify Additional Protocol to Indian Specific Safeguard Agreement // *The Indian Express*, 23.06.2014. Mode of access: <http://indianexpress.com/article/india/india-others/india-to-grant-greater-ease-to-iaea-to-monitor-its-civilian-nuclear-programme/>

com/article/india/india-others/india-to-grant-greater-ease-to-iaea-to-monitor-its-civilian-nuclear-programme/

Nuclear Power in India / World Nuclear Association, 26.02.2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india.aspx>

Nuclear Power Share in Electricity Generation / Parliamentary Questions and Answers. Lok Sabha Budget Session, 02.03.2016. P. 1. Mode of access: <http://dae.nic.in/writereaddata/parl/budget2016/lsus1078.pdf>

Panda, A. India Ranked Below China, Pakistan for Nuclear Security // *The Diplomat*, 11.01.2014. Mode of Access: <http://thediplomat.com/2014/01/india-ranked-below-china-pakistan-for-nuclear-security/>

Panda, A. India to Open Nuclear Program to Greater IAEA Scrutiny // *The Diplomat*, 24.06.2015. Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/06/india-to-open-nuclear-program-to-greater-iaea-scrutiny/>

Pre-Emptying China, India Inks Nuclear Pact with Sri Lanka // *The Hindu*, 17.02.2015. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/national/preempting-china-india-inks-nuclear-pact-with-sri-lanka/article6902874.ece>

Rossija i Indija dogovorilis' o stroitel'stve 12 jenergoblokov AES (Russia and India Agreed on Constructing 12 Nuclear Reactors) // *Lenta.ru*, 11.12.2014. Mode of access: <https://lenta.ru/news/2014/12/11/india/>

Shulga, I. Jadernaja reinkarnacija (Nuclear Reincarnation) // *Atomnyj jekspert*, 30.03.2015. Mode of access: <http://atomicexpert.com/content/yadernaya-reinkarnacija>

Splitting Atoms for the Progress and Prosperity of the Nation / Government of India. Department of Atomic Energy.

Sri Lanka President Signs Nuclear Deal with India PM // *Al Jazeera*, 16.02.2015. Mode of access: <http://www.aljazeera.com/news/asia/2015/02/sri-lankan-president-signs-nuclear-deal-indian-pm-150216125615071.html>

Tata Consulting Engineers Limited (TCE) / Российское атомное сообщество. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/tata-consulting-engineers-limited-tce> [Tata Consulting Engineers Limited (TCE) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/tata-consulting-engineers-limited-tce>]

Time for India to Export Nuclear Power Reactors and Peaceful Nuclear Technologies / IDSA, 20.01.2011. Mode of Access: http://www.idsa.in/idsacomments/TimeforIndiaToExportNuclearPowerReactorsandPeacefulNuclearTechnologies_120111

Union Minister Jitendra Singh Announces 1500 Crore Rupees Nuclear Insurance Pool // *NDTV*, 13.06.2015. Mode of Access: <http://www.ndtv.com/india-news/union-minister-jitendra-singh-announces-rs-1500-crore-nuclear-insurance-pool-771343>

Vstupila v silu konvencija o dopolnitel'noj kompensacii za jadernyj ushherb (Convention on Supplementary Damage for Nuclear Damage Comes into Force) / Rossijskoe atomnoe soobshhestvo, 20.04.2015. Mode of access: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/04/20/56357>

World Uranium Mining Production / World Nuclear Association, April 2016. Mode of access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

World Uranium Mining Production / World Nuclear Association, April 2016. Mode of Access: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-146-161>

INDIA'S CIVIL NUCLEAR COOPERATION STRATEGY: COMPARING APPROACHES OF MANMOHAN SINGH AND NARENDRA MODI'S CABINETS

Kristina A. Ananina

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 5 June 2016 <i>Accepted:</i> 20 April 2017</p>	<p>Abstract:The article compares the approaches undertaken by the government of former Indian prime-minister Manmohan Singh and that of Narendra Modi to promoting international cooperation in civil nuclear energy following the U.S.-India nuclear deal. The findings indicate that Modi's nuclear policy complements and, paradoxically, advances key initiatives of the opposing United Progressive Alliance. Specifically, Modi's nuclear policy aims to foster solid ties with major global suppliers of uranium and atomic production while creating favourable external and internal environment conducive to India's accessing international nuclear market where Indian companies would compete as suppliers of indigenous low and medium power reactors, varied nuclear equipment and materials as well as relevant services, for instance, on design, construction and commissioning of power plants.</p>
<p>About the author: Postgraduate Student, Department of Asian and African Studies, MGIMO University e-mail: ananina.k.a@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: India, nuclear energy, Manmohan Singh, Narendra Modi, United Progressive Alliance, National Democratic Alliance, 123 Agreement, IAEA, NPT, NSG, international export control regimes</p>	

Для цитирования: Ананьина К.А. Стратегия Индии по налаживанию внешнеэкономических связей в области ядерной энергетики: компаративный анализ подходов кабинетов М. Сингха и Н. Модии // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 146-161.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-146-161

For citation: Ananina, Kristina A. Strategiiia Indii po nalazhivaniuu vneshneekonomicheskikh sviazei v oblasti iadernoi energetiki: komparativnyi analiz podkhodov kabinetov M. Singkha i N. Modi (India's Civil Nuclear Cooperation Strategy: Comparing Approaches of Manmohan Singh and Narendra Modi's Cabinets) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 146-161.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-146-161

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. Коллективная монография. – М.-Смоленск: Ойкумена, 2016. – 400 с.

Монография посвящена 25-летию кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова, специализирующейся на изучении принципов и закономерностей пространственной организации глобальной

экономики. Книга меньше всего напоминает смир достижений кафедры, да и её авторский коллектив много шире. В его состав, помимо штатных сотрудников, аспирантов и студентов подразделения, входят ведущие

специалисты других факультетов МГУ и иных учреждений: МГИМО, Института географии РАН, Института экономики РАН, РУДН, ВАВТ Минэкономразвития России, Белградского университета (Сербия), Университета штата Теннесси (США).

Подходя с формальной стороны аннотации труда, следует указать, что монография состоит из пяти равноценных по объему разделов. В первом из них показаны истоки, этапы становления и традиции отечественной школы географии мирового хозяйства. Две последующие части – «отраслевые» – посвящены анализу трендов различных видов деятельности материальной и нематериальной сфер глобальной экономики. Четвертый раздел производства касается изменения роли ряда крупных и малых стран и регионов мира в мировой политике и экономике, вызванных фундаментальными структурными сдвигами в мировом хозяйстве в условиях глобализации. Наконец, в заключительном разделе, посвященного

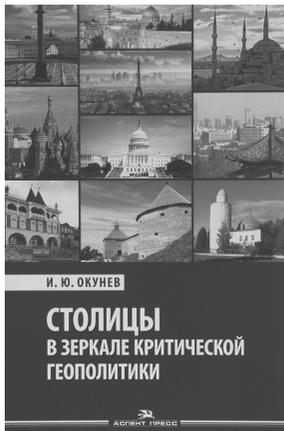
комплексной характеристике современной международной миграции населения, аргументируется рост значимости человеческого капитала в глобальном экономическом развитии, а также взаимосвязи и взаимозависимости регионов и стран мира.

Подходя с качественной стороны оценки труда, важно выделить его фундаментальную опору на цикличность глобального экономического развития; поэтапное свершение мирохозяйственных переходов и смена мирового лидерства от прошлого – Pax Britannica к настоящему – Pax Sinensis. Стремительное возвышение Китая красной нитью проходит в материалах монографии. Анализируя глобальные процессы и задавая все новые темы («корпоративная география» – доктор географических наук Н.А. Слука, «критическая геополитика» – доктор географических наук В.А. Колосов, «неоиндустриализация» – кандидат географических наук Т.Х. Ткаченко), авторы этих и многих других статей попутно раскрывают особую значимость страны на основных аренах глобального взаимодействия. Однозначно усиление позиций Китая в мировом промышленном производстве (доктор географических наук И.А. Родионова, Т.Х. Ткаченко, кандидат географических наук Д.В. Заяц); на важнейших товарных (кандидат географических наук А.В. Хохлов) и финансовых рынках (кандидат географических наук П.Ю. Фомичев); в сфере НИОКР (кандидат географических наук А.В. Федорченко, кандидат географических наук Ю.Ю. Ковалев), потребительской Интернет-торговли (Т.Н. Мьяльзин), международного туризма (кандидат географических наук И.Н. Тикунова, кандидат географических наук Н.В. Шабалина) и др. Хотя, согласно В.А. Колосову, по некоторым параметрам Китай ещё отстает от США, но вполне может сохранить и укрепить свои позиции в мировой экономике на перспективу.

Знакомство с книгой, безусловно, будет полезным как для профессионалов в сфере глобальной экономики, так и для обучающихся, только начинающих свой путь в освоении этой сложной и противоречивой области знания.

Окунев И.Ю. Столицы в зеркале критической геополитики / И.Ю. Окунев. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России – М.: Аспект-Пресс, 2016. – 208 с.

Столица представляется одним из ключевых элементов политико-территориальной структуры государства. Это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент, формирующий, вос-

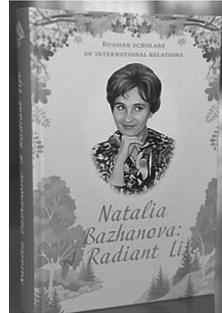
производящий и трансформирующий ее государственность, в первую очередь, оказывающий влияние на административно-территориальное устройство, систему взаимоотношений «центр-регионы» и региональную политику государства. Номинация столицы – это процесс познания нацией самой себя, эссенция представлений народа об их прошлом, геополитическом позиционировании и образе желаемого завтра.

Исследование позволяет по-новому взглянуть на узловые для политической науки вопросы государственного строительства, предлагая новый предмет изучения (символический капитал столицы) и новую междисциплинарную методологию, соединяющую элементы критической геополитики, эволюционной морфологии и социального конструктивизма. Таким образом, исследование задает эмпирическую основу для реинтерпретации влияния отдельных пространственно дифференцированных факторов на развитие государства.

Книга ориентирована на широкую аудиторию, в первую очередь на политологов, международныхников, географов, урбанистов и историков.

Natalia Bazhanova: A Radiant Life

Вышла в свет монография «Natalia Bazhanova: A Radiant Life» на английском языке, открывающая серию «Российские ученые-международники».

Настоящее издание открывает серию «Российские ученые-международники», книги которой рассказывают о жизни и творчестве соотечественников, внесших весомый вклад в изучение мировой политики и экономики, международных отношений, международного права, цивилизаций, культур, этносов.

Издание посвящено выдающемуся ученому, дипломату, писателю, публицисту, педагогу и просветителю – Наталье Евгеньевне Бажановой (1947 – 2014). Она автор – 31 книги, 24 исследований, более 400 статей, опубликованных во многих странах. Темы научных изысканий Н.Е. Бажановой: общие проблемы международных отношений; глобалистика и регионоведение; внешняя политика и внутреннее положение России, Северной и Южной Кореи, Китая, США, стран АСЕАН, Европы; национальные характеры, диаспоры. Н.Е. Бажанова выступала с докладами и лекциями в научных, учебных и общественных организациях различных государств, подготовила почти три десятка докторов и кандидатов наук, среди которых – Президент Южной Кореи (1998-2003), Лауреат Нобелевской премии мира (2000) Ким Дэ Чжун, Председатель Сената Республики Казахстан К-Ж.К. Токаев, Ректор МГИМО(У), академик РАН А.В. Торкунов и другие выдающиеся личности.

Издание содержит многочисленные документы и материалы о научной, публицистической, педагогической, общественно-политической деятельности Н.Е. Бажановой, полный перечень публикаций ученого, адресованные ей письма, воспоминания 150 человек, в том числе российских и зарубежных государственных деятелей, ученых, дипломатов, журналистов, педагогов.

Издание иллюстрировано многочисленными фотографиями, в частности, из семейного архива.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВМЕСТНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МГИМО И НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ВЕНГРИИ

С 24 по 27 мая 2017 г. в Будапеште прошла совместная конференция МГИМО и Национального университета государственной службы Венгрии. Делегацию Университета возглавлял проректор МГИМО по кадровой политике В.М. Морозов.

От МГИМО в мероприятии также приняли участие декан Факультета политологии А.Д. Воскресенский (в настоящее время – Директор Центра региональных проектов и комплексного китаеведения МГИМО, член Общественного Совета Минвостокразвития), заместитель декана, доцент кафедры востоковедения Е.В. Колдунова (в настоящее время – заместитель декана Факультета международных отношений) и заместитель декана, доцент кафедры сравнительной политологии И.Ю. Окунев.

Национальный университет государственной службы представляли проректор по международным связям Юдит Надь, декан Факультета международных отношений и европейских исследований Богларка Коллер и заместитель декана Янош Бока, а также представители профессорско-преподавательского состава НУПС.

Конференция была посвящена вопросам развития трансрегиональных взаимосвязей и проблемам подготовки специалистов в области международных отношений. Венгерские коллеги отметили высокий уровень теоретического и практического анализа трансрегиональных и региональных процессов, содержащийся в выступлениях представителей МГИМО. Состоялась продуктивная дискуссия по вопросам обмена опытом и лучшими практиками в области организации учебного процесса и подготовки кадровых специалистов для внешнеполитических ведомств и других государственных

и негосударственных органов, вовлеченных в международное сотрудничество.

В заключительной части мероприятия стороны обсудили направления дальнейшего сотрудничества МГИМО и НУПС.

XVI-й ДИАЛОГ ШАНГРИ-ЛА

В Сингапуре в начале июня 2017 г. прошел очередной, 16-й Азиатский саммит по проблемам безопасности, известный также как «Диалог Шангри-ла». Со стороны МГИМО в нем приняла участие доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН Е.В. Колдунова.

В этом году пленарные и специальные секции диалога были посвящены таким вопросам, как роль США в обеспечении безопасности АТР, поддержание регионального порядка, основанного на соблюдении общих правил и норм, ядерная угроза в АТР, новые формы сотрудничества в области безопасности, влияние новых технологий на оборонные системы государств региона, практические меры, направленные на то, чтобы не допустить возникновения конфликтов на море, поиск общих подходов к вопросам региональной безопасности и глобальные угрозы региональной безопасности. В рамках секции, посвященной глобальным угрозам, от России с докладом выступил заместитель министра обороны Российской Федерации А.В. Фомин.

В этом году в Диалоге Шангри-ла участвовали представители 48 стран. Общее количество участников превысило 600 человек. На полях саммита прошло более 80 встреч.

МГИМО в рамках Диалога Шангри-ла представляла доцент кафедры востоковедения, ведущий эксперт Центра АСЕАН Е.В. Колдунова. Она выступила в дискуссии, в частности, в рамках первой («Роль США в обеспечении безопасности в АТР») и четвертой («Поиск общих подходов к вопросам региональной безопасности») пленарных сессий.

ПАРТНЕРЫ

INDECO. ПОСОЛЬСТВО
ИНДИИ В МОСКВЕПредложение об открытии
российского отдела

В ходе своего визита в Санкт-Петербург в июне 2017 года Премьер-министр Индии объявил об открытии специализированного «Российского отдела» в агентстве «Инвест Индия», который напрямую займется работой с российскими инвесторами и будет оказывать поддержку в области инвестирования и работы их предприятий в Индии.

Российский отдел предложит прямое сопровождение интересующимся Индией российским компаниям, включая рекомендации по ведению бизнеса, рекомендации по нормативно-правовым аспектам работы, оценке локаций, помощь с получением разрешений от регулирующих органов, решение проблем и поддержку инициатив по расширению бизнеса.

«Инвест Индия» – это национальное агентство по развитию и стимулированию инвестиций, действующее в качестве некоммерческой организации под эгидой Департамента промышленной политики и развития Министерства коммерции. Именно в эту организацию в первую очередь обращаются потенциальные инвесторы. В состав нашего коллектива входят специалисты-отраслевые и эксперты в об-

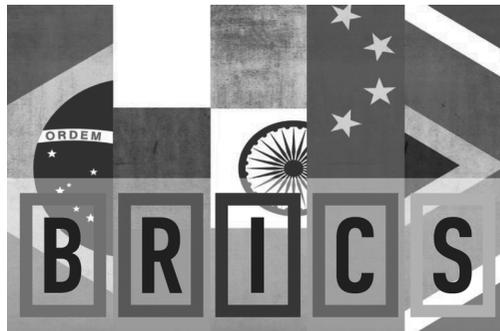
ласти инвестиций, которые предоставляют сведения по каждой отрасли и по каждому штату и сопровождают инвесторов на протяжении всего инвестиционного цикла, начиная с предварительной оценки, вплоть до принятия инвестиционного решения, его осуществления и ведения бизнеса на повседневной основе. «Инвест Индия» использует весь спектр инструментов поддержки и сопровождения клиентов, доступный в рамках программы «Делай в Индии».

*Дополнительная информация
на сайте партнера:*

<https://www.smore.com/kx3gv-indeco?ref=email>

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ БРИКС,
РОССИЯ

Бюллетень №81 / Июль 2017

ЭКСПЕРТНОЕ ИЗУЧЕНИЕ БРИКС

НКИ БРИКС,
Россия

МОСКВА,
2015

Новости БРИКС:

Владимир Путин выступил на встрече лидеров БРИКС в рамках саммита G20.

Си Цзиньпин призвал Трампа к взаимному уважению интересов их стран.

Саммит G20: Премьер-министр Индии Моди и лидер КНР Си в неформальной беседе на фоне приграничного конфликта.

Бразилия считает сотрудничество в рамках объединения БРИКС одним из приоритетов своей внешней политики.

Подробнее: nkibrics.ru/pages/bulletins

Новые публикации, наука и аналитика:

Рустем Фаляхов (Гамбург), Иван Жуковский. «Большой двадцатки» больше нет. Подробнее: nkibrics.ru/pages/bulletins

Руан Зонгзе (Ruan Zongze). Belt and Road Initiative: A New Frontier for Win-Win Cooperation // China International Studies, No. 65, July-August 2017. Подробнее: nkibrics.ru/pages/bulletins

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ БРИКС

Создан в 2011 году в целях исполнения утвержденного Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 24 мая 2011 года плана мероприятий по реализации договоренностей, достигнутых на саммите БРИКС в г. Санья (КНР).

Основная цель работы Национального комитета - организация и проведение исследований о роли и месте стран БРИКС и других «восходящих держав» в мировой политике и экономике. Комитет призван способствовать формированию единого информационного поля в области отечественных исследований БРИКС и продвижению российской позиции и экспертных оценок на международной арене; координации деятельности ведущих научно-исследовательских организаций и экспертов на направлении БРИКС.

Председатель Правления – В.А. Никонов

Председатель Президиума Научного Совета – член-корреспондент РАН В.М. Давыдов

Адрес: 117218, г. Москва,
ул. Кржижановского, 13, корп. 2.
Тел.: 8 495 981 66 70 доб. 118;
nkibrics.ru/pages/bulletins
bulletin@nkibrics.ru

МОСТЫ Аналитика и новости о торговле и устойчивом развитии

International Centre for Trade
and Sustainable Development

Информационно-аналитическая публикация «Мосты» – русскоязычное издание в семействе бюллетеней “Bridges”, которое предоставляет актуальную информацию по вопросам международной торговли и устойчивого развития.

Бюллетень «Мосты» и Дайджест новостей «Мосты» издаются Международным центром по торговле и устойчивому развитию (ICTSD) совместно с Центром по окружающей среде и устойчивому развитию «Эко-Согласие» с октября 2007 года.

Публикация нацелена на достижение трех главных целей: увеличение прозрачности в многосторонних торговых переговорах, наращивание потенциала, обмен знаниями и информацией в области международной торговли и устойчивого развития.

Издание регулярно освещает новости международных организаций, в том числе ВТО, ОЭСР, ЮНКТАД, ЮНЕП, аналитические обзоры по вопросам международной торговли и ее взаимосвязи с экономическими, социальными и экологическими аспектами устойчивого развития, а также предоставляет информацию о новых публикациях и анонсах предстоящих мероприятий. Особое внимание уделяется странам региона Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии, региональной интеграции, в том числе проблематике Таможенного союза, и важнейшим событиям в рамках международной повестки.

«Мосты» помогают быть в курсе последних событий в области торговли и устойчивого развития, повышать знания и улучшать исследования в этой сфере, генерировать и совершенствовать идеи, а также лучше понимать взгляды других лиц, участвующих в разработке торговой политики.

*Дополнительная информация
и возможность подписки на сайте партнера:*

<https://ru.ictsd.org/bridges-new>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа**. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту svavnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включают рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);

- key words (7–12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskressenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI - Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal *Comparative Politics* in RSCI-Web of Science) / Journal *Comparative Politics* Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals.** The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);

– About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

– Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and, research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверг-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskresenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI - Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].